

Румянцева

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
М.М. СПЕРАНСКОГО**

ISBN 5-209-00901-7

9 785209 009016

Москва

Издательство Российского университета дружбы народов

2005

Государственное образовательное учреждение
Российский университет дружбы народов

Н.М. Румянцева

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
М.М. СПЕРАНСКОГО

Дорогой Алексей Викторович
всегда с благодарностью
и самым добрым пожелани-
ем.
Н.М. Румянцева

15/12/02

Москва
Издательство Российского университета дружбы народов
2005

ББК 74.03
Р 96

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор В.Д. Ившин,
доктор педагогических наук, профессор А.Д. Дейкина

Румянцева Н.М.
Р 96 Просветительско-педагогическая деятельность М.М. Сперанского: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 196 с.

ISBN 5-209-00901-7

Монография освещает просветительскую деятельность М.М. Сперанского в области российского образования начала XIX века. Рассмотрены его педагогические воззрения, проанализированы написанные им учебники, хронологически прослежено участие М.М. Сперанского во всех реформаторских комиссиях и комитетах по вопросам народного образования, обоснована оценка его вклада в создание российских учебных заведений нового типа.

Издание может быть полезно как педагогам-теоретикам, так и практикам, всем тем, кто интересуется историей русской педагогики.

ISBN 5-209-00901-7

ББК 74.03

© Издательство Российского университета дружбы народов, 2005
© Румянцева Н.М., 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Часть I. Исторические предпосылки просветительско-педагогической деятельности М.М. Сперанского	7
§ 1. Особенности и характерные черты российского Просвещения.....	7
§ 2. Российская высшая школа от Петра Великого до Александра Благословенного.....	23
§ 3. Русская начальная школа при императрице Екатерине Второй.....	36
§ 4. Начало карьеры М.М. Сперанского как общественно значимой личности.....	43
§ 5. Истоки педагогической риторики М.М. Сперанского – публициста, педагога и просветителя..	55
Часть II. М.М. Сперанский – педагог, наставник, воспитатель	61
§ 1. Педагогическая деятельность М.М. Сперанского в духовной семинарии.....	61
§ 2. М.М. Сперанский как основоположник родительской педагогики.....	75
§ 3. Педагогические воззрения М.М. Сперанского.....	83
§ 4. Вклад М.М. Сперанского в реформу российского образования.....	89
§ 5. Взгляды М.М. Сперанского на законность и юридическое образование как главные задачи в деятельности педагога-правоведа.....	131
§ 6. Царскосельский лицей и Училище правоведения – реализация просветительских идей М.М. Сперанского.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
Список использованной литературы	181
Приложения	
<i>Приложение 1. Отрывок из проповеди, говоренной М.М. Сперанским в неделю осьмую на десять октября 1791 года в Александроневской лавре: «Не бойся отсея будещи человека ловя» (Русская старина, 1902, январь. С. 286-291)</i>	186
<i>Приложение 2. Об усовершеннии общего народного воспитания (Русская старина. 1907, № 12, с. 730-735)</i>	190

ПРЕДИСЛОВИЕ

Государственных деятелей, которые, неоспоримо, остались в истории государства Российского, нужно знать, помнить и обращаться к ним за советами в своих раздумьях о судьбе Отчизны, ее процветании, развитии науки и культуры, ибо без прошлого нет и не может быть настоящего.

Личность М.М. Сперанского – явление в русской государственности, образовании, культуре в целом. Представить себе рубеж XVIII и XIX веков без этой значительной личности просто невозможно. Сейчас, когда наше государство ищет новые пути развития, когда проводятся либеральные реформы и преобразуются многие жизненно важные для народа отрасли производства, образования, культуры и социальной сферы, наша память невольно обращается к истории России конца XVIII – начала XIX столетия.

Гражданская обязанность нашего поколения донести до современников и оставить сведения потомкам о непреходящем значении реформаторских, просветительских и педагогических воззрений Михаила Михайловича Сперанского. Его неутомимая деятельность во благо Отечества на многих постах государственного строительства, участие в комиссиях и комитетах по реформированию народного образования – вклад, весьма весомый и ощутимый, в российскую педагогику, филологию, юриспруденцию, в создание новых типов учебных заведений. «Бессмертные не умирают», дела и имена их живут в трудах, в памяти учеников, потомков.

Для многих, привыкших считать М.М. Сперанского видным политическим деятелем, законоводителем, станет позна-

вательным моментом его непосредственное участие в создании и открытии таких известных образовательных учреждений, как Царскосельский лицей, Училище правоведения – совершенно новых типов учебных заведений; а также его активная работа по составлению их Уставов, учебных программ.

По усилиям, направленным на распространение в Российской империи законодательной науки, просвещения, по вкладу в повышение культуры русской речи, а также по незнатному происхождению, многочисленным талантам, харизматическому духу служения и особой духовной силе – М.М. Сперанский может быть смело назван лучшим учеником и последователем великого дела М.В. Ломоносова. В работе охарактеризованы его многочисленные заслуги в области образования, отмечено активное участие в российских реформах, прослежена педагогическая и наставническая деятельность.

Особое педагогическое мастерство и талант убеждения слушателей, доходчивость и вместе с тем серьезность его «бесед» позволили М.М. Сперанскому заняться науками с Александром Николаевичем – наследником российского престола, Сергеем Уваровым – будущим российским министром просвещения. Он сделал все, чтобы образование стало и для монарха, и для его подданных предтечей достойной службы Отечеству.

Именно поэтому обращение к просветительскому и педагогическому наследию М.М. Сперанского следует признать крайне необходимым и целесообразным. Русский ученый Н.И. Тургенев в воспоминаниях «Россия и русские» (Париж, 1847) выражал надежду, «что если только Россия когда-нибудь будет иметь беспристрастную историю, имя Сперанского упомянется в ней с некоторой честью» [Тургенев, с. 2].

В трудах М.М. Сперанского можно найти много ценного, проверенного временем и жизнью, найти пищу для серь-

езных размышлений о России и ее судьбе, насладиться ярким и образным языком, ознакомиться с богатейшей культурологической и страноведческой информацией, благодаря чему откроются – доселе не описанные – многочисленные грани таланта истинно русской, национально-самобытной личности, какой является М.М. Сперанский.

Чтобы проникнуть в мир, с одной стороны, государственного чиновника, с другой – поэтической и возвышенной натуры художника-творца, с третьей – заботливого отца, просто земного человека, необходимо ознакомиться как с его ранними трудами и письмами, так и с работами более позднего периода, почувствовать в них озабоченность состоянием дел в деспотическом государстве и веру в постепенное оздоровление нации (см. приложения). Смысл жизни М.М. Сперанского – служение народу, Отечеству, общественному благу. Эта мысль зазвучала уже в юношеском стихотворении 1796 года: «Человек рождается быть человеком, быть полезным своему ближнему, быть другом общества, нести тяготу оною».

* * *

Самые искренние слова благодарности за огромную помощь и ценные советы в процессе работы над книгой выражаю доктору педагогических наук, профессору РУДН Т.М. Балыхиной, кандидату филологических наук, доценту СПбГУ И.С. Клименко, кандидату исторических наук, академику РАЕН, профессору, заведующему кафедрой теории и истории журналистики РУДН Е.Г. Коренчуку.

Автор

Часть I

Исторические предпосылки просветительно-педагогической деятельности М.М. Сперанского

§ 1. Особенности и характерные черты российского Просвещения

Первая четверть XVIII столетия в России явилась временем закладки основы светской школы, ориентированной на подготовку специалистов разного профиля и разного уровня. Возникновение в петровскую эпоху новых типов школ было важным этапом в организации национальной системы образования. В этот период был заложен фундамент для построения школьного дела на новых началах.

Реформы Петра I ликвидировали монополию духовенства в области образования, хотя церковь по-прежнему играла большую роль в идеологической жизни страны. С принятием 25 января 1721 года «духовного регламента», составленного Феофаном Прокоповичем («Гимн просвещению», как оценили современники этот регламент), излагалась новая программа школьного обучения. Предписывалось открывать учебные заведения для детей духовенства при домах архиереев. Обучение здесь было смешанным: светская программа сочеталась с религиозной. Готовили священнослужителей и обучали их религии, письму, чтению, арифметике и геометрии.

Как пишет И.А. Чистович, именно «в это время усиления мер к распространению образования в духовном сословии основано училище при Александроневском монастыре». История этого духовного образовательного учреждения «имеет 5 периодов». Первый период – от основания училища под названием Славянской школы до переименования в Славяно-греко-латинскую семинарию (1721-1725). Второй период – до преобразования ее по образцу главных народных училищ и переименования в Главную семинарию (1725-1788). Третий период «обнимает» историю Главной семинарии до переименования ее в Академию, по примеру киевской и московской академий (1788-1797), четвертый этап – история Академии до преобразования духовных училищ (1797-1809). И последний этап – история Санкт-Петербургской духовной академии со времени образования ее по новому плану в 1809 году до сих пор [Чистович, 1857, с. 5].

В провинции начальное образование осуществлялось в трех типах школ: 46 епархиальных, готовящих священнослужителей; 42 – цифирных, для подготовки местных мелких чиновников; в гарнизонных школах – для обучения солдатских детей.

Школьная реформа имела определенную систему, отвечала потребностям социально-экономического развития России. При ее осуществлении учитывался накопленный веками опыт народного воспитания, эмпирические знания, занимавшие ведущее место в умственном воспитании подрастающего поколения. Обучение в школах велось на русском языке. Для создания учебных книг и пособий привлекались не только отечественные ученые, но и ученые из других стран. В учебниках отражались передовые педагогические идеи того времени, методика была направлена на сознательное усвоение содержания учебного материала.

В 1717 году Государь был единогласно избран членом Парижской академии наук и воодушевленный таким признанием в июне 1718 года повелел «Сделать академию. А ныне

приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет». По поводу создания Академии в России Петр I советовался с видными зарубежными учеными, конечно же, с Лейбницем, Вольфом и другими. Из русских организаторов Академии большая заслуга принадлежит изобретателю А.К. Нартову.

28 января 1724 года Сенат объявил именной указ царя об учреждении Академии.

Петровские преобразования в сфере культуры, быта и нравов носили ярко выраженный политический характер, вводились зачастую насильственными методами. Но во главу угла этих реформ были поставлены интересы государства, которое строилось по жестокому плану монаршей воли. Петр очень верил в русский народ, в его таланты, говоря: «Это передвижение наук я приравниваю к обращению крови в человеческом теле, и сдаюсь мне, что со временем они оставят теперешнее свое местопребывание в Англии, Франции и Германии. Покамест советую вам помнить латинскую поговорку: «*ora et labora*» («молись и трудись») и твердо надеяться, что, может быть, еще на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую степень славу русского имени чрез искусство и науки» [Ключевский, 1990, с. 221].

Чисто внешние атрибуты петровской эпохи, проявившиеся в декретивном введении европейских обычаев и нравов, в отрыве от вековых традиций русской культуры, должны были подчеркивать принципиальное отличие созданной за четверть века Российской империи – великого государства европейского типа.

К сказанному можно добавить, что «национальные задачи разрешаются веками и многие поколения продолжали идти по следам Петровым, работали в его духе и направлении, стремясь сблизить Россию с цивилизованной Европой» [Иванова, с. 70].

Реформы Петра I потребовали от общества новых знаний, выходящих за пределы древнерусского книжного кругозора, и заставили читать новые книги преимущественно учебного характера. А так как читали для ученья, а учились по долгу службы и часто по принуждению, то по мере удаления движения истории от петровских нововведений постепенно угасал и интерес к наукам и основательному обучению.

По-прежнему домашнее обучение и пансионы оставались главным источником знаний. В большинстве случаев частные пансионы ограничивались изучением французского языка, обучению танцам, хорошим манерам, фехтованию. Воспитание и обучение дворянских детей учителями и гувернерами-чужестранцами велось на весьма низком уровне. Академия наук в своем наказе депутату Уложенной комиссии отмечала: «Учителя чужестранцы, обучающие наше юношество в домах, конечно, больше вреда, нежели пользы нам приносят, потому что несравненно большая часть негодных, нежели хороших сюда выезжают» [Очерки..., с. 280]. Вральман, Цифиргин и Кутейкин из фонвизинского «Недоросля» были типичными учителями в усадьбе провинциального дворянина. Дети аристократов имели возможность заниматься на дому с более просвещенными преподавателями как отечественными, так и специально приглашенными из-за границы. И если в петровские времена предпочтение отдавалось немецким преподавателям, то теперь наиболее предпочтительными являлись французы. Но даже при всех отмеченных недостатках пансионов и домашнего образования, они имели и свои позитивные стороны, способствуя хоть в какой-то мере сокращению числа неграмотных дворян. Книга, журнал становились обычным явлением в дворянской жизни, своеобразным атрибутом привилегированного положения дворян. Из холодной и сухой области ученых сочинений общество предпочло легкую и ненавязчивую литературу «любезных романов».

Шесть царствований на протяжении 37 лет после кончины Петра I оставили России несколько кадетских корпусов (Сухопутный шляхетский, Морской, Артиллерийский, Инженерный), в которых готовили не только будущих офицеров для армии, но и гражданских чиновников. Единственным достижением в области образования пятидесятих годов стало учреждение Московского университета «дщерью Петровой Елизаветой Петровной» в 1755 году.

К середине XVIII века относится зарождение просветительства – прогрессивной антифеодальной идеологии, связанной с отрицательной оценкой крепостного права, отстаиванием интересов широких масс народа, последовательной защитой просвещения и образования и всесторонней европеизацией России.

Существовала классическая модель образования, в рамках которой воплощались идеи целостного подхода к ребенку многих европейских философов и педагогов. В самых различных аспектах эта система была представлена Я.А. Коменским, Д. Локком, Ж.Ж. Руссо и И.Г. Песталоцци, идеи которых сыграли немаловажную роль в становлении русской педагогики. Чешский мыслитель-гуманист, педагог и писатель Я.А. Коменский (1592-1670) впервые в истории педагогики обобщил и систематизировал огромный опыт, накопленный человечеством в обучении и воспитании подрастающего поколения в семье и школе. Он заложил научно-педагогические основы семейного воспитания, сделав тем самым семью сознательным субъектом социально-педагогического процесса. Он разработал целостную систему социального воспитания молодежи, учитывающую особенности естественного (природного и социального) развития детей на основе взаимодействия семьи, школы и общества. Одним из первых Я. Коменский выделил одаренных детей в особую категорию социально-педагогического процесса. Его педагогика, несущая мощную социально-педагогическую составляющую, оказала

значительное влияние на последующее развитие социальной педагогики.

В XVII веке в России под влиянием европейских идей возникают концепции, в которых общество уже не должно было играть доминирующей роли в социализации и воспитании человека. Их создателями в Европе были Д. Локк – английский философ и педагог (1632-1704) и французский просветитель Ж.Ж. Руссо (1712-1778). Эти концепции принципиально отличаются друг от друга: если воспитание «джентльмена» осуществляется в семье (Локк), то воспитание Эмиля происходит вообще вне социума (Руссо). Однако их объединяют и общие позиции – интерес к отдельной личности, индивидуальным качествам человека, возможностям, которыми располагает воспитание в отношении развития личности и ее взаимодействия с окружающим миром. Это было связано с экономическим и политическим развитием общества, переходом Западной Европы от феодализма к капитализму. Европейскую буржуазию уже не устраивало только экономическое и финансовое могущество, ей необходима была политическая власть. Механизируемое производство требовало грамотного рабочего и образованного предпринимателя.

Новаторство взглядов Локка состоит в том, что он разработал научно-психологическую основу воспитания как единство физического, нравственного и умственного развития. Ученый рассматривал человека как целостную систему: целостность необходима и проявляется в жизнедеятельности; окружающий мир комплексно воздействует на человека, формируя его личность. «Здоровый дух в здоровом теле» – вот краткое, но полное описание концепции Локка. Руководящий принцип его педагогики – утилитаризм, так как воспитание готовит к жизни, следовательно, оно должно вооружать будущего «джентльмена» полезными знаниями и умениями. Отсюда его усиленное внимание к физическому развитию детей, укреплению их здоровья.

Заслугой Ж.Ж. Руссо является его определение цели воспитания – формирование «свободного человека», а также указание основного пути и условия достойного воспитания и существования – труд. Тем самым великий философ и ученый наметил методы устранения основных социальных недугов общества. Воспитание, по его мнению, должно исправлять «дурные наклонности человека, что составляет одну из главных задач социальной педагогики. Воспитанный человек» – это добродетельный труженик с высоким уровнем культуры».

Идеи не оставались в своем первоначальном виде, они преломлялись в конкретных исторических условиях каждой страны по-своему. Однако самым главным объединяющим моментом приверженцев разных направлений оставались общие задачи: поиски новых путей подхода к обучению и воспитанию, расширение содержания образования, введение активных методов обучения, повышение научной и педагогической квалификации учителей и др.

Просветительская модель образования, сформировавшаяся в русле классической философии, ориентировала на усвоение человеком знания, добытого точными и естественными науками как идеала рациональности (от лат. *«рацио»* – разум). Выделение в образовании двух сфер – обучения и воспитания – было обусловлено различием в понимании роли разума и чувств в формировании личности.

Наиболее ярко идеи Просвещения проявились на французской почве в преддверии революции, покончившей с феодально-абсолютистским строем. Французские материалисты («энциклопедисты») – яркие представители восемнадцатого столетия, сыграли в эпоху Просвещения большую позитивную роль в интеллектуальной жизни Европы. Они отстаивали идею целостности человека, нераздельной связи его телесно-духовного бытия с окружающей средой – природной и социальной. В Англии, где буржуазные отношения утвердились прежде, чем во Франции, главным идеологом Просве-

щения стал Д. Локк. В этой же стране физик и математик И. Ньютон создал новую механику, повсеместно воспринятую в качестве образца и идеала точного знания, как великое торжество разума.

Идеи Просвещения, охватившие большинство европейских стран во второй половине XVIII столетия, не миновали и Россию. Русское Просвещение являло собой многослойную картину. Его характерной чертой являлось то, что просветительские взгляды исповедовали и пытались проводить в жизнь идеологи «Просвещенного абсолютизма». Все идеи были позаимствованы в основном у французов и занималась этими вопросами небольшая прослойка русского интеллигентного дворянства. Ж.Ж. Руссо с его призывом ухода от разлагающего влияния цивилизации («назад к природе!»), утверждал, что настоящее воспитание – это воспитание человека, а не ремесленника, он понимал его как реализацию личности (свободного человека, который чувствует себя самим собой), а не модель, навязанную ему обществом. Природа для Руссо прежде всего «царство свободы», и в этом «царстве» должна была развиваться личность «свободного нравственного начала».

Оригинальным явлением российского Просвещения того времени была попытка создания «новой породы» людей. Восприняв идею Руссо, согласно которой в условиях полной изоляции от порочной социальной среды из ребенка можно вырастить идеального человека, русские просветители во главе с императрицей Екатериной II решили ее осуществить, не учтя примечания Руссо, что сделать это практически невозможно.

Известно, что в целом Екатерина II к демократическим педагогическим взглядам Руссо относилась отрицательно. Прочитав в 1763 году его трактат «Эмиль, или о воспитании» царица так выразила к нему свое отношение: «Особенно не люблю я эмильевского воспитания: не так думали о нем в старое доброе время» [История..., 1982, с. 82]. Антисослов-

ная, антипатриархальная сущность педагогической теории Руссо была неприемлема для Екатерины II, но идея создания «новой породы людей» как таковая, пути ее реализации, методы и формы, подсказанные французским просветителем, не могли не привлечь внимания императрицы.

Одним из способов поднятия культурного уровня населения, как это создала Екатерина II, являлось образование: «Хотите ли, – писала она, – предупредить преступление, сделайте, чтобы просвещение распространилось бы между людьми. Самое надежное средство сделать людей лучшими есть усовершенствование воспитания» [Русская школа, с. 102]. Верным проводником идеи Екатерины II стал И.И. Бецкой, последователь просветительских идей эпохи энциклопедизма, профессиональный педагог, получивший образование за границей. Как замечает Л.Н. Талалова, «педагогическая мысль России традиционно отличалась высоким уровнем восприимчивости к зарубежным идеям и исканиям» [Талалова, с. 78]. Во главу школьного строительства предполагалось положить несколько измененную теорию Д. Локка – английского идеолога Просвещения, по которой на первое место выдвигалось воспитание, отводя обучению второстепенную роль. Сущность этой теории сводилась к необходимости превратить все население путем правильного воспитания в «новую породу людей, в идеальных граждан». Эти идеи целиком вошли в «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», утвержденное 12 марта 1764 года как акт для педагогической системы по всей Империи.

В основу создания «новой породы» необходимо положить воспитание: «произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передавали бы паки своим детям, и так, следуя из родов в роды, в будущие веки» [Русская школа,

с. 103]. Для выполнения поставленной задачи нужно «завести воспитательные училища для обоого пола детей, которых принимать отнюдь не ранее, как по 5-му и 6-му году и держать их до 18 и 20 лет безвыходно, оградив при этом от всякого воздействия извне. Ибо неоспоримо, что частное с людьми без разбору обхождение... весьма вредительно и наипаче во время воспитания такого юношества, которое долженствует непременно взирать на подаваемые ему примеры и образы добродетелей». Предписывалось «вселять в юношей страх Божий», вырабатывать «похвальные» склонности, «возбуждать в них охоту к трудолюбию» и страх перед праздностью, которая есть источник всякого «зла и заблуждения». Научить детей учтивости, благоприятности, «соболезнованию о бедных», «знанию домостроительства и отвращению от всяких продерзостей», опрятности и чистоте. Вот такими свойствами должны были обладать «люди новой породы», способные быть «полезными общества членами», служить опорой престола и претворять в жизнь замыслы монархов [там же, с. 107].

Подчеркивалось, что учение для детей не должно быть принудительным и «подневольным», это не приносит желаемых результатов. Выполнение всех пунктов такого предписания требовало достойных преподавателей и воспитателей, которым «надлежало быть терпеливыми», «рассмотрительными», «твердыми» и «правосудными» — такими, чтобы «воспитывающееся юношество любило их, почитало и во всем добрый пример от них получало».

Отмечалась необходимость устроить «особливое учреждение», ведающее всеми воспитательными учреждениями и регламентирующее преподавание и поведение как учащихся, так и учащихся. В соответствии с проектом И.И. Бецкого открылись Воспитательные дома для подкидышей и «несчастнорожденных» младенцев в Москве и Санкт-Петербурге (1764-1770). Общество 200 благородных девиц в Петербурге (1764) с отделением для мещанских девиц (1765). Коммерче-

ское училище (1772), а также преобразованы были кадетские корпуса. И. Бецкой призывал педагогов взаимосвязывать умственное, физическое и нравственное воспитание, считаться с индивидуальными особенностями ребенка и его возрастом и не допускать телесных наказаний.

В 1766 году появился обширный проект преобразования духовных школ, разделение их на высшее — для приготовления духовных ученых; средние — кандидатов на церковные должности; и низшие школы грамотности для духовных детей и народа. И здесь предполагались новые приемы как обучения, так и воспитания. В духовном образовании повеяло свежей жизнью, было усилено преподавание греческого языка. Духовное образование получило эллино-славянское направление. Богословские труды православного подвижника и писателя Тихона, а также митрополита и церковного писателя Платона заговорили не на латыни, а на родном русском. Усилилось изучение истории и новых языков. В начале 80-х годов императрица сама написала произведения, носящие педагогическую направленность: «Выбранные российские пословицы» и «Продолжение начального учения», которые означали поворот к православному религиозному воспитанию, сочетающемуся с рациональным обучением. Это направление педагогической мысли императрицы развивал ее ближайший сподвижник митрополит Платон Левшин (1737-1811), создатель и покровитель духовных училищ России, которые под его руководством превратились в своеобразные гуманитарные школы, ориентированные на вкусы и понятия светского «просвещенного» общества, но хранящие заветы религиозного воспитания добродетелей «ума и сердца». Русские православные церковные мыслители XVIII века Тихон Задонский и Паисий Величковский оказали сильное влияние на религиозно-педагогическую мысль России начала следующего столетия. «Но все эти явления были плодами духа времени и делом только частных личностей, более чутких к новым требованиям века» [Знаменский, с. 8].

Между тем азарт Екатерины II начал ослабевать, и к 1780 году все ее попытки «взрастить новую породу людей» закончились переходом к новому замыслу – созданию новой школы» [там же, с. 11].

Русские политики, ученые, педагоги приняли участие в обсуждении вопросов воспитания и образования в рамках общеевропейского движения Просвещения. В сочинениях русских мыслителей провозглашались идеи развития национальной системы образования, общественного воспитания, целесообразности изучения и использования западной педагогики с соблюдением собственных традиций. В своих сочинениях они высказывали оригинальные суждения, проводили идею свободного развития личности (Е.Р. Дашкова – «О смысле слова «воспитание», А.А. Прокопович-Антонский – «О воспитании», В.В. Крестинин – «Историческое известие о нравственном воспитании», Х.А. Чеботарёв – «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению», М.М. Снегирев – «Слово о пользе нравственного просвещения»). Авторы отвергли тезис о преимущественном «естественном воспитании» Ж.Ж. Руссо и настаивали на приоритете «общественного воспитания». Вместе с тем «они не разделяли и мнения французского философа и педагога К.А. Гельвеция о всеисилии социального воздействия и ничтожности роли наследственности в воспитании» [Джуринский, с. 218].

Впервые педагогика обрела свой предмет и предстала в качестве специальной отрасли знания в «Великой дидактике» Я.А. Коменского (1638). Целостная педагогическая теория раскрывалась здесь через важнейшие проблемы: цели, задачи, содержание, психологические факторы и предпосылки, методы и организационные формы образования личности, становление и совершенствование человеческих способностей.

В XVIII столетии в педагогике века Просвещения получила распространение восходящая к Аристотелю идея о че-

ловеке как «о чистой доске», что позволило К.А. Гельвецию выводить природу человека из природы воспитания.

С противоположных позиций решал педагогические проблемы Ж.Ж. Руссо, у которого основой теоретической и нормативной педагогики стало целостное и органическое человекознание. В конце XVIII века этическое обоснование педагогики дал и известный немецкий философ И. Кант. Стремление опереться на психологию ребенка, эмпирически обосновать педагогические подходы прослеживаются у швейцарского ученого и педагога Н.Г. Песталоцци, который в своих воспитательных идеалах ориентировался на демократические социальные идеи. Во многом опираясь на концепцию Руссо, Песталоцци пришел к идее образования как способа, обеспечивающего развитие внутренних творческих потенций человека. Стремясь придать воспитанию и обучению характер, соответствующий природе ребенка, он связывал развитие личности прежде всего с формированием у него чувства собственного достоинства. По его мнению, свободная воля человека должна была уравнивать противоречие между личностью и обществом.

Крупнейшим деятелем русского Просвещения был Николай Иванович Новиков (1744-1818), публицист, журналист, и книгоиздатель, выпустивший около 1000 изданий. Новиков не выступал за немедленное освобождение крестьян, он связывал уничтожение крепостного права с постепенным просвещением народа, искоренением помещичьих злоупотреблений и гуманными реформами. В 1779 году по почину Н.И. Новикова при Московском университете была открыта учительская семинария – первое в России педагогическое учебное заведение. Он финансировал две частные школы за счет доходов от своих журналов, оплачивал поездки молодых людей за рубеж для получения образования.

Идея воспитания добрых граждан, счастливых и полезных Отечеству, патриотов, борцов против «рабского состояния» была центральной в воспитательной программе

Н.И. Новикова. Будучи по своему мировоззрению более просветителем, нежели педагогом, он полагал, что процветание государства, благополучие народа зависит от нравственности, которая дается воспитанием и образованием; что люди всех сословий при правильном воспитании будут успешно выполнять свои обязанности, будут трудолюбивыми, рачительными хозяевами. Поэтому воспитание юношества – необходимая и первейшая обязанность как правителя страны, так и каждого родителя. Справедливой критике Н.И. Новиков подвергал современную ему русскую систему дворянского воспитания: домашнее воспитание, вверенное зачастую далеким от педагогики людям; воспитание и обучение за границей, где молодые люди предаются больше веселью и праздности чем наукам; воспитанию в закрытых сословных учреждениях. Воспитание, оторванное от реальной жизни и общества, Новиков не считал достойным методом.

Свои взгляды и педагогическую позицию он изложил в трактате «О воспитании и наставлении детей» (1783). По его мнению, воспитание включает в себя три основные части: физическое воспитание, осуществляемое с целью телесного здоровья детей; нравственное, без которого ни один человек не может быть внутренне счастлив, близок и душевен с родителями, не может быть хорошим гражданином, и образование разума, которое необходимо человеку и гражданину для исполнения всех своих гражданских обязанностей. Он отдавал предпочтение общественному воспитанию и собственно школьному образованию, которые могут значительно лучше подготовить подрастающее поколение к социальной среде и жизни. Н.И. Новиков был прямым противником Екатерины в вопросе изоляции детей от родителей. Семью он называл в числе важнейших факторов формирования человеческой личности.

Труды Н.И. Новикова вошли в золотой фонд русской педагогической мысли конца XVIII века. «Ему первому сре-

ди русских ученых принадлежит определение педагогики как науки о воспитании детей» [Антология..., 1985, с. 25].

Достойное место среди просветителей России конца XVIII века занимают Ф.В. Кречетов, А.Ф. Бестужев и А.Н. Радищев, оказавшие большое влияние на последующее поколение просветителей времен александровского правления и до конца XIX столетия.

В сочинении Ф.В. Кречетова «План юридический» автор стремится доказать, что необходимо развивать народное просвещение вне зависимости от занимаемого места в обществе и тогда государство будет иметь твердые законы, не зависящие от капризов и своеволия самодержца. «Нужнейшее есть для всего Российского государства дело сочинить юриспруденцию того для, сколь непременно потребно, и чтоб истребляя разные о законах толки, все истине присоединять, дабы не с мнимым, но с истинным правосудием спокойства подлинно достигнуть было можно» [там же, с. 400].

А.Ф. Бестужев в своем педагогическом трактате «О воспитании», напечатанном в Санкт-Петербургском журнале в 1798 году, касается вопросов воспитания детей в закрытых военно-учебных заведениях. Педагог-просветитель говорит о необходимости воспитания с раннего детства и о том, «что душа и сознание и ребенка “чистая доска” (tabula rasa), на которую только жизненные обстоятельства накладывают свой отпечаток, формируя человеческий характер» [там же, с. 409].

В конце XVIII века в рамках просветительства оформилась революционная традиция, связанная с деятельностью А.Н. Радищева. В его сочинениях (ода «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву») просветительские теории даны под углом радикального вывода о праве народа свергать недостойных правителей, не исполняющих свои обязательства перед народом. Императрица увидела в книге Радищева «рассеивание заразы французской и отвращение от начальства: «Давно мысль его готовилась по взятому пути, а

французская революция его решила себя определить в России первым подвизателем» [История политических..., с. 380].

Однако большая часть книги Радищева и ода «Вольность» были написаны до революционных событий во Франции, основным же источником мыслей – выводов была феодально-крепостническая действительность самодержавной России. «Я взглянул окрест меня, – начинается повествование “Путешествия...”: душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Описание встреч, событий, впечатлений путешественника вырастает в жуткую картину беспросветного произвола и беззакония, насилия и издевательства помещиков над беззащитными крестьянами.

А.Н. Радищев высоко ценил человека как личность: «Известно, что человек – существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее он избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится к прекрасному, величественному, высокому» [Антология..., 1985, с. 378]. Он требовал широкого и полноценного образования для детей всех россиян независимо от их сословной принадлежности, так как «истинные сыны Отечества» должны быть и среди дворян, и среди крестьян, а для этого и те, и другие должны получить соответствующее воспитание и образование. Педагогические идеи Радищева не отражались в одном каком-нибудь трактате, они рассеяны по таким его произведениям, как: «Слово о Ломоносове», «Беседа о том, что есть сын Отечества», «Рассуждение о труде и праздности». Писатель призывал молодежь быть трудолюбивой, ибо «праздность есть мать всех пороков». «Недовольно, чтобы народ был просвещен, надобно быть ему трудолюбивым, а без сего просвещение больше будет вредно, нежели невежество: ибо невежа праздный гораздо меньше удачен в злодеянии, нежели ленивец, что-нибудь знающий» [там же, с. 378].

А.Н. Радищев был человеком новой эпохи, шедшей на смену эпохе Просвещения. Его цель – не исправление мира и его нравов средством просвещения, а ниспровержение строя, где царит социальная несправедливость, и для того требуется политическое воспитание человека, всесторонне подготовленного к труду по переустройству общества на основе идеала справедливости.

Нет никакого сомнения, что все последующие радикальные мыслители, просветители, публицисты и общественно-политические деятели изучали наследие Радищева и были знакомы не только с его литературными произведениями и педагогическими идеями, но и с его работами по вопросам права («Опыт о законодательстве» и «Проект Гражданского уложения»).

В России продолжали развивать антикрепостнические идеи и необходимость обязательного обучения и просвещения народа в начале XIX века такие выдающиеся деятели, как П.И. Челищев, И.П. Пнин, В.В. Попугаев, А.С. Кайсаров, В.Ф. Малиновский, А.П. Куницын и многие другие ученые, писатели, мыслители. Их волновала мысль о том, что люди, являясь высшим творением природы, подвержены социальному неравенству, когда одни выступают в роли поработенных, а другие – в роли господ. Будучи врагами угнетения человека человеком, они ставили вопрос о пагубности рабства и необходимости его уничтожения.

§ 2. Российская высшая школа от Петра Великого до Александра Благословенного

В начале XVIII века был поставлен вопрос о создании в стране светского высшего образования, ранее отсутствовавшего в России, в то время как в Европе уже существовала целая сеть знаменитейших учебных заведений, таких как Страсбургский, Галлеский, Йенский, Кельнский, Эрфурский, Виттенбургский, Амстердамский, Лейденский и многие дру-

гие университеты. Россия имела возможность пристально изучать работу университетов Европы, стремясь эффективно использовать зарубежный опыт в ходе построения собственной системы высшего образования. Так, в немецких университетах, во-первых, видели образец для подражания, а иногда и прямого заимствования в ходе строительства собственной системы, и, во-вторых, университеты Германии должны были помогать пополнению русского штата преподавателей немецкой профессурой сначала путем приглашения этих ученых на работу в Россию, а затем посредством обучения в Германии будущих русских профессоров.

Итогом достижения петровского времени в области науки и высшего образования стало создание в Петербурге Академии наук, открытой уже после смерти Петра I в 1725 году. Незамедлительно на работу в Россию прибыли приглашенные иностранные ученые, и был назначен первый президент Академии наук – лейб-медик Л.Л. Блюментрост, получивший образование в Галле, Оксфорде и Лейдене и состоящий на государственной службе в России. Академия наук создавалась не только как общенациональный научный центр, но и как база для подготовки научных кадров. Такие учебные заведения, как гимназия и университет, были предусмотрены в структуре Академии наук. Однако скудная материальная база, организационная неналаженность, неудачный контингент преподавателей, не владевших русским языком (вели преподавание на латыни, иногда даже с приглашением переводчиков), отрицательно сказывались на усвоении знаний и подготовке учащихся. При всей той важности, которую играла в истории школы образования и развития русской культуры Славяно-греко-латинская академия, ее нельзя рассматривать как высшую светскую школу.

В новообразованной Академии занимались не только теорией, но и практикой, а также распространением практических знаний. В распоряжении Академии имелась научно-экспериментальная база, лаборатории, кабинеты, музеи, об-

серватория. Научно-исследовательские работы проводились в Географическом департаменте, кунсткамере, в физическом кабинете, Астрономической обсерватории, химической лаборатории, Анатомическом театре, Аптекарском огороде.

В Академии были открыты три «класса»: математический, физический и гуманитарный. В состав первого класса входили кафедра теоретической математики, две кафедры механики и кафедры астрономии, географии и навигации. Во втором, физическом классе работали кафедры физики, химии, анатомии, ботаники. Третий класс включал в себя три кафедры: «красноречия и древностей», истории древней и новой, а также «права купно с политикою». Исследования Академии наук носили светский характер. Вопросами богословия в ней не занимались. Своей задачей Академия ставила развитие наук, их популяризацию и обучение учащихся университета и гимназии. Кроме того, Академия руководила работами по переводу книг; этим занималось Российское собрание, вошедшее в систему научных органов Петербургской академии. С этой целью в нее были приглашены люди, хорошо знающие иностранные языки, они давали оценку качеству переводных произведений, предложенных на рассмотрение собрания.

Большой вклад в развитие Академии в первые годы ее существования внес известный швейцарский математик Леонард Эйлер, проработавший в ее стенах больше десяти лет. Благодаря его трудам, а также работе физиолога и математика Д. Бернулли, Академия превратилась в один из крупнейших центров математических наук в мире. После учебы в Германии у знаменитого профессора Х. Вольфа в Академию поступил адъюнктом физики М.В. Ломоносов.

В 1742 году адъюнкт Ломоносов закончил работу над руководством, озаглавленном «Первое основание горной науки», или, как он его называл, «Горной книжицей». Впоследствии «Горная книжица» выросла в большую работу «Первые основания металлургии или рудных дел», которая

вышла в 1763 году. Успех работы в написании руководства вдохновил ученого на сочинение еще одного пособия – пособия по красноречию «Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия».

С 1 сентября 1742 года в числе других лекторов в Академии появилась фамилия Михайлы Ломоносова, «который руководство к географии физической...публично толковать будет, а приватно охотникам наставления давать намерен тако ж обучать в стихотворстве и штиле российского языка». Но в связи с делом о преследовании Шумахером русских «творческих сил молодежи, не дававшим их способностям проявиться на научном поприще», лекции были несколько отодвинуты во времени. Специальная следственная комиссия решила рассмотреть вопрос: «Заключает ли в себе наша Академия также и университет, в котором процветают и распространяются науки». На вопросы комиссии отвечали академические преподаватели: доктор П. Кондаиди, ассессор В. Ададуров и адъюнкты М. Ломоносов и Г. Теплов. Все единодушно ответили утвердительно, указав, что «в академии процветают науки и без сомненья имеется и университет, потому что профессора читают публичные лекции, когда охотники слушать их есть». Протоколы заседаний тех лет, которые отражали суд и оправдание Шумахера, свидетельствуют, что вопреки установкам «правления Шумахерова» Академия много сделала для обучения в академическом университете «природных русских» [Марголис, Тишкин, с. 62].

В 1745 году Ломоносов получил звание профессора химии и стал первым русским академиком. Великий ученый успешно трудился в области химии, физики, астрономии, географии, геологии и минералогии. Его труды как ученого оказали большое влияние на развитие русского литературного языка в XVIII веке.

Следует подчеркнуть, что академическому университету в Петербурге принадлежит заслуга подготовки первых русских ученых и преподавателей для различных учебных

заведений страны. Питомцы университета участвовали в переводе и издании многих произведений научно-учебной, общественно-политической, философской и художественной литературы. Академики и студенты провели исследование территории страны, ее природных богатств, состава, численности, хозяйственной деятельности населения разных регионов. Тем не менее, несмотря на все успехи, академический университет не стал общерусским центром в широком смысле этого слова. Наибольший подъем наблюдался в жизни этого учебного заведения в то время (50-60-е годы), когда его возглавлял М.В. Ломоносов. «Мое единственное желание состоит в том, – писал он И.И. Шувалову, – чтобы привести в вождевленное течение университет, откуда могут произойти бесчисленные Ломоносовы» [Русские университеты, с. 5]. Но этому не суждено было осуществиться, ибо не Ломоносовы главенствовали в науке, а Шумахер оказался полным распорядителем судеб Академии. Вмешательство Шумахера и канцелярии в дела Академии заставили уехать лучших преподавателей, он поддерживал антагонизм между немцами и русскими, что не благоприятствовало развитию русской научной мысли и это, несомненно, негативно отразилось на состоянии учебного процесса. Вскоре после смерти первого академика академический университет перестал существовать. Лишь через полвека в 1819 году в Петербурге, но уже не в составе Академии наук министром просвещения С.С. Уваровым старый университет был восстановлен.

В 80-х годах управление Академией было отдано в умелые руки высокообразованной княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743-1818). Княгиня оживила научную деятельность Академии, возобновился выпуск «Академических известий», стали выходить «новые академические сочинения». Целью этого последнего издания стало популярное «изложение научных истин для лиц, не имевших случая приобрести прочного «ученого образования», а к этому разряду, разумеется, свободно можно было отнести большинство

представителей тогдашнего общества» — пишет В.В. Огаркова в биографическом очерке о Е.Р. Дашковой [Огаркова, с. 315]. За время ее руководства была пополнена коллекция академических минералов, открыты три новых курса: по математике, географии и естественной истории, изданы сочинения М.В. Ломоносова, что, безусловно, является заслугой президента Академии. Не менее интересным фактом в академической деятельности Дашковой явилось ее участие в литературном журнале под названием «Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей». В объявлении об издании «Собеседника» говорилось, что «польза, от сего происходящая, ощутительна как в рассуждении русского слова, так и вообще в рассуждении просвещения». Этот журнал должен был включать только одни «подлинные российские сочинения». В начинаниях Дашковой ясно высказано желание вызвать русскую мысль к «самодеятельности» и придать изданию характер национальный. Около директора Академии сгруппировались лучшие литераторы того времени: Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, И.Ф. Капнист, Я.Б. Княжнин и др. По отзывам официальных историков Академии, время управления Дашковой «должно считаться «эпохой процветания» [там же, с. 317].

Однако вклад княгини в русское образование и науку этим не ограничивается. Думается, что еще более весомый вклад она внесла в учрежденную ею же Российскую академию — научный центр по изучению русского языка, словесности и истории. Решено было приступить к изданию «доброго словаря Российского», потребность в котором остро ощущалась на протяжении всего XVIII века. На первом же академическом заседании был образован специальный «отряд» (отдел), который и возглавил все работы по составлению словаря. Сама госпожа президент принимала непосредственное участие в составлении основных начал словаря, рассматривала его по листам, вносила в эти листы свои до-

полнения и замечания. Она собрала более 700 слов на буквы «Ц», «Ш», «Щ», была одним из самых деятельных членов Объяснительного отдела и трудилась преимущественно над толкованием смысла слов, обозначающих нравственные качества: «дружба», «задумчивость», «друг», «добродетельный человек» и др. Через одиннадцать лет кропотливой работы «Словарь Российской академии» вышел в свет в шести томах (1794). Этот труд определил дальнейшие пути развития русской лексикографии вплоть до 50-х годов XIX века. Год выхода словаря оказался последним в научной деятельности Е.Р. Дашковой и ее пребывания на руководящей должности в Российской академии.

Тем не менее роль, которую сыграла Академия, ее университет и гимназия оказалась значительной: она внесла свой вклад в просвещение и науку конца XVIII столетия, о чем свидетельствуют слова самой княгини: «За время моего директорствования из этого учреждения вышло большое число лиц, которые находятся на службе, где они приносят пользу Отечеству, поощряются различными званиями» [там же, с. 173].

Историческим этапом в процессе развития русской светской общеобразовательной школы стало основание в 1755 году Московского университета, ставшего «средоточием русского образования» (А.И. Герцен). Московский университет, как это видно из высочайшего указа об его учреждении, был основан правительством для продолжения просветительского дела, начатого Петром. Правительство ждало серьезных услуг от нового научного центра и верило в благотворное влияние просвещения на общество, в его необходимость для государственной жизни. Создатели университета вложили в свое детище здоровые традиции немецких университетов, на которые так любил ссылаться Ломоносов. Он мечтал о предоставлении российскому учреждению «вольностей лейденского и других иностранных университетов» [Русские университеты, с. 493].

Московский университет сразу же был поставлен вне зависимости от всех присутственных мест и властей; он непосредственно подчинялся Сенату, у него был свой привилегированный суд как для профессоров, так и студентов; был назначаемый верховной властью куратор (обычно из вельмож), который являлся настоящим заступником и «ходатаем» — в нуждах университета перед престолом, а не политическим опекуном, каким впоследствии стал попечитель учебного округа» [Русские университеты, с. 5]. Все служащие освобождались от всяких полицейских повинностей, от постоев, от вычетов из жалованья и не подлежали всяким сборам. Это было не бюрократическое, но автономное, с особыми научными и общественными правами учебное заведение. В отличие от всех европейских университетов обучение в Московском университете в XVIII веке было бесплатным.

Учрежденный в Москве, в центре служилого дворянства, университет должен был удовлетворить просвещением и разночинцев, и даже, как гласят отдельные параграфы (§§ 26-27), вольноотпущенных крепостных.

Таким образом, университет был признан бессловесным — при нем параллельно существовали две гимназии — одна для дворян, другая — для разночинцев. «Лишь у пышных наук, чтоб дать поощрение к прилежному учению — условия объединялись в общую товарищескую среду [там же, с. 6]. Нужно было показать обществу, что обучение в высшей школе дает выпускникам определенную выгоду. Студенческая шпaga (непременный атрибут) являлась символом того, что это обучение уже есть своего рода служба, студенты знали, что по окончании получают обер-офицерский чин и будут иметь преимущества при определении на службу. И само обучение вдохновлялось принципом взаимного соревнования: публичные диспуты, к которым заранее готовились, отличие выдающихся студентов — все это служило мотивацией и поощрением к учебе.

В гимназии изучались языки: российский, латинский и один из иностранных; преподавались словесность, математика, история. Важно отметить, что среднее образование начиналось в университетской гимназии с изучения отечественного языка.

На основе опыта московской гимназии по инициативе ее профессоров была открыта в 1758 году гимназия в Казани, готовившая к поступлению в университет. В течение тридцати лет Московский университет обеспечивал казанскую гимназию преподавателями, учебниками, пособиями и оборудованием. В 1804 году на базе этой гимназии был открыт Казанский университет.

В Московском университете работали три факультета: философский, включающий физико-математическое и словесное отделения, медицинский и юридический. Характерно отсутствие в структуре университета богословского факультета, традиционного для европейских заведений такого типа. В 1757 году при университете была образована Академия художеств, осуществляющая подготовку по трем специальностям: архитектуре, живописи и скульптуре.

В университетской типографии и литературных обществах большое внимание уделялось переводам лучших зарубежных педагогических трудов, таких, как книга Я. Коменского «Мир чувственных вещей в картинках», трактат Локка «Мысли о воспитании», книга Руссо «Эмил, или О воспитании» и др.

Слава Московского университета распространилась по всей Империи и вышла за ее пределы. Он благополучно и успешно продолжает свою святую обязанность и поныне: празднование двухсотпятидесятилетнего юбилея славного учебного заведения подтвердило торжество русской науки в мире.

Через два года после основания Московского университета в 1757 году начала свое существование Академия художеств, открывшаяся в Петербурге под названием «Особая

трех знатнейших художеств Академия». Инициатива открытия Академии художеств принадлежала выдающемуся государственному деятелю Ивану Ивановичу Шувалову, начавшего свою службу еще при дворе Елизаветы Петровны в 1742 году. Он же стал и первым президентом Академии. Три знатнейшие художества: живопись, скульптура и архитектура – объединили вокруг себя лучших представителей этих видов искусства, а сама Академия стала художественным центром страны.

Главным достоинством новообразованного учреждения считалась ее доступность детям разночинцев: скульптор Ф.И. Шубин был сыном помора, скульптор Ф.Г. Гордеев – сыном скотника, живописец А.П. Антропов – наследник мастера слесарного дела. В этот период здесь учились художник А. Лосенко, будущие архитекторы В. Баженов и И. Старов. «Первый главный директор» подарил Академии художеств свою прекрасную коллекцию – 104 картины художников Западной Европы, что положило начало музею Академии. Здесь учащиеся могли получить серьезные знания в области рисунка, живописи, лепки, перспективы, анатомии и т.п. Первый же выпуск 1762 года подтвердил статус Академии как одного из серьезных учебных заведений. В 1764 году она была преобразована в Императорскую академию художеств и стала не только учебным, но и правительственным учреждением. Академия художеств выполняла государственные заказы, присуждала звания. Президентом ее стал сподвижник Екатерины II ученый и педагог И.И. Бецкой. В том же году при его содействии начало свою деятельность Воспитательное училище, куда принимали детей с 5-6 летнего возраста, в основном из мещанских семей. Курс делился на три возраста: детский, отроческий, юношеский, каждый продолжался три года. Переходя из одного класса в другой в течение 9 лет обучения, детям предоставлялась возможность поступления в высшие классы Академии – исторический, портретный, гравюрный, скульптурный, архитектурный и др. Выпускники

выполняли «программу» – произведение на заданную тему. С 1767 года особо отличившиеся могли продолжить обучение за границей в качестве пенсионеров Академии. По указанию Екатерины II для размещения Академии художеств архитекторами А.Ф. Кокориновым и Ж.Б. Валлен-Деламотом в Санкт-Петербурге было построено специальное здание, которое является памятником раннего классицизма. Многие выпускники Академии внесли огромный вклад в дело развития культуры: историческая живопись А.П. Лосенко, И.А. Акимов, П.И. Соколова, Г.И. Угрюмова воспела ратные подвиги русского оружия, возбудила интерес и уважение к прошлому и призывала к гордости за свою великую страну. А.П. Лосенко, будучи руководителем класса исторической живописи, составил учебное пособие «Изъяснение краткой пропорции человека» (1772). В это же время развивался и портретный жанр, ярким представителем которого являлся Федор Степанович Рокотов, хорошо понимавший внутренний мир человека и умевший передать его тончайшие психологические переживания. Подлинных вершин в развитии русской портретной живописи в XVIII веке достиг Дмитрий Григорьевич Левицкий.

В последней четверти XVIII века при финансовой поддержке правительства в Петербурге развиваются градостроительные работы, расширяется Академия художеств. В это же время была основана Хирургическая школа (1786) – впоследствии Медико-хирургическая академия, основателем которой явился император Павел I в 1798 году и находившаяся в подчинении Министерства внутренних дел. Военно-медицинская академия, как теперь называется это образовательное медицинское учреждение, один из прославленных в России и далеко за ее пределами центров медицинской науки, и по сей день служит на благо отечественного просвещения и здравоохранения. Учреждается ряд ученых Обществ, таких, например, как «Вольное экономическое общество для распространения в Отечестве полезных по земледелию и домострои-

тельстве знаний» [Зябловский, с. 21]. Правительственный указ о вольных типографиях способствовал оживлению периодической печати. Как прямое следствие – появление новых журналов, расширение географии распространения печатных изданий. В конце XVIII века развивается русская национальная театральная и музыкальная культуры, организуется первый в России государственный музей – Эрмитаж. Нельзя не сказать и о том, что возрастает общественное значение отечественной литературы, увеличивается круг ее читателей, появляются имена новых писателей. Если в первой половине XVIII века литературным трудом в России занимались немногие, то в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова (1772) приведены сведения уже о 250 литераторах [Коломинов, Файнштен, с. 3].

Российская академия уделяла значительное внимание исследованиям в области отечественного и славянского языкознания, переводила труды древних историков, издавала сочинения русских и зарубежных авторов.

Завершая обзор развития высшего образования и культуры в России в течение XVIII века, необходимо особо отметить очень важные принципиальные положения, которые произошли в этой области русской культуры.

В результате деятельности университетских гимназий, Академии и Московского университета была создана база по подготовке учителей для разных видов русских школ – общеобразовательных и специальных. В это же время была разработана научная терминология на русском языке, подготовлены оригинальные и переводные учебники по всем предметам, изучавшимся в школах. Весьма значительные и важные шаги были сделаны и в разработке методики обучения.

Развитию высшей школы и образования в XVIII веке способствовали существенные изменения, которые произошли в социально-экономической, политической и общественной жизни страны в связи с возраставшими потребностями

общества в специалистах и грамотных людях. Развитие образования, несомненно, отразилось на общем состоянии промышленности, торговли, различных отраслей сельского хозяйства. Но преследовалась и другая цель: проповедуя просвещенный абсолютизм, превознося благие цели Просвещения, правительство, украшаясь просветительской терминологией, твердо придерживалось курса укрепления сословного самодержавно-крепостнического строя. Воплощению в жизнь идеи воспитания «новой породы» людей способствовала система закрытых учебных заведений: шляхетских корпусов, Смольного института благородных девиц, воспитательных училищ Академии художеств и академической гимназии, воспитательных домов в Петербурге и Москве. Созданные по строго сословному принципу, заведения эти должны были готовить верных слуг и защитников существующего строя, знающих и понимающих права и обязанности своего сословия и не претендующих на то, что выходило бы за рамки сословных прав.

Прогрессивная общественность России во главе с М.В. Ломоносовым активно боролась за демократизацию просвещения, развитие отечественной науки, создание отечественных научных кадров, привлекала наиболее подготовленных ученых к чтению публичных лекций как из иностранных, так и русских воспитанников Академии. По настоянию нашего «первого академика» впервые в университете лекции читали на русском языке, что имело огромное значение в подготовке и воспитании отечественных ученых. Московский университет стал центром развития передовой русской науки и культуры, прогрессивного просветительского и свободолобивого движения. Его педагоги несли воспитанникам демократические идеи, прививали любовь к национальной русской культуре.

В своем стихотворении «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее Величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1747 г.» М.В. Ломоносов призы-

вал юное поколение россиян: «Дерзайте ныне ободренны / Раченьем вашим показать, / Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать». Новый век открывал еще более светлые перспективы для дальнейшего усовершенствования народного образования.

§ 3. Русская начальная школа при императрице Екатерине Второй

Несмотря на крупный успех, каким явилось создание Московского университета (1755) с его гимназиями, а также многочисленных военных, артиллерийских, навигаторских, цифирных школ, во второй половине XVIII века еще не было ни одного общеобразовательного заведения. Очевиден стал тот факт, что только специальное и ограниченное профессиональное воспитание было явно недостаточным для большого развивающегося государства. Мысли о воспитании, о человечности («людскости»), о «новой породе людей» в это время беспокоили не только просвещенное дворянство, но и царственную особу. Задача создания цельной системы просвещения была далека еще от окончательного решения, ибо основанием этой системы должно было служить низшее образование. Последние десятилетия XVIII столетия были временем искания новых путей образования общества в свете новых государственных и педагогических идеалов, для разрешения очередных задач, сложившихся в предыдущие годы. Именно в эти годы появился ряд проектов, подходящих с различных точек зрения и с разных сторон к центральному вопросу политики просвещения – создание цельной учебной системы. Ознакомление с австрийской системой народного просвещения дало Екатерине II точку опоры для ее просветительских замыслов. Восемидесятые–девяностые годы XVIII века составляют вторую «эпоху», время практического осуществления новой учебной системы. Однако эта задача

осуществилась лишь частично, но и это легло прочным основанием для построения цельной системы просвещения уже в следующем столетии, в царствование государя Александра I.

В первую очередь рассматривался вопрос о начальной образовательной школе. Цель обучения в школе – не подготовка профессионального работника, а воспитание человека и гражданина. «Человек мог получить общее развитие, после чего мог бы выбирать себе известный род служения» [Знаменский П.В., с. 4]. На создание школьной системы под строгим контролем государства был направлен указ Екатерины II от 7 сентября 1782 года «Об организации Комиссии об учреждении народных училищ». Во главе комиссии был поставлен сенатор П.В. Завадовский, членами ее значились академик Ф.И. Эпинус и тайный советник П.И. Пастухов. Перед комиссией стояли конкретные задачи:

- выработать план по организации народных училищ в России;
- подготовить учителей;
- составить и напечатать учебные пособия;
- открыть народные училища в стране, и прежде всего в Петербурге.

Следует отметить, что народные училища, организацией которых занялась комиссия, по существу, весьма ограничивали «народный» контингент, ибо речь шла только об организации городских училищ и, таким образом, крестьянство почти целиком исключалось из сферы работы комиссии. Первым ее шагом была разработка «Плана к установлению народных училищ Российской империи», утвержденного Екатериной II 27 сентября 1782 года. План предусматривал создание народных училищ в городах малых и главных. Однако реальных условий для решения этой задачи в начале 80-х годов не было. В частности, предстояло провести большую работу по написанию учебных руководств и подготовке преподавателей. С работой по написанию учебников справились сравнительно просто. Для малых училищ пособия были

подготовлены в течение года, а руководства по обучению для старших классов – только к началу XIX века.

В 1783 году было издано «Руководство учителям первого и второго класса» известного силезско-австрийского педагога И.И. Фельбигера. Оно считалось официальной, обязательной к исполнению в учебном процессе дидактикой, адаптированной к русским условиям Ф.И. Янковичем – австрийским педагогом, находившимся на русской службе. «Руководство...» разъясняло смысл и порядок классно-урочной системы, которая до этого времени российскими учителями не применялась. Давались советы по проведению уроков, отдельные методики преподавания, рассматривались необходимые качества для учителя и его профессиональные качества. Основным пособием для училищ стала книга «О должностях человека и гражданина», написанная в том же году. В четырех частях учебника рассматривались многие вопросы: о цели воспитания как достижения человеком благополучия, получение которого возможно лишь при верноподданническом отношении к самодержавному строю, верности своему сословию, христианской добродетельности, телесном здоровье и трудолюбию. Раскрывались особенности внутреннего мира человека: душа, память, воля разума и пр. Уделялось внимание «попечению о теле», т.е. давались рекомендации по гигиене, лечению простых болезней и уходу за больными. Не забыты были советы и по ведению домоводства, приводились сведения о науках, искусствах, промыслах и ремеслах, что позволяло подготовить школьника к будущей самостоятельной трудовой деятельности. Впервые для школы был издан учебник по естествознанию «Начертание естественной истории» (1786), которым пользовались в школах до 1828 года. В нем на русском языке методически грамотно и наглядно впервые раскрывалась эволюционная теория, охватывая вопросы геологии, ботаники и зоологии.

Итак, в России была создана первая систематически подобранная учебная литература для низшей и средней школ.

Большие трудности возникли при подготовке учителей. Уже сама постановка вопроса о педагогическом образовании являлась принципиально новым, важным и прогрессивным явлением, поскольку все школы до шестидесятых – семидесятых годов XVIII столетия были отданы в ведение духовенства, которое отмечало ненужность специальной подготовки к учительской должности. Несмотря на то, что комиссия заняла правильную позицию в вопросе о профессиональной подготовке педагогов, проведение ее в жизнь было медленным и непоследовательным. Признавая необходимость специальной подготовки учителя, комиссия требовала готовить их только для главных училищ, полагая, что учителей для малых народных училищ будут готовить главные училища. Масштабы подготовки учителей комиссия ограничила лишь одной Петербургской учительской семинарией. Однако следует отметить, что подготовка уже была начата до организации семинарии. С 15 октября по 30 декабря 1782 года непосредственно при комиссии 20 семинаристов, вызванные из Александро-Невской духовной семинарии, проходили подготовку для преподавания в малых народных училищах. Естественно, что не могло быть и речи о каком-либо основательном обучении.

23 июня 1783 года комиссия представила доклад «Об учреждении Главного народного училища и при нем учительской семинарии на 100 «казеннокоштных» студентов. Таким образом, первоначально учительская семинария существовала при Главном народном училище (1783). Лишь в 1786 году она выделилась в самостоятельное учебное заведение.

Первое и единственное учебное заведение для подготовки учителей гражданских школ в течение 20 лет своего существования влияло на успехи дела организации народных училищ. Все преподаватели стремились развивать у семина-

ристов интерес к занятиям, поощряли всякую разумную инициативу, например, перевод на русский язык учебных книг, рисование и изготовление учебных пособий. За весь период в учительскую семинарию направили своих воспитанников 30 духовных семинарий, и все-таки такой способ принудительного направления для учебной подготовки не дал значительных результатов: «обучение в семинарии в период с 1782 года по 1802 год закончили 324 человека» [там же, с. 201].

После открытия Главного народного училища, которое фактически выполняло роль учительской семинарии и готовило учителей для будущих народных училищ, последовал указ Екатерины II об открытии главных училищ в 26 наместнических городах. Следующий выпуск 1788 года позволил открыть подобные школы еще в 16 городах. Императрица придавала семинарии общегосударственное значение: в 1786 году она присутствовала на выпускных экзаменах, и даже «по части российской истории и географии изволила задавать вопросы, давать возражения и тем составила род диспута» [Зябловский, с. 29].

Первым директором учительской семинарии стал Федор Иванович Янкович де-Мириево (1741-1814), австрийский педагог, православный серб, приглашенный в Россию по рекомендации австрийского императора Иосифа II. Он перевел на русский язык разные австрийские и немецкие инструкции для учителей, уставы школ, учебные пособия, что позволило русским педагогам и государственным деятелям познакомиться с западноевропейским уровнем развития школьного дела. В своей деятельности Ф.И. Янкович постоянно опирался на Академию наук, на труды и указания М.В. Ломоносова, особенно в области русского языка.

Учебная программа семинарии была довольно обширна: математика, физика, механика, естественная история, география, история, черчение, рисование, архитектура, чистописание, русский, латинский и немецкий языки, катехизис.

Занятия проводились по классно-урочной системе: «Один учитель мог занимать многочисленный класс. По известным словам и знакам чтение начиналось, продолжалось, останавливалось» (там же, с. 26). Прежде всего студенты «должны были учиться методе преподавания и разным учительским обязанностям, как то: сочинение списков, таблиц, рапортов и т.д. Предметы учения положены немногочисленные, но главные нужнейшие для каждого благовоспитанного человека, как для частной жизни, так и гражданской службы достаточные» (там же, с. 26).

Учебная семинария просуществовала до 1803 года, когда в соответствии с духом новой учебной программы она была преобразована в учительскую гимназию. Правила 1803 года устанавливали, что «всякий университет должен иметь учительский или педагогический институт».

Особого внимания заслуживает тот факт, что Екатерина Великая явилась родоначальницей общественного женского воспитания в России, что было абсолютным новшеством в Империи. В 1764 году в Петербурге открылось первое государственное женское дворянское заведение – женский воспитательный институт, или Императорское общество благородных девиц. В него принимали девочек из семей потомственных дворян. Курс был рассчитан на 12 лет и начинался с шестилетнего возраста. Институт значился закрытым учебным заведением на 200 учащихся. На разосланные Екатериной II по России приглашения присылать в Институт на обучение дочерей никто не откликнулся, и первый курс был набран исключительно из детей знатных петербургских фамилий.

Девочки изучали Закон Божий, русский язык, иностранные языки (французский, немецкий и итальянский), арифметику, рисование, танцы и рукоделие. Помимо названных предметов они занимались словесными науками, в том числе «стихотворством», а также физикой, архитектурой и геральдикой. На уроках постигали азы домоводства, рукоде-

лия и счетоводства. Вся система воспитания проводилась по воззрениям И.И. Бецкого, целью которого было изгонять зародыши гордости и самомнения у дворянских барышень, «дабы не думали никогда, что уже совершенны, старались они час от часу лучше быть». Особое внимание уделялось их физическому воспитанию: воспитанницы много времени проводили на открытом воздухе, играли в подвижные игры, закалялись и не подвергались телесным наказаниям.

Смольному институту Екатерина уделяла много времени и внимания: здесь ставились домашние спектакли, оперетты, балеты. Г.Р. Державин писал о «смолянках»: «Пеньем душу восхищали, / А красотою всех сердца...». Художник Д.Г. Левицкий создал целую галерею прелестных «институток», воплощавших в себе юность, красоту, радость жизни, грацию. Лучшие воспитанницы по окончании института определялись на придворную службу.

На следующий год после открытия Смольного института открылось еще одно закрытое женское учебное заведение для девочек мещанского сословия на 240 мест. Программа воспитания в «Особливом училище при Воскресенском Новодевичьем монастыре для малолетних девушек» была такой же, как у смолянок, но из нее исключили геральдику, архитектуру, географию, историю.

Несмотря на явные успехи в деле народного образования, организация школьного дела сталкивалась со многими трудностями, обусловленными спецификой страны: протяженностью и значительным разнообразием территории, многонациональным и многоконфессиональным составом населения, преобладанием в нем крестьянства (большая часть которого находилась в крепостной зависимости от помещиков и церкви), патриархальный быт которого не стимулировал школьное обучение детей. В этих трудных условиях русская школа в XVIII веке не только сделала принципиально важный шаг в своем развитии, но и смогла создать основы для дальнейшего совершенствования образования, науки, техни-

ки, литературы и искусства. За столетие в России сложилась система светской школы, которая в конце века включала все три ступени светской школы: начальную, среднюю и высшую.

История возникновения начального школьного образования в конце XVIII столетия в России тесно связана с дальнейшим ходом реформ отечественного образования в течение первой половины XIX века.

В славной плеяде российских просветителей и общественных деятелей конца XVIII и первой половины XIX века одно из центральных мест с полным правом занимает Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839) – выдающаяся личность в истории нашего Отечества.

§ 4. Начало карьеры М.М. Сперанского как общественно значимой личности

Бесспорно, общественные условия и воспитание с детских лет являются могучим рычагом для развития известных нравственных наклонностей, которые впоследствии через образование и самообразование могут значительным образом расширить взгляды человека и прояснить для него многие теоретические представления.

Именно так и произошло в жизни Михаила Михайловича Сперанского – выходца из бедной, незнатной семьи, не имевшей даже родового имени. Там, в захолустном Черкутинском Владимирской губернии, где он родился в 1772 году, прошли его детские годы среди простых малообразованных людей и низшего духовенства. В раннем детстве читать его выучил дед – первый воспитатель, «человек долга, точный в словах, честный в делах, начетчик в Законе Божьем и строгий его исполнитель, в старости часто посещавший церковь в сопровождении внука» [Фатеев, 1915, с. 4].

О детских пристрастиях Михаила Сперанского поведал И.В. Катетов. «Плохо удовлетворяемая природная пытли-

вость заставляла его самого искать ответы на разные вопросы, и в этих поисках читал все, что только попадалось ему под руку, торопясь узнать все и как можно скорее» – пишет о детских годах Михаила Михайловича Сперанского И.В. Катетов [Катетов, с. 89].

Как велось в среде духовенства, семилетним (1779) Михайло был отведен в Владимир и определен в семинарию, где ввиду обнаруженных способностей, подающий надежды в науках «попович» получил фамилию Сперанский. Под этим именем он вписал себя и свой скромный род в историю России.

В семинарии подросток учился отлично, был любим и уважаем соучениками и местным начальством, которые его «отличили», зачислив в архиерейский хор и определив в келейники к ректору. Товарищи называли его «Спасовы очи», потому что он все знал, все видел. Прочитанным накануне, уже утром делился с семинаристами, которые любили его за интересные рассказы и за недетскую «ученость» и относились к нему почтительно, называя по имени и отчеству. «Следствием просьб товарищеских было то, что в курсе, где шел Михаил Сперанский, образовались собственные, ученические лекции», – вспоминает протоирей Н. Флоринский в своих заметках [Флоринский, с. 5]. Прислуживая ректору, молодой семинарист находился в сфере духовной и светской жизни и, видимо, мог составить представление о социальном и экономическом положении России, о жизни и интересах других классов.

В 1790 году в числе трех способнейших учеников Владимирской семинарии 18-летний юноша был направлен в Петербург для продолжения образования в главной Александровской семинарии, как тогда называлась Духовная академия. Михайло Сперанский оказался в числе тех самых семинаристов, призванных на обучение из разных семинарий Империи с целью получения учительского образования молодых людей, о которых упоминалось ранее. Именно в это

время в России осуществлялись просветительские взгляды Екатерины II. Восьмидесятые–девяностые годы XVIII века – период практической организации новой учебной системы. В первую очередь рассматривался вопрос о начальной образовательной школе. На создание школьной системы под строгим контролем государства был направлен Указ Екатерины II от 7 сентября 1782 года «Об организации Комиссии об учреждении народных училищ». Перед Комиссией стояли конкретные задачи, одной из которых была подготовка учителей. Так восемнадцатилетний юноша оказался в столице для получения учительского образования.

В Александровской семинарии он углубился в науку, много и упорно занимался самообразованием. Несмотря на юный возраст, молодой человек не предавался никаким пагубным увлечениям, посвящая все свое время чтению разнообразной литературы и изучению иностранных языков. Все соученики единодушно признавали за ним необыкновенную скромность и ласковость, снисходительность к слабостям других. В эти годы окончательно дисциплинировался его ум, закрепились знания в иностранных языках, что позволило юноше открыть для себя всемирную литературу. Труды Вольтера, Дидро, Локка, Лейбница, энциклопедистов и французских мыслителей были тщательно проштудированы и осмыслены. Из-за недостатка книг (учебников) на русском языке, он пользовался руководствами на иностранных языках. Многочасовые упражнения в библиотеке развили духовный мир Сперанского. Особенное влияние на его образование, по собственному признанию, имели здесь сочинения, дававшие повод к диспутам или спорам. «Вообще если было для меня тут какое образование, – говорил он, – то разве от сочинений спорных диссертаций, которые двое или трое из нас сами задавали друг другу и потом все вместе просматривали» [Новаковский, с. 10]. Благодаря упорному труду и всепоглощающему желанию учиться, Сперанский стал одним из образованнейших людей своего времени.

В семинарии существовало правило, по которому каждый из семинаристов должен был сказать проповедь своего сочинения с церковной кафедры. «Это учреждение чрезвычайно поощряло молодых людей отличиться перед слушателями как в сочинении, так и в особенности в умении произнести поучение» [Колбасин, с. 25].

Молодой семинарист выдвинулся прежде всего своим усердием и отличием в проповедании слова Божия, своими назидательными и красноречивыми поучениями об истинах веры и служении ближнему. В его проповедях всегда было живое и мыслящее слово, вдохновенное размышление вслух. «Одушевленные черты юноши-проповедника, мелодический его голос и изливавшееся в его словах собственное сердечное умиление – вот что делало его проповеди увлекательными» – пишет в своих воспоминаниях Новаковский В. [там же, с. 10]. Ценой дарований и умений была заслужена любовь митрополита Гавриила. Впоследствии Михаил Михайлович сам признавался: «Преосвященный Гавриил особенно меня любил и поэтому велел учить других, когда мне самому еще надобно было доучиваться» [Якушкин, с. 9].

За успехи в учении и трудолюбие Михайло Сперанский был оставлен при семинарии учителем математики, затем физики и красноречия. В 1795 году последовало назначение его на должность учителя философии и префекта семинарии. Его педагогическая деятельность в годы пребывания в семинарии была весьма интенсивной и плодотворной. Сперанский был педагогом блестящим и вдохновенным. Обладал внятной речью: говорил остро, высоко, мудро, привлекая учеников к «слушанию себя» настолько, что когда кончалось отведенное для уроков время, они нехотя покидали классы. Состоя в должности, он не прерывал своих занятий и продолжал самоусовершенствование. Любимейшим чтением его оставались классики древности, но и со всеми новинками французской, английской и русской литературы молодой учитель знакомился с удовольствием. Он помнил и знал

множество имен, названий, действующих лиц и охотно делился своими познаниями со слушателями везде, где ему приходилось бывать. М.М. Сперанский выписывал журнал «Муза», основанный его семинарским другом И. Мартыновым, и сотрудничал с ним, помещая в журнале свои стихи в 1796 году. Все мысли, теснившиеся в его голове, просились на бумагу, и он писал статьи и научные трактаты – «Досуги», философские заметки «О силе, основе и естестве» и свое самое значительное учебное сочинение – пособие для своих учеников «Правила высшего красноречия» (1792). Изредка юноша посещал театр.

Хорошо знакомый со всеми трудами французских мыслителей и отечественных просветителей (Новикова, Радищева, Муравьева и многих других), он во многом разделял их мысли. А.Н. Фатеев, специально исследовавший влияние на Сперанского просветительских идей, приходит к выводу: «Не остается сомнения, что Сперанский живет в одном круге идей с Радищевым, Ушаковым, Новиковым, словом – с новой Россией, из которой впоследствии вышли декабристы» [Фатеев, с. 18].

Преподавание риторики привело его, учителя красноречия, к неожиданным выводам: все таинство витийства ораторы основали на слабости и бессилии ума так же, как на первой несправедливости основали законодатели науку правосудия. Наука красноречия разрушится в тот момент, когда ум настолько станет просвещенным, что сможет озарить истину во всем ее пространстве. Тогда истина предстанет во всей своей простоте. Но семинарские упражнения как род сочинений, в которых пишут и говорят, но не мыслят, не позволяли самостоятельно исследовать истину. Усердно занимаясь сочинениями, Сперанский на первых порах более уделял внимания форме, нежели содержанию. Впоследствии критическое изучение предмета «сгладило» этот недостаток, но любовь к схематизации, симметрии частей, классифика-

циям и четкому построению материала – семинарскому логизму – оставалась в нем до конца.

Суровые условия семинарского «жития», дух подобострастия, внушение страха перед вышестоящими и полная зависимость от них для некоторых семинаристов были невыносимы. Поэтому, когда настала пора сделать выбор, пришло понимание, что речь шла не об укрощении гордости и не о смирении души, а просто о рабстве. Многие семинаристы, не смирясь с этим, ушли из церковного плена. Другие же остались, принеся в жертву истину, и из них «вышли» гибкие духовные чиновники. Однако независимость совести служащего Божия подвергалась большому испытанию. Сглаживалось различие между духовным и светским чиновником.

В семинарии проявились блестящие дарования М.М. Сперанского в науках, требующих сообразительности и творчества. Как пишет А.Н. Фатеев, «Любовь к точному и конкретному знанию проявлялась у Сперанского уже в средней семинарии. Приезжая на каникулы домой, он таскал с речки песок, ища руды, собирал гербарии и пр.» [Фатеев А.Н., с. 9]. Но это было увлечение не только детских лет, через много лет узнаем из письма, написанного другу П. Словцову, о желании Сперанского иметь у себя гербарий сибирских растений, «трав и прозябаний», желательно с латинскими, русскими, немецкими и французскими наименованиями.

Имея тягу ко всему живому, изящному и прекрасному, он очень любил цветы и растения, а в бытность свою генерал-губернатором в Сибири, помышлял об устройстве ботанического сада и имел об этом предмете предварительные беседы с начальством. (Сообщал медицинскому департаменту сведения о лечебных свойствах ревеня и других трав.)

В жизни молодого семинариста большое значение имело знакомство с трудами Ньютона, в частности, «*Opuscula*» (лат. «небольшой труд», «сочиненьице»), что стало особенно заметным в использовании им технической терминологии в

размышлениях «О силе, основе и естестве». Технические науки стали его увлечением. Математика же привлекла своей положительной точностью. Предпочтение юноши математике, физике, механике объясняется еще и тем, – пишет А.Н. Фатеев, – «что официальная школьная философия, представленная вольфианцем Баумистером (Баумейстером) и Винклером, мало удовлетворяла, да и не могла удовлетворить ум, жаждущий знания, а не перестановки слов» [там же, с. 13]. По мнению М.М. Сперанского, которое он высказал в письмах к своему помощнику Н.Г. Масальскому, математика, история, география должны предшествовать не только изучению философии, но и изучению юриспруденции и «дипломатики», в противном случае такое образование «есть одно пустословие и потеря времени. Такое образование, считает Сперанский – «одними словами и без понятий» – вводит человека в опасное заблуждение, что он знает все, тогда как не знает ничего. «Отсюда привычка к поверхностному вещей обозрению, пища самолюбия и, наконец, отвращение от основательного труда и размышления» [Дружеские письма..., с. 64].

Роль разума и воображения в человеческом существовании, законы психического развития человека, суть человеческого счастья – вот круг проблем, в котором вращался ум молодого человека. Уже в это время сложилась его мягкая и вкрадчивая манера общения, его умение ладить с самыми разными людьми, при этом никого не допуская в свою душу.

Поворотным моментом в карьере М.М. Сперанского стал 1796 год, когда скромного академического преподавателя пригласили в дом князя А.Б. Куракина для ведения переписки на русском языке. Блестяще справившись с контрольным заданием, он очаровал своего нового патрона. Благодаря ему Михайло Сперанский попал в гражданскую службу. В доме князя молодой преподаватель сумел заявить о себе, как о непревзойденном мастере стиля. Становится понятным желание многих сановитых чиновников иметь в своих канцеля-

риях такого виртуоза слова, поскольку не только официальная переписка 90-х годов XVIII века, но даже манифесты и указы Екатерины II и ее сына Павла I написаны языком далеко не блестящим и чаще не всегда правильным. «Щеголеватая и трезвая фраза Сперанского многим казалась образцом слога» [Чибирев, с. 13].

Чтобы приучить молодого человека свободно чувствовать себя в обществе, князь Куракин часто приглашал его к обеду, а также когда бывали гости, но за господским столом юноша чувствовал себя неловко и предпочитал общество прислуги. Знакомство Сперанского в доме князя с умным и богатым вельможей Иваном Лазаревым в значительной степени способствовало его продвижению по службе. Лазарев поручал Михаилу Михайловичу составление бумаг по частным и другим своим делам, щедро награждая его за труды. В доме Лазарева, принимавшего у себя петербургскую знать, он познакомился с известными и важными людьми того времени, в частности, даже с армянским архиепископом князем Аргутинским – Долгоруким, который предложил ему исправление русского перевода армянской книги, изданной потом под заглавием «Исповедания христианской веры армянской церкви». Книга вышла в 1799 году и была посвящена Павлу I.

Как признался однажды М.М. Сперанский: «Жажда учения побудила меня перейти из духовного звания в светское: я надеялся ехать за границу и усовершенствовать себя в немецких университетах, но вместо того завлекся службою» [Новаковский, с. 13]. Исторически сложилось так, что с восшествием на престол Павла I мечте об ученой карьере не довелось осуществиться. Новый император в числе первых своих актов издал запрет на выезд русских молодых людей для обучения наукам в европейских странах и затребовал немедленного возвращения на родину уже туда отбывших. Это был монарший протест против распространения идей французской революции на умы молодого поколения России. Бла-

годаря содействию князя Куракина, М. Сперанский уволился из семинарии и вступил в «службу» в канцелярию генерал-прокурора Сената (1797). «Рясу заменило платье английского покроя» (Фатеев А.Н.).

Еще за год до принятия решения о вступлении в гражданскую службу Сперанский писал: «Человек, который ничем не занимается, есть существо уединенное, оставленное в бездействии среди всеобщего движения Вселенной; его покой есть дикое молчание пустыни. С другой стороны, сколько надобно дать сердцу толчков, чтоб привести к нему минутное сопряжение приятных потрясений» [Досуги..., с. 130]. Митрополит Гавриил решительно убеждал его не выходить в светское звание, поскольку ему открывалась в будущем высокая духовная карьера. Но почувствовав вкус к политике, «Сперанский уже задается вопросом о пружинах, дающих движение политической системе», и с каким пафосом он восклицает: «Какое зрелище для народа увидеть в первый раз сии могущественные пружины, кои несколько веков не постижимым для него образом двигали его волю! Узреть сие великое правление, что, обращаясь на таинственной оси, возвышалось и низвергало с собою счастье миллионов! Если можно что-нибудь представить разительнее и великолепнее сего вида – это честь, став в центре мира, смотреть на все силы достигнутой природы и видеть ход Вселенной» [Сын Отечества, 1844, №1, с. 24].

Первые шаги и начало карьеры М.М. Сперанского припелись на последнее десятилетие XVIII века – конец царствования Екатерины II и время правления Павла I, с воцарением которого изменился весь состав правительства. Князь Куракин, занявший в это время пост генерал-прокурора Правительствующего сената, продвигал своего помощника. В сумбурный век правления Павла I генерал-прокуроры сменялись один за другим, но их взлеты и падения, как ни странно, не отражались на карьере молодого чиновника. «Выдающиеся способности делали Сперанского необходимым, и потому

его карьера была обеспечена и без обычного в то время искаательства и угодливости. Известны факты, доказывающие, что в это время Сперанский не отличался этими качествами, а умел сохранять нравственную независимость, для того времени очень значительную» [Южаков, с. 346].

Карьера его во многом определялась «личным расположением к молодому чиновнику со стороны видных сановников», но и сам Сперанский, благодаря его умению разгадывать характеры и приспосабливаться к ним, имея при этом недюжинные умственные способности, способствовал этому.

Чиновничья среда в то время состояла преимущественно из малообразованных «клерков», а в той обстановке, когда государственных бумаг становилось все больше, требования к их составлению ужесточались, значение канцелярий возрастало. Знания Сперанского, умение составлять документы, прекрасное владение устной и письменной речью были неопенимы. Среди чиновников России ему не было равных в логичности и изяществе изложения тех или иных мыслей на бумаге. Он стал заменять новыми формами старинный «приказной» язык, изменив так называемый деловой слог.

В историю России впоследствии Сперанский войдет, помимо всего прочего, и как создатель нового русского канцелярского языка. Наделенный от природы острым умом, многосторонне образованный, он обладал способностью с полуслова, с полунамека постигать мысль другого и развивать ее до конца. Ему было присуще также редчайшее умение превращать собственную мысль в мысль своего собеседника, а порой и начальника ненавязчивым внушением. Поэтому, несмотря на многочисленные перемены в среде высших чиновников, М.М. Сперанский по-прежнему оставался на государственной службе.

Укрепление российской государственности во многом зависело от образованности бюрократии, особенно знаний в области политической жизни. Сперанский, принадлежащий к служилому сословию, смог обосновать политические и эти-

ческие направления новой идеологии. Его философия отражала общую тенденцию российской системы государственного управления к рационализации и демократизации. Даже краткий перечень мероприятий, в которых участвовал М. Сперанский, относящихся к первым годам правления Александра I, поражает воображение своей масштабностью: восстановлено действие Жалованной грамоты и Городского положения; отменены ограничения в пропуске едущих в Россию и выезжающих из нее; уничтожена Тайная экспедиция; строго запрещена пытка; учреждена комиссия для пересмотра прежних уголовных дел; священнослужители освобождены от телесных наказаний; уничтожены виселицы, сооруженные при Павле I; подсудимым возвращены права и средства предоставить доказательства их невиновности; издан ряд постановлений по облегчению внутренней и внешней торговли; отменен запрет на ввоз из-за границы книг и нот; распечатаны частные типографии, закрытые при Павле I; президенту Академии наук запрещено принимать в печать объявления о продаже людей без земли; образована Комиссия составления законов (десятая по счету). М.М. Сперанский пишет указ от 8 сентября 1802 года об учреждении Министерств. Это был первый этап министерской реформы, структура и функции каждого из министерств пока еще не были детально определены. Они будут окончательно разработаны Сперанским позднее в подготовленном им «Общем учреждении Министерств» 1811 года, завершившем министерскую реформу.

Статс-секретарь М.М. Сперанский занял в Министерстве внутренних дел пост директора департамента, однако с 18 июля 1803 года в связи с разделением министерства на три экспедиции остался в главной из них – полиции и государственного благоустройства, в которой должны были разрабатываться проекты государственных преобразований. В 1803 году им была составлена обширная записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. Из-под его пера выходили и ежегодные отчеты Министерств

ва внутренних дел императору Александру I. С 1804 г. они регулярно публиковались во всеобщее обозрение в «Санкт-Петербургском журнале», официально представлявшим это министерство.

Сперанский почти все писал самолично. Его легкий стиль находился в резком контрасте с путанным и тяжелым стилем того времени. Чиновники невольно присматривались и перенимали стиль образованного руководителя. Так началось перерождение старого русского делового языка в новый.

За четыре с половиной года, благодаря энциклопедическим знаниям и упорному труду «канцелярский Наполеон» (бесчиновный домашний секретарь) был возведен в генералы. В царствование Павла I он получил свои первые награды: 2000 десятин земли и орден Св. Иоанна Иерусалимского, который тогда жаловал русский император. В рескрипте Государя было сказано: «Усердная и ревностная служба Ваша обратила на Вас Императорское наше внимание, посему в изъявление особенного нашего к Вам благоволения пожаловали мы Вас почетным кавалером державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского в великом приорстве Российском, Божию Вас препоручая хранению» Павел I [Второе отделение..., с. 120].

Служба в генерал-прокурорской канцелярии, где сосредотачивалось все внутреннее управление страны, было отличной школой для будущего государственного деятеля – советника Государя, реформатора и просветителя-публициста именно в эти годы (1802-1807). А с 1808 года ближайшего советника императора Александра I.

С 1808 до 1812 года деятельность М.М. Сперанского, можно утверждать, «носила всеобъемлющий характер, и сам он достиг наивысшего влияния в государстве, фактически направляя внутреннюю и внешнюю политику Империи» [Осипов, с. 35].

Однако вскоре фортуна отвернулась от Сперанского. В результате бесконечных интриг, доносов императору от завистников и противников с 1812 по 1816 год он находился в ссылке. Незаслуженную обиду переживал очень глубоко и болезненно, при этом не жалуясь и никого не упрекая. В 1816 году М.М. Сперанский был возвращен на службу. Особенно много было сделано им в период губернаторства в Пензе и в Сибири (1816-1821).

Вернувшись по Высочайшей милости ко двору, он с 1826 года возглавлял 2-е отделение Собственной его императорского величества канцелярии, руководил кодификацией законов Российской империи (1832 г.). Заметим, что среди многочисленных трудов Сперанского имеет место первое «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах (1830), составленное под его руководством [Новый..., с. 683].

§ 5. Истоки педагогической риторики М.М. Сперанского – публициста, педагога и просветителя

Являясь одним из известнейших и важнейших чиновников в России начала XIX века, Михаил Михайлович Сперанский оставил о себе память не только как о политике, законоводе, философе, публицисте, просветителе и педагоге, но и как о блестящем мастере устного и письменного слова.

Истоки познаний и чрезвычайной трудоспособности Михаила Сперанского, его неповторимого дара слова берут начало в семье деревенского попа, «простого ума и доброй души», небольшого достатка, строгой религиозности и усердного трудолюбия. Приученный с детства к книгам религиозного содержания, к слову Божию и святоотеческим книгам, он привязался к своему деду, с которым посещал церковь, пел в церковном хоре и постепенно приобщался к духовной среде. «Искренняя вера и благочестие, царившие в семье, воспитали в нем глубокую религиозность, которая ос-

тавалась в нем до самой смерти» [Катетов, с. 88]. Многие товарищи отмечали в нем «особенное целомудрие» в мыслях, словах и чувствах. В юношеских «Досугах» есть такая фраза – размышление: «Облетав мыслию все на свете удовольствия, всегда надобно кончить тем, чтобы вздохнуть, усмехнуться и – быть добродетельным» [Новаковский, с. 25].

Трудовая энергия предков сохранилась в Сперанском на всю жизнь. Феноменальные способности ребенка, невзирая на бедность, помогли ему продолжить дальнейшее образование, ибо еще с Петровских времен было заведено привлекать к учению «людей нижнего разбору», которые могли бы достигнуть «великих санов, чинов и службы».

Во Владимирской семинарии, куда его определили в 1780 году, с низших классов упражняли учащихся в технике составления элементарных логических форм, в переводах с классических языков и обратно, так называемых «имитациях», притом обращалось особое внимание на синтаксис и грамматику. В старших классах семинаристов приучали составлять образцы стихотворений, речей и сочинений. Преследовалась цель – «научить приспособлению к данной теме словесных понятий, дефиниций, силлогизмов, т.е. облечь их в форму логической доказательности» [Фатеев, 1915, с. 15]. При этом вырабатывалась привычка брать под подозрение всякое иное мнение. Достаточно было высказать какое-либо предположение, «чтобы сейчас вызвать антитезис и спор». Поэтому из семинаристов нередко выходили мастерские спорщики, всегда готовые обличать. Сильным умам этот метод служил умственной гимнастикой, развивал в них навык владеть словом, что так пригодились Сперанскому в его публицистической, просветительской и ораторской деятельности в будущем. Обучение в семинарии приходило по классам: инфаматория, фара, грамматика, синтаксима, поэзия, риторика, философия, богословие (время обучения во Владимире продолжалось с 1779 до 1790 года).

Еще одна деталь в биографии юного семинариста сыграла немаловажную роль в его жизни. Не только «добрые успехи» и «острая понятливость», но и тяжелое бедственное положение («некрасная» жизнь) понудили его стать келейником (прислужником) префекта семинарии. Близость к воспитателю имела, по всей вероятности, большое значение. Об этом свидетельствуют письма благодарного ученика к своему батюшке, архимандриту Евгению – образователю «лучшей части сердца» семинариста. Но во всем этом было нечто, продолжившее закалку характера, унаследованного от предков. Суровые условия проживания закрепили неприхотливость, принесенную из дома, выработали жизнеупорство и волю к труду, которая так отличала Сперанского в течение всей жизни не только среди сановников, но и среди рядовых чиновников. Именно тогда, возможно, развилось в нем умение разговаривать с вышестоящими, держаться достойно и различать характеры людей.

Начало учебы в семинарии совпало с указом об усилении преподавания «еллинского наречия». Знание греческого и латинского языков, по собственным словам Сперанского, оказали большую услугу при изучении источников византийского и римского права. Свободно читая и изъясняясь по латыни, он мог впоследствии ознакомиться и с известными философами права, писавшими на этом языке: Гроцием, Гоббсом, Пуфендорфом и др. Молодой семинарист очень не любил тупое и механическое заучивание, предпочитая занятия, требовавшие сообразительности и творчества. Любовь к точному и конкретному понятию, в частности, к математике и физике, проявились уже во Владимирской семинарии, поэтому у администрации не было сомнений в кандидатуре Михаила Сперанского для направления его в Санкт-Петербург с целью продолжения образования на должность учителя. По указу Синода учебное духовное заведение было призвано готовить учителей для других семинарий.

В Александро-Невской семинарии не столько в программе, сколько по духу преподавания, замечалось светское, и даже, по отзыву митрополита Филарета, материалистическое направление обучения. Оно сказывалось в усиленном изучении новых языков, особенно французского, а также гражданской истории (новшество в духовном образовании) и натуральной философии, механики, физики, географии и, что самое главное, в той свободе самообразования, которая пошла на пользу всем тем, кто по-настоящему хотел учиться. В семинарии такими учениками являлись М. Сперанский, И. Мартынов, П. Словцов и другие, выделившиеся впоследствии своим служением просвещению и образованию на благо России, когда они перешли в «гражданское состояние».

Идеи французских философов, распространившиеся тогда в русском обществе, свободно проникали и даже «проповедовались» некоторыми профессорами в стенах религиозно-образовательной семинарии. Некоторые религиозные деятели, следуя великосветской моде, тоже учились говорить и писать по-французски. Происходившее в семинарии было отражением того, что происходило не только в русском образованном обществе, но и в Европе под влиянием французской революции, французской литературы и иностранной философии. Семинарист Сперанский, готовивший себя к духовному сану, тоже писал свой юношеский дневник по-французски и даже задумывал французский роман.

Для самообразования в семинарии была представлена большая возможность, ведь не секрет, что многие «ученые на свете люди сделались славными в своих профессиях не от профессорских лекций, но продолжая собственным трудом и прилежанием первое руководство» [Фатеев, с. 11]. Прежде всего такие возможности давала семинарская библиотека, заключавшая до 4000 названий, составленная из библиотек Феофана Прокоповича, Новгородской семинарии и других источников. Любимейшим чтением юноши, как уже отмечалось, оставались всегда классики древности, но и со всеми

новинками французской, английской и русской литературы он знакомился с удовольствием. Вообще начитанность Сперанского была необыкновенно велика. Его первое сочинение – учебник «Правила высшего красноречия» является свидетельством его познаний. «Здесь встречаются цитаты из Даламбера, Монтеня, Лябрюйера, Ричардсона, Юнга, Фонтенелля, Флешье, Боссюэта, Ролена, Масийона, Руссо и других, не говоря, конечно, о древнеримских и греческих философах и классиках» – пишет Фатеев А. [там же, с. 16].

Говоря об истоках речевого мастерства М. Сперанского, стоит упомянуть и о публичных выступлениях с проповедями, которые, как было заведено, произносили студенты-семинаристы. В качестве иллюстрации можно отметить проповедь молодого семинариста 8 октября 1791 года. Это было время царствования Екатерины II. Проповедник бросает упрек царственной особе, обвиняя императрицу в фальши и фаворитизме, критикует просвещенный деспотизм и противоречия в просвещенном разуме правителя. Проповедник клеймит фальшь и двоедушие премудрой государыни (Приложение 1).

М.В. Ломоносов во вступлении к «Краткому руководству к красноречию», изданному в 1748 году [Ломоносов, с. 355-356], указывал пять необходимых условий для приобретения красноречия:

Вступление:

§ 1. Красноречие есть искусство о всякой материи красноречиво говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2. К приобретению оного требуется пять следующих средств: первое – природные дарования, второе – наука, третье – подражание авторов, четвертое – упражнение в сочинении, пятое – знание других наук.

§ 3. Природные дарования разделяются на душевные и телесные (остроумие, память – душевные). Телесные дарова-

ния – громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражняющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно».

Как мы убедились, все вышеупомянутые условия были соблюдены, и даже возникает мысль, что именно М.В. Ломоносову и его требованиям обязан Михаил Сперанский своими блестящими ораторскими способностями и умениями в произношении слова, которые в значительной степени способствовали его продвижению на государственной службе. Сперанский, несомненно, большой поклонник и верный ученик гениального ученого – «нашего университета» как по талантам, так и по знаниям.

Любовь к слову отличала Сперанского с юных лет. Он считал, что любовь к культуре основывается на любви к словесной культуре всех языков, на уважении и интересе ко всем культурам. Отсюда его неудержимое стремление к совершенствованию своих языковых познаний не только родного языка, пропагандистом которого он был, но и многих иностранных языков, без знания которых нельзя вникнуть в суть и дух незнакомого народа.

Фаддей Булгарин искренне восхищался талантом владения речью весьма уважаемого им М. Сперанского и писал об этом в своих «Воспоминаниях» «Звук его голоса производил какое-то очарование, улыбка проливалась в сердце усладу; кроткий взгляд его проникал в душу и возбуждал к нему доверенность. Ничто не могло противостоять его красноречию. Он выражал свои мысли просто, ясно, кратко, а когда был одушевлен, то озарял речь свою лучами поэзии. Никто не говорил по-русски лучше Сперанского, и никто не знал так основательно письменного языка, как он. В каждой его работе виден практический ум математика. Все имеет основание, постепенность, систему и потому выводы и заключения ясны» [Булгарин, с. 652].

Часть II

М.М. Сперанский – педагог, наставник, воспитатель

§1. Педагогическая деятельность М.М. Сперанского в духовной семинарии

Об общегосударственном значении общественного образования в стране М.М. Сперанский писал в статье 1810 года «О силе правительства». Он утверждал, что сила правительства не в роскоши и великолепии двора, не в щедрости наград и в строгости взыскания, не в силе армии или обилии финансов. К истинным причинам, производящим силу правительства, он относил: I. Законы, II. Образ правления. III. Воспитание. IV. Войско и V. Финансы.

Объясняя свое видение влияния воспитания на силу правительства, Сперанский пишет: «Не довольно, чтоб правительство имело в данной какой-либо эпохе добрых исполнителей, надлежит, чтоб оно удовлетворило себе навсегда НЕПРЕРЫВНОЕ их продолжение». Безусловно, именно в этой фразе заключена вся мудрость и прозорливость реформатора, утверждающего, что воспитание людей и их образование должны быть непрерывными, а этого можно добиться общественным воспитанием. Правительство должно «совершенно обладать сею частию, дабы подчинить, так сказать, себе и ввести в виды свои целое рождение. Всем известно, что в России нет почти общественного воспитания, ибо нет

ни целости в плане, ни единообразия в исполнении. Великие издержки, сделанные на сию часть правительством, есть совершенная потеря времени и денег» [Сперанский М.М., с. 413].

Все документы, касающиеся образования и просвещения, написанные Сперанским, обнаруживали его поистине глубокие познания в тех областях жизни, которые он разрабатывал и внедрял в практику. Известный историк и государственный деятель М.А. Корф замечает: «Мысль М.М. Сперанского касалась многих областей человеческого знания: богословие, история, археология, древности церковные, наука права в обширном ее значении, философия во всех ее отраслях, филология – все это он разрабатывал и везде проводил какую-нибудь новую мысль, нередко образцовую, по крайней мере, оригинальную» [Корф, с. 35].

С раннего детства приученный к размышлениям о прочитанном, он стремился узнать побольше и поделиться знанным со своими близкими и соучениками. Именно в книге молодой семинарист видел своего лучшего учителя и наставника. Те немногие свободные минуты, которые он находил после изнурительного труда, отводились «благочестивым рассуждениям» и чтению книг. Он свято верил, что «добрая книга, умный разговор, вкус к музыке, словом, науки суть ангелы-хранители добрых нравов, когда нет других ангелов лучших и сильнейших, ангелов религии и молитвы» [Письма ..., с. 174-175].

Природный ум, исключительное трудолюбие и прилежание были отличительными чертами семинариста Сперанского. Во Владимирской семинарии, где он изначально учился, регулярные внеурочные «лекции» Михаила Михайловича поднимали его авторитет в глазах как преподавателей, так и соучеников. Умение «ладить» с аудиторией и привлекать на лекциях внимание слушателей послужило хорошей школой для его дальнейшей педагогической деятельности, которая, как мы убедимся, продлится в течение всей жизни выдающе-

гося просветителя. Он не только учил других, но и постоянно учился сам. Непрерывное образование требовало все больших познаний из самых разных областей науки, поэтому он продолжал изучать языки, знакомиться с новейшими философскими течениями. Там же, в семинарии, еще не окончив курса, смышленому юноше нередко приходилось заменять учителя на уроках в частных домах, и, одевшись в чужой сюртук (за неимением своего), он шел преподавать. И это совершенно неудивительно, так как при таком объеме знаний, он, в противоположность недалеким в плане образования гувернерам, мог быть весьма полезен. Успехи его были так велики, что у администрации духовной семинарии не было сомнений в необходимости молодого выпускника именно здесь, «как больше всех успевший в математическом и философском классе, и потому для математического класса в Александро-Невской семинарии весьма нужный». Ранние достижения и успехи молодого человека должны были внушить ему веру в собственные силы и знания, чтобы послужить делу просвещения и прогресса на благо Отечества.

Окончание семинарии пришлось на последние годы XVIII века, когда государственное образование в России было еще в зачаточном состоянии, и дворянских детей учили, главным образом, домашние воспитатели и гувернеры. Все происходило примерно так, как описал свое обучение и воспитание Петруша Гринев в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Именно из стен духовных учебных заведений, как упоминалось ранее, готовились преподаватели, и первой работой молодого выпускника Александро-Невской семинарии стало преподавание. Из всех дисциплин более всего и даже с некоторой страстью он любил математику. «В прочих науках, – говаривал он, – особенно в словесных и философских, всегда есть что-нибудь сомнительное, спорное, а математика занимается только достоверными, бесспорными выкладками» [Корф, с. 25].

К наиболее выдающимся качествам молодого преподавателя, а точнее к характеристике его неординарного ума и мышления отнесены, во-первых, сообразительность, умение проникнуть в самую суть предмета; во-вторых, необыкновенно сильная воля. Эти качества развивались в его душе параллельно друг другу. Если ум устремлялся к познанию предметов видимых и невидимых, божественных и человеческих, то воля в этом направлении не противилась уму, наоборот, она как бы побуждала внутреннюю энергию к прилежности, к решительному действию. Союз ума и воли способствовал становлению его как человека с твердым характером, человека целеустремленного всегда и во всем, человека, действовавшего и определявшего свои поступки и поступки других не эмоцией, но разумом, обладающего при этом истинной сердечностью.

Геометрию и тригонометрию молодой наставник читал по руководству академика Г. Крафта, а алгебру – по универсальной арифметике Л. Эйлера, т.е. лучших мировых ученых, на трудах которых воспитывались ученые нескольких поколений. Теорию церковного проповедничества он изъяснял семинаристам блестящим, даже несколько изысканным слогом, «но увлекая своих слушателей к подражанию, он не мог передать им своего вкуса, который предохранял его от надутости высокопарности» [Чистович, с. 81]. О предметах своего преподавания Сперанский нередко и во внеурочное время рассуждал с приходившими к нему учениками.

В риторических лекциях двадцатилетнего преподавателя обнаруживалась обширная начитанность, близкое знакомство с классическими писателями древности и тот крепкий, самостоятельный ум, которому еще не доставало простора, чтобы сделаться умом государственным. Риторику он преподавал как науку об искусстве речи, красноречии, ораторском искусстве, которые связаны с поэтикой, делая акцент на то, что эта наука обобщает опыт мастеров слова, устанавливает правила речевого поведения, учит правилам построения

текстов различных видов (рассуждений), логическим правилам.

На уроках риторики он учил семинаристов строить речь по принципу наибольшего эмоционального воздействия на слушателя, чтобы сильнее поразить его воображение. Подробнейшим образом объяснял учащимся, каким должен быть слог, подчеркивал, что весь процесс «речи» от начала и до конца должен вести непрестанную борьбу за душу читателя, слушателя, так как речь – это не книга, не журнал, ее нельзя отставить, отложить как начатый роман. Речь слушают, она должна быть воспринята сразу вся, поэтому не должна быть слишком длинной. Между автором как личностью и слушателем не должно быть дистанции, поскольку слушатель внимает оратору, который произносит эту речь.

Начало его публицистическому дару и искусству слова было положено еще во время обучения, когда молодому семинаристу поручали говорить проповеди, являвшие собой, как отмечали современники, настоящий образец ораторского искусства. Все присутствовавшие в церкви, от простого прихожанина до высокого начальства, обращали внимание на прекрасный язык юного проповедника, который представлялся совсем иным, нежели каким тогда писали и говорили другие. «В его сочинениях везде видно присутствие мысли, согретой той сердечной теплотою, встречаются высокие порывы чувств, нередко свежесть взгляда, даже такие неожиданные обороты, которые и ныне кажутся как бы новыми» [Корф, с. 35].

Стремясь облегчить обучение своим слушателям, молодой преподаватель написал руководство по кафедре красноречия под заглавием «Правила высшего красноречия» (1792). Составление этого руководства указывает не только на «признак развития умственных интересов, но являет собой свидетельство особенной добросовестности в исполнении своих обязанностей, которые всегда и потом отличали Сперанского» [Южаков, с. 343].

Историк М.А. Корф в своем описании жизни графа Сперанского замечает: «Нельзя не заметить редкой в такие лета скромности, почти даже робости тона, в котором не проявляется никаких притязаний, еще менее самоуверенности. Должно, наконец, остановиться и на том, что в такое время, когда теория словесности не представляла у нас ничего подобного, когда она и в школах, и в руководствах была закована в устарелые и мертвые схоластические формы, когда от «Правил» и по духу их, и по образу изложения, должно было ожидать, по всей вероятности, такого же электрического удара, какой произвели почти современные им «Письма русского путешественника», когда, прибавим, подпись имени под какою-нибудь статейкою в тогдашних немногих и скудных по содержанию русских журналах, тотчас давали этому имени значение в ученом мире, и слава литературная приобреталась не с такими трудностями как теперь. Сперанский, несмотря на всю эту благоприятную обстановку, воздержался напечатать свою книгу. Причину тому должно искать лишь в свойственной великим талантам недоверчивости к своим силам; иначе, если бы любимый митрополитом Гавриилом, бедный учитель замыслил издать в свет свой труд, то просвещенный иерарх, вероятно, не отказал бы ему ни в своем содействии, ни в материальной на то помощи» [Корф, с. 35].

Сочинение Сперанского, как и все написанное им, оставалось в рукописных вариантах. И только большой почитатель памяти графа, профессор Иродион Ветринский, взял на себя этот благородный труд и хлопоты – увековечить юношескую работу учителя семинарии Сперанского Михаила, издав в 1844 году «Правила высшего красноречия». В названном произведении впервые отчетливо проступает такая черта мышления Сперанского – впоследствии развитая, как стремление объяснить те или иные явления общественной жизни людей, исходя, в первую очередь, из человеческой психологии. «Основание красноречия, – констатирует он

здесь, – суть страсти. Сильное чувствование и живое воображение для оратора необходимы совершенно. И как сии дары зависят от природы, то, собственно говоря, ораторы столько же рождаются, как и пииты» [Сперанский, 1844, с. 5].

В комментариях А.Н. Фатеева [Влияние среды ..., 1915] имеется рассуждение о риториках, использовавшихся в учебных заведениях в конце XVIII века как переводных, так и оригинальных. Например, указаны работы Амвросия Серебрякова «Краткое руководство к оратории российской» (М., 1778), Моисея Гумилевского «Рассуждение о вычищении, удобрении и обогащении русского языка» (М., 1786). «Совет молодому проповеднику, данный одним наставником» (перевод с французского, 1824). «Все они, по нашему мнению, гораздо ниже труда Сперанского. Кстати сказать, Сперанскому, а не Карамзину, принадлежит приоритет в создании нового русского стиля, достигающего у Сперанского иногда такой простоты, силы и красоты, какой нет у Карамзина, высокопарного и сентиментального в слоге. Мы имеем в виду «Пермское письмо» и позднейшие сочинения Сперанского» [Фатеев, 1915, с. 19]. Данное рассуждение о стиле Сперанского, на наш взгляд, очень ценно, поскольку обычно говорилось только о слоге и стиле устного литературного языка молодого сочинителя и преподавателя, но стилистика его письменной речи оказалась непревзойденной, подтверждением чего служит и прекрасно переведенное им с латыни сочинение Фомы Кемпийского «О подражании Христу», мастерски изложенное великолепным языком переводчика.

«Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная Невской семинарии философии и физики учителем Михаилом Сперанским 1797 года в Санкт-Петербурге» – это название еще одного труда семинарского периода, который был опубликован в Москве в 1872 году, к сожалению, уже после его смерти. Публикация была приурочена к памятной дате 100-летия со дня рождения ее автора.

История появления в печати этого учебника весьма необычна и лишний раз подтверждает известный афоризм: «Habent sua fata libelli» («Книги имеют свою судьбу»). Рукопись данного учебника была получена от «замечательно-го любителя редкостей письменных, печатных и других» В.Н. Баснина в 1869 году настоятелем Московского Златоустовского монастыря для опубликования ее в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей Российских». Как явствует, она была принята к печати «как памятник ранней духовной деятельности» М.М. Сперанского. Девятнадцатый век весьма заслуженно относился ко всем видам деятельности педагога-просветителя и все, кто вспоминал, писал или исследовал его жизнь и творчество, старались опубликовать новые открытия и познакомить с ними общественность. В предисловии к «Физике» О. Бодянский пишет: «А такие памятники, таких людей признательное потомство не предаст забвению, но передает во всеобщее известие, так как и они содействуют, со своей стороны, к большему и тончайшему ознакомлению с свойствами и жизнью избранных народа. Подобная реликвия составляет достояние уже не одной какой-либо отрасли знания, а общее добро образованности и гражданственности известного времени, и потому каждый обязан позаботиться об их сохранении» [Сперанский. Физика..., с. 4].

Соученик Сперанского И.И. Мартынов в своих воспоминаниях пишет о преподавателях физики в их семинарии — Алексее Кононовиче Кононове и учителе Гаррахе, сменившем вскоре Кононова, а также о тех учебниках, по которым семинаристов обучали. Это были те первоначальные источники, которыми Сперанский должен был «пробиваться» на первых порах своего преподавания этой науки. Естественно, что при его даровитости, неутомимой деятельности и любознательности, он не мог довольствоваться ни преподаваемым его наставниками, ни тем более казенным учебником Винклера (на латинском языке), бывшем в употреблении тогда во

всех семинариях. «Любимой наукой лучших умов нашего века», как отзывался сам Сперанский о физике, занялся он основательно, с целью составить очередной труд для учащихся. Физика, поясняет Сперанский, принадлежит к таким наукам, в которой часто появляются новые изыскания, появляются новые имена и «не проходит, — говоря его словами, — 20 лет, чтобы ни сделано было в ней некоторых открытий вновь, или чтоб ни объяснены были некоторые из древних, и потому, естественно, что вид ее, от беспрестанного трения их, в некоторых частях переменяется». Поэтому предназначенный для занятий учебник Винклера он решил дополнить в некоторых статьях, другие — совсем переменить и представить новейшие теории некоторых вопросов. Свои соображения и выводы он собирался исполнить в некоторых примечаниях. В результате, дополнения и размышления М.М. Сперанского, его примечания и заметки совершенно заслонили Винклера. В своих примечаниях он «по справедливости поместил все, что успел найти лучшего в новейших писателях, и если ничего не сказал нового, то действительно «все сказал по своему». «Сказать все по своему» — это значит описать данный предмет со всею простотою, ясностью, логической точностью, чистотой и плавностью, вполне отвечая во всем содержанию передаваемого вопроса. Физика написана в увлекательной манере, пестрит занимательными примерами из древних опытов, и как в «Правилах» он показывает свое знание в области красноречия и обращается к именам многих классиков древности, так и в своей «дополненной» физике он оперирует многочисленными именами ученых: Аристотель и Плиний, Лейбниц, Декарт и Ньютон, Паскаль, Крафт, Гримальди, Торричелли и Рихман, Эйлер и множеством других. В физике рассматриваются даже такие вопросы, к примеру, как свойства янтаря и его теплопроводимость, «О громоотводах» и «О извержениях вулканов», «О северном сиянии», «О землетрясении», не говоря, конечно, о главных физических разделах.

Во введении М.М. Сперанский уводит нас в даль времен. Сначала он говорит о том, что из всех самых разнообразных явлений жизни самыми великими являются два предмета: природа и человек. Наука, изучающая природу, называется физика, а другая, изучающая человека, нравственная философия, все же остальные науки имеют прямое отношение к первым двум, «они суть отрасли сих двух корней». Созерцание природы — это «великолепное» и «трогательное» зрелище в глазах просвещенного человека, для невежды же — свет, со всеми его красотами, только одна «обширная пустыня, так как ни взгляд его, ни ум не обращались до зыблющихся высот эфира, где в величественном покое плавают громады пламенных тел. Казалось, что природа опустила некую завесу, мешавшую разглядеть святилище своих тайн, и человек не «дерзал в него проникнуть». «В собственном своем владении он был странник и пришелец», и ум его пребывал во младенчестве. И вот, спустя века, человек возрос и луч истины коснулся его, он уже знал, куда идти, но чтобы осмелиться на это, надлежало родиться великому человеку. И родился Декарт, и переступил ряд нелепых заблуждений, целыми веками нагроможденных. Декарт для Сперанского — это «эпоха в истории человеческого разума». Но всеобщий дух еще не созрел в человеке, он еще не мог иметь таинственного ключа природы, поскольку он «только был еще юноша». Декарт не вошел в храм, но он указал дверь и проложил к нему путь. Между тем пока одни спорили и заблуждались, «природа в тишине образовала Ньютона». Затем появились Кеплер, Гугений, Галилей, чьи умы воспитали Ньютона. Всеобщий разум явился в нем во всей своей силе, и природа вручила «своему любимцу» ключ своих таинств. М. Сперанский очень хорошо знал труды Ньютона и отдал ему дань, говоря: «Он отверз двери истины, и первое его слово переменяло законы мира. Он взвесил солнце и луну, и первый сказал, что все во вселенной тяжело». Река света была пролита на систему природы и покорила все дви-

жения одному постоянному закону. Тем временем, пока Ньютон с телескопом открывал человечеству один конец Вселенной, умы тонкие и наблюдательные, вооружившись микроскопами, открыли другой конец ее и обрели мир бесконечно малых. В воде, в воздухе обнаружены миллиарды «животных», непостижимых глазу и едва постигающих воображение. Таким образом человек расширил пределы мира и расширил круг своих понятий. И вот первая польза, которую доставила человеку Физика: она научила его смотреть на все с участием, любить природу и удивляться ей. Надобно наблюдать за природой, часто вопрошать ее опытами и вырывать, так сказать, насильно ее тайны, заставляя отвечать на наши вопросы, чтобы можно было сопоставить творения природы с творениями людей и узнать существенные их различия. Когда Человек будет знать все законы природы, тогда «все суеверия падут и ложь их обнажится», и мы узнаем творения великих людей, чтобы тоже войти в самую суть науки, и тогда уже не потребуются никакие руководства, кроме собственного желания и интереса. А пока что молодой учитель предлагает свои учащимся следовать за Винклером, в учебнике которого содержатся все начала Физики.

Как образец стиля, слова и слога считаем нужным поместить небольшой отрывок из учебника точных наук, написанного молодым преподавателем: «Из всех явлений природы ужаснейшее и обширнейшее есть, бесспорно, землетрясение, оно-то и причиняет на нашем шаре величайшие перемены и совершает пагубнейшие преобразования: оно-то делает, что земля во многих местах представляет глазам физика ужасные громады развалин и останков, море, восставшее из самой глубины своего необъятного ложа, разрушенные грады, горы расторгнутые, раздвинутые и перенесенные, распавшиеся целые провинции, поглощенные великие страны, оторванные от материка земли, обширные владения, погруженные в водах, полосы земли, на место их возникнувшие вновь, острова, выплывшие вдруг со дна морского, реки, пе-

ременившие свое течение: вот ужасные зрелища, кои представляют землетрясения» [Физика..., с. 329]. Затем уже следует объяснение всех физических явлений, способствующих и провоцирующих столь грозное явление природы.

Вместе с профессором О. Бодянским, благодаря которому мы имели удовольствие познакомиться с трудом преподавателя Александро-Невской семинарии, не будем терять надежды, что со временем, «быть может всплывут на свет Божий также нежданно, как эти записи по физике, и чтения по философии, преподанной М. Сперанским одновременно в одном и том же учебном заведении. Чтения по философии, по уверениям современников, восхищавшие и слушателей, и товарищей, отличались яркостью изложения и логикой» [Физика, с. V].

Необходимо сказать несколько слов об Осипе Максимовиче Бодянском (1808-1877), – русском филологе и историке, одном из первых славистов в России, окончившем Московский университет, где он учился у Н.И. Надеждина и М.Т. Каченовского и защитил магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен» (1837). Для сбора материалов по истории и литературе славян «он путешествовал по южно-славянским землям (1838) с целью обогащения познаниями и сбором научных сведений у народов, родственных по единству происхождения и речи, нередко даже по вероисповеданию» [Уваров, с. 85]. Сотрудничал со знаменитым чешским славистом П. Шафариком и был профессором Московского университета и членом Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете. Судя по тому, как он отнесся к труду М.М. Сперанского, становится понятным отношение О.М. Бодянского к его личности и творчеству, тем более, что он ясно говорит: «мы, русские, по справедливости имеем полное право гордиться славным графом Сперанским» [Физика..., с. V].

Обратимся еще к одной грани преподавательской деятельности Михаила Сперанского. Вопреки духовному регламенту, он был избран префектом Александро-Невской семинарии, в которой трудился, и был особенно любим за свою образованность. Как сказано в Уставе, должность «префекта, рассуждаемого яко учителя» была почетной и ответственной, поскольку он должен был следить за порядком учения и «наипаче воспитания». Для исполнения этой должности обязательными условиями считались принадлежность к монашескому сану и солидный возраст: от 30 до 50 лет.

В круг обязанностей префекта входило: «надзирать за учителями», сообщать архиерею о «неисправностях» как в учебном процессе, так и в общественном житии семинаристов, ежемесячно письменно рапортовать о поведении учителей и о состоянии обучения в семинарии в целом. Префект должен был принимать решения по каким-либо вопросам обучения или проживания вместе с учениками, хорошо их всех знать и иметь «исправный реестр» всех семинаристов: кто, откуда, чей сын, количество лет, как обучается и ведет себя и т.д.. Он должен был иметь сношение с другими епархиями, на случай «недостатка учеников затребовать из оных». Особенным же пунктом стояло наблюдение за воспитанием учащихся и уходом за ними. В обязанности префекта входила также забота о том, чтобы все семинаристы были одеты, обуты, накормлены; от него зависело расписание уроков, время отдыха и развлечений, игр и молитв, посещения ими храмов и неперемное соблюдение всех требований Устава. Всемерно одобрялось хорошее поведение, прилежность в науках и учтивость. В обязанности М.М. Сперанского входила также работа со служителями, надзор за тем, чтобы покои содержались в порядке и чистоте; ему надлежало также заботиться о больных, следить за тем, чтобы они не остались без лечения и ухода. Префекту доверяли казенные деньги на покупку нужных для семинарии предметов быта и заботу о библиотеке. Необходимо было, чтобы книги бережно сохра-

нялись и пополнялись новинками, но прежде, чем что-либо купить, составленный префектом реестр книг просматривался архиереем. Сперанский должен был следить за всеми новшествами, полезными для академии как в учении, так и в воспитании.

Когда же пришла пора расстаться с семинарией для государственной службы, М.М. Сперанский получил свидетельство об окончании преподавательской деятельности в этом учебном заведении следующего содержания: «Объявитель сего, магистр Михайло Сперанский в Санкт-Петербургской Александро-Невской семинарии в продолжение 10 лет обучал разным наукам, как-то: математика, красноречие, физика и философия, был семинарии префектом и исполнял должность свою со всею возможной ревностью и успехом, ведя себя наилучшим способом» [Чибирияев, с. 13].

Имея такую педагогическую практику, зная все проблемы учебного процесса, многое из приобретенного опыта он положил впоследствии в основу «Предварительных правил», Указов 1809 года, Уставов Царскосельского Лицея и Училища Правоведения, а также регламентирующих документов других учебных заведений.

В доме князя Куракина, где Сперанский служил еще во время своего учительства, Михайлу Михайловичу было поручено помимо секретарства и переписки еще одно очень важное дело: преподавание Закона Божьего и русского языка детям вельможи и его малолетнему племяннику Сергею Уварову – впоследствии графу и Министру народного просвещения, навсегда сохранившему самое теплое и сердечное отношение к своему бывшему наставнику. Нередко в работах С. Уварова встречаются мысли и сравнения, очень сходные с мыслями его учителя. Будучи активным деятелем в Министерстве народного просвещения, Уваров разделял многие воззрения своего наставника, под обаянием которого находился всю жизнь. Впоследствии С.С. Уваров переписывался со ссыльным реформатором, посылал ему книги, сотрудни-

чал с ним во многих комиссиях по делам народного образования после возвращения опального деятеля из ссылки и всегда прислушивался к его мудрым советам.

Служба в доме Куракина принесла молодому преподавателю много нужных знакомств, и в этом же доме решилась участь Сперанского. С официальным преподаванием ему пришлось расстаться, несмотря на успехи в данной области и желание митрополита Гавриила удержать Сперанского на духовном поприще. Выбор был сделан в пользу гражданской службы, поскольку молодой человек был уверен в своих силах, в своих знаниях и надеялся, что дальнейшей службой принесет больше пользы Отечеству. Преподаватель Александро-Невской духовной академии проф. И. Ветринский сожалел о том, что «государственная служба увлекла его к себе, но кто знает, менее ли добра сделал бы он и на поприще словесности, физико-математических наук и философии» [Сперанский, 1844, с. III].

§ 2. М.М. Сперанский как основоположник родительской педагогики

Между тем, после официальной отставки, педагогическая деятельность М.М. Сперанского на этом не закончилась. С вопросами образования и науки ему приходилось сталкиваться всю последующую жизнь, и он делился знаниями со всеми, кто в них нуждался, и в первую очередь это была его дочь – Елизавета Сперанская. Даже находясь вне дома, отец всегда поучал и предостерегал ее от необдуманных поступков, неосторожного поведения. «Никогда не шути с людьми, не имеющими ни вкуса, ни воспитания. Ум, как и всё прочее, весьма много зависит от одежды, от внешних форм, в коих он представляется, особливо от кротости и гибкости характера» [Письма ..., с. 9]. По ассоциации сразу же приходит в голову знаменитая фраза А.П. Чехова о человеке, в котором «всё должно быть прекрасно».

Дочь была для него единственным человеком, ради которого он жил и творил, так как жена М.М. Сперанского умерла рано. Все, что он мог дать дочери, он ей отдал. «Он весь предался науке и воспитанию дочери. Последнее требовало большого и прилежного труда. Враг всякого педантизма и даже слишком большой учености в женщинах, Сперанский не столько преподавал дочери в обыкновенном значении этого слова, сколько читал с нею, в особенности разговаривал. Эти разговоры были всего важнее. Они отличались возвышенностью, с пластической ясностью он излагал предметы самые отвлеченные, какую логику и убедительность имели его доводы, какая точность и вместе с тем поэзия была в его выражениях! При уроках и в обществе такого наставника дочь его не могла не быть одною из просвещенных и примечательных женщин». [Корф, с. 96].

Значительное место в занятиях «батюшки» – педагога и его прилежной ученицы отводилось изучению языков, в особенности русского, поскольку Елизавета Михайловна, воспитывавшаяся с детства бабушкой-англичанкой, русским языком владела слабо. «Среди прекрасных мыслей и самых живописных выражений у тебя вырываются некоторые ошибки в языке – следствие твоего младенчества. Такова сила первоначального языка» – объяснял он дочери причину ее неправильного употребления некоторых слов [Письма..., с. 170]. Всегда и везде, дома или на расстоянии сотен тысяч километров, ее многочисленные письма и поэтические пробы тщательно просматривались отцом-педагогом, и в случае описки или ошибки путем сопоставительно-сравнительного анализа с другими языками следовало подробное объяснение правильного написания. Непонятное русское слово переводилось на соответствующее по значению французское или английское, приводились примеры из великосветской или простонародной речи в соответствии с темой обсуждения. Причем, делалось все это с исключительной деликатностью: «Между тем, позвольте Елизавета Михайловна старому ва-

шему учителю сделать одно примечание...» [Письма..., с. 241]. Узнав, что она занимается русским языком с приятельницей, поощрял ее за «доброе дело» и находил этот способ постижения языка удачным: «Ничто так не острит, не раскрывает всей тонкой мозаики языка, как сей род упражнений [там же, с. 170]. Самой же Елизавете советовал читать Евангелие на церковнославянском языке, поскольку любил этот язык, считал достойным для общения с Богом и выражал неудовольствие по поводу переводов церковных книг на русский. Свою любовь к языку старался привить дочери: «Читай, продолжай читать Евангелие и весь вообще Новый Завет на славянском, а не на русском языке. В местах или в словах затруднительных тебе легко определить смысл их по английскому», т.е. предлагал пользоваться словарем [Письма..., с. 42-43]. Не переставал напоминать об уроках итальянского языка: «весьма много меня обяжешь, если окончишь итальянский свой язык», «итальянский твой язык есть последняя черта моих о тебе желаний. Окончив ее, кажется все будет окончено, что было начато и без тщеславия можно быть покойным. Ты не отстанешь от своего века, сколько бы ход образования его ни был обширен и стремителен. Все двери познаний, все источники чистых удовольствий тебе открыты». «Мне весьма приятно будет тебя на нем слышать. Я всегда пленялся его звучностью, вероятно потому, что он сходен с латинским» [там же, с. 211]. Отец приветствовал желание дочери читать сочинение Ф. Фенелона: «Тебе принадлежит (предстоит, Н.Р.) великое удовольствие, то есть читать Телемака. Ты удивись, что книга, которую ты верно сто раз имела в руках, есть для тебя теперь книга совершенно новая. Так, по крайней мере, было со мною, когда я читал ее, Великая книга для всех и особенно для государей» [там же, с. 176]. «Франция имела только двух истинных поэтов, – высказывает свое мнение Сперанский, – Шатобриана («великий волшебник») и Фенелона. Прочие, не исключая и Расина, суть остроумные люди, но ни в одном из них нет искры

сильного воображения» [там же, с. 177]. Поощряя занятия дочери литературой и поэзией, батюшка-учитель морально поддерживал ее: «Не отчаивайся, вкус придет: он есть дело опыта и упражнения» и всегда находил нужные слова для воодушевления: «Твои стихи прекрасны. Самое чувство твоим пером водило. Я знаю их наизусть» [В память..., с. 592]. Свою любовь к родной земле, народу он старался привить дочери, описывая красоты Сибири, ее рек и растений, рассказывая о своих передвижениях по краю с целью ознакомить дочь с необъятной страной и передать свои впечатления: «Вообще не позволяй никому и никогда смеяться над «сага patria» (дорогая родина). Своими наставлениями, описаниями, размышлениями отец-учитель воспитывал дочь, прививал хороший вкус и всячески старался возбудить в душе ее интерес и любовь к Отечеству. Как свидетельствует Е.А. Попов, знавший Сперанского в период ссылки, Михаил Михайлович «находил себе отдых в учебно-воспитательных занятиях с ней» [Попов, 1879, с. 27].

Литературные занятия проходили в чтении и декламации самых лучших поэтов. Иногда Елизавета пыталась сочинять сама, «испытывать собственные силы в стихосложении», а отец то с легкой иронией, а порой и строгой критикой обсуждал услышанное и был очень последователен в ней, чтобы слабые стихотворения не казались дочери подлинной поэзией. Главный же урок, который должна была усвоить Елизавета Михайловна, было постижение христианской веры, обрядов и традиций, с ней связанных, ибо цель христианского воспитания – нравственное совершенствование человека. Оно должно быть направлено на воспитание «истинной человечности», высокой нравственности и своим преподаванием отец указывал на нерасторжимую связь образования с формированием духовности и человечности. Он постоянно повторял, что с верой человек обретает внутреннюю точку опоры, дающую силы в борьбе с трудностями, веру в могущество собственного духа. Вера выполняет животворную и

защитную функцию во взаимодействии человека с окружающим миром и самим собой. Она обеспечивает его ориентацию в реальном и духовном пространстве, способствует достижению уверенности и утверждению ее идеалов и земного успеха. К методам христианского воспитания «духовный» отец относил молитву, исповедь, покаяние, пост и добрые дела. Молитва есть беседа или разговор с Отцом Небесным. Она является сильнейшим средством эмоционально-психологического воздействия на молящегося. Сперанский – отец советовал в своих письмах дочери: «Чтобы Господь пребывал в душе твоей ежедневно и даже несколько раз в дни будешь призывать его к себе молитвою. Никогда друг не отзывается столь верно на голос друга, как Он отзывается на нашу молитву» [Письма..., с. 74].

Только через Веру, Надежду, Любовь предстает высшее проявление гармонии и единства человека с самим собою и окружающим миром. Через Любовь осуществляется истинное познание Бога и открывается путь к Нему. «Молись – просит Сперанский свою дочь – мне нужна твоя молитва более еще в радости, нежели в печали, чтоб взглядом недоверия или излишних надежд не изурочить счастья, не оскорбить Провидения ко всему снисходительного, кроме гордости» [там же, с. 243]. Особый подъем физических, духовных и иных сил верующих происходит в процессе службы, молитвы. Глубоко верующий отец считал своим земным долгом дать дочери все основные знания христианской религии и «чистой молитвы». Самым лучшим воспитательным средством он считал посещение церковных служб: «Не пропускай, моя милая, сей доброй привычки. Есть в самой атмосфере церкви нечто благоговейное, собирающее рассеянные мысли, нечто таинственное. Сие и быть иначе не может. Здесь курится непрестанный фимиам молитвы от множества душ, нам неизвестных, и освящает собою и место и в нем предстоящих» [Катетов, с. 234].

В христианской религии Учитель – значимая фигура: это олицетворение справедливости и добродетели. Он должен собственным примером показывать, как следует праведно жить и бороться со своими недостатками, а главное – с гордыней. Педагог и его ученик – это прямой путь навстречу друг другу, путь к взаимопониманию и усвоению опыта старших поколений младшими.

Кроме своей дочери, прирожденный педагог довольно долго занимался и с гостившей у него дочерью госпожи Вейкардт (его знакомой), и прошел с нею полный курс Закона Божия по лютеранскому исповеданию так успешно, что пастор удивился ее знаниям, когда она пришла на конфирмацию*. Чтобы отработать у этой своей ученицы хороший слог, он каждый раз во время частой переписки исправлял ее письма и с поправками отсылал ей назад, достигая своей цели практическим путем. С братом этой девушки, Жоржем, Сперанский занимался языками – французским и латынью, готовил его к поступлению в институт, разумеется, с большим успехом. Любопытно отметить, что такой прием «эпистолярного» изучения языков существовал значительно раньше. Императрица Екатерина II тоже писала по-русски с грамматическими ошибками, но на них никто не осмеливался указывать. Однако философ М.В. Вольтер, с которым государыня переписывалась по-французски, не стеснялся исправлять ее грамматические ошибки и возвращал письма царицы в Петербург. Вновь переписанные письма, уже без ошибок, отправлялись назад их адресату во Францию. Благодаря этой переписке с величайшим ученым и философом своего времени, Екатерине II вошла в историю как просвещения правительница.

* Конфирмация (латин. confirmatio – утверждение).

У католиков – так называемое таинство миропомазания, совершаемое над детьми 7-12 лет; у протестантов – обряд приобщения к церкви юношей и девушек, достигших 16 лет. [Словарь иностранных..., 1964, с. 329].

Особое трепетное чувство к детям, умение находить к ним правильный подход делали отношения между учителем и его учеником доверительными и особенно теплыми и дружескими. У своего первого внука – Михаила, он тщательно спрашивал уроки из латинского языка и делал ему свои замечания и наставления. Так продолжалось в течение всей жизни великого реформатора.

Самым же именитым учеником Сперанского в последние годы его жизни (1835-1837) стал наследник престола, будущий император Александр II. Умудренный жизненным опытом, владея методами обучения и воспитания, новатор-преобразователь, ученый – аналитик и страстный публицист был приставлен к цесаревичу, которого в течение двух лет наставлял в политических, юридических и управленческих науках. В легких, непринужденных «беседах» наставник внушал своему подопечному мысль о необходимости решительных перемен в России. Будущий монарх жадно впитывал в себя науку царей и правителей. Преподаватель вложил в ученика не только свою душу, но и свои убеждения, которые, несомненно, оказали влияние на формирование личности будущего государя.

Доверительные отношения между наставником и юным учеником были очень теплыми. Профессиональные навыки и нравственные нормы преподносились преподавателем ненавязчивым способом. Сперанскому, при его даре слова и всегдашней отчетливости и ясности мыслей, не составляло труда завладеть вниманием любознательного наследника престола. Преподаватель вложил в него все благороднейшие свои надежды и устремления. Тем более, что уже не был скован ни текущими делами, ни житейскими проблемами. Для его знаний, для его мыслей, для душевных его движений открывался такой простор, какого не было на служебном поприще. Теперь он мог говорить откровенно, свободно, мог быть самим собою. Впоследствии эти «беседы» послужили материалом для издания книги, руководству по юриспруден-

ции, которым долгие годы пользовались учащиеся гражданских и военных учебных заведений России.

Ярким примером правильно усвоенной науки правоведения может служить ответ Александра II на поставленный учителем вопрос: следует ли прощать обиды. Наследник престола ответил так: «Должно, несомненно, прощать обиды, делаемые нам лично, но обиды, нанесенные законам народным, должны быть судимы законами. Существующий закон не должен делать исключений ни для кого». Профессор А.В. Романович-Словатинский пишет по поводу занятий М. Сперанского и итогов, последовавших впоследствии: «Уроки великого наставника не пропали даром: Император Александр II обновил Россию такими реформами, о которых, может быть, не мечтал и сам Сперанский» [Романович – Словатинский, с. 35]. Благодарный воспитанник Александр II в дни столетнего юбилея со дня рождения учителя-правоведа почтил вниманием и молитвою его светлую память.

Государственная деятельность, мысли, чувства, педагогические воззрения Сперанского оказали большое влияние на «новую» молодежь 20-х годов XIX века. Декабристы мечтали в случае успеха своего «выступления» пригласить просветителя в правительство, как человека знающего, пользующегося славой безупречного гражданина, считая себя в какой-то степени его учениками.

И в последующие годы к нему обращали за консультациями и советами самые влиятельные вельможи и государь-император лично. После воцарения Николая I Сперанский, по меткой оценке Середонина, «стал официальным юрис-консультom русского правительства» [Косачевская, с. 261]. М.М. Сперанский давал ценные советы и наставления в письмах и устно многим государственным чиновникам по всем отраслям государственного управления: А.Х. Бенкендорфу – шефу жандармского управления, председателю комитета министров Д.Н. Блудову, министру юстиции Д.В. Дашкову, министру внутренних дел О.П. Козодавлеву,

министру финансов С.Ф. Канкрину, канцлеру К.В. Нессельроде, министру просвещения К.А. Ливену, позже С.С. Уварову, морскому министру А.С. Меншикову и многим другим.

§ 3. Педагогические воззрения М.М. Сперанского

Сложившаяся в конце XVIII века система образования в России в силу своей юности и слабости не могла удовлетворить возрастающую потребность школы всех уровней в педагогических кадрах. Нехватка учителей, слабая подготовка большей их части оставалась большим вопросом народного образования. На этом фоне педагогическая деятельность Михаила Сперанского рассматривается нами как образец преподавательского мастерства, продемонстрированный им в стенах Александрo-Невской семинарии в конце XVIII века. Задатки лектора и учителя, проявившиеся еще в отроческом возрасте, выработались в нем не по принуждению, а по собственному расположению и склонности души учить людей, передавать им свои знания и укоренять привычку жить в коллективе.

Педагогическая деятельность М. Сперанского семинарского периода базировалась на документах, разработанных при зарождении русской начальной школы при Екатерине II. В обязанности «учительского звания» входило непременно условие «заступать у учеников место родителей», если родители были не в состоянии помочь «в наставлении детей своих». Звание учителя обязывало «стараться сделать из учеников полезных членов общества» – это был девиз того времени – и поэтому учитель старался «просвещать разум учеников и учить, как думать и поступать разумно, честно, благопристойно». Все предметы преподавания, хорошо усвоенные учениками, должны были служить общественной пользе.

Как истинный христианин, М.М. Сперанский-учитель тщательно следовал своему учительскому долгу, ибо знал, что наставник, не исполняющий своих обязанностей, «со-

грешает пред Богом, пред правительством, пред родителями учеников, когда о них худо пекутся», и самое главное, «пред собою, ибо отягощает свою совесть».

Неоднократно замечено, что М.М. Сперанский всегда отличался безукоризненным исполнением своих обязанностей, следовательно, и в педагогическом своем творчестве, он был безупречен. Молодой учитель любил свою должность и гордился ею, о чем поведал в стихотворении «И мое щастие». Для своих учеников он служил образцом порядочности, гуманности, точности, добросовестного отношения к делу. Согласно определению Л.Н. Толстого, «если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам – он совершенный учитель». Союз учителя и учеников строился на основе гармоничных взаимоотношений, которые рождались во время взаимодействия. Учитель, едва перешагнувший двадцатилетний рубеж, смог «возвыситься к духовному миру» своих подопечных, смог тонко почувствовать и проникнуть в их духовный мир, потому что не успел забыть, что сам был учащимся в недавнем прошлом. Он знал своих слушателей, замечал их особенности и наклонности, ибо без этого не считал возможным быть настоящим наставником и воспитателем.

Сперанский всегда был противником насильственных мер и в обучении, и в политике, и в обыденной жизни. «Во всех случаях жизни кроткие и снисходительные меры я считаю вместе и самыми справедливыми» – говорил он. Внимательно наблюдая и изучая коллектив, он старался быть деликатным, с большим тактом указывая на ошибки и заблуждения. В этом он следовал за Ф. Фенелоном, которого очень ценил как писателя и педагога, идеи которого заложили фундамент его педагогического гуманизма. «Изыскивайте, – сказал Фенелон, – все средства сделать для питомца приятным все, что вы от него требуете. Не принимайте на себя без крайней нужды вида грозного и повелительного, заставляющего ребенка трепетать, – вы не сделаете его тем рассуди-

тельнее» [Антология..., 1987, с. 398]. Чувство привязанности к своим ученикам – одна из определяющих черт педагогической культуры М. Сперанского. Отсюда стремление помочь им в их образовании, усвоении предмета, постоянное желание что-то сделать для их лучшей подготовки: написание ли учебного пособия, рекомендация ли ознакомиться с каким-либо автором или просто личный рассказ и объяснение вопроса, занимающего ум его ученика. Без постоянного духовного общения учителя и ученика, без взаимного проникновения в мир мыслей, чувств и интересов друг друга, без душевной чуткости, сострадания и отзывчивости на чужие радости и горести учитель Сперанский не мыслил достичь какого-либо успеха в деле воспитания. Личный пример достойного поведения, искренность интонации в общении и душевная простота отличали Сперанского с самого начала его педагогической деятельности, что привлекало к нему сердца учеников разного возраста и социального происхождения. Он умел открыть перед молодыми людьми непознанный мир вещей и событий удивительным рассказом о необыкновенных явлениях природы на уроках физики и тем самым зародить в их умах интерес к познанию окружающего мира, учил чувствовать красоту неба и земли, «учил учиться». В понятии М.М. Сперанского учение – это часть богатой духовной жизни, которая содействует обогащению ума не тупым механическим заучиванием, а размышлением и наблюдением. Чтение – вот один из истоков мышления и умственного развития, считал педагог, и советовал своим ученикам читать вдумчиво, с карандашом в руке. Чтение представлялось ему очень тонким инструментом овладения знаниями, ибо не было никаких других пособий, какими в избытке пользуются учащиеся наших дней. Книга должна была стать для каждого ученика другом, наставником и мудрым учителем. Все это осознал сам Сперанский, с ранних лет приобщившийся к чтению и черпавший из книг многие мудрости. В «Правилах высшего красноречия» – учитель риторики пишет: «Покажи-

те мне ваших друзей, говорит один из древних, и я познаю ваши нравы. Покажите ваши книги мне, можно к сему добавить, и я определю род вашего просвещения: ибо величайший плод чтения есть разверзнуть собственные наши понятия, или давать случай им раздражаться» [Сперанский, 1844, с. 101].

Мастерское владение пером и словом, способность говорить доходчиво и убедительно, способствовали проведению занятий в интересной и увлекательной форме. Как настоящий «вития» (оратор, человек искусный в красноречии. – *Н.Р.*) учитель Сперанский демонстрировал свое искусство произнесения слова, способного проникать в душу и разум слушателя не только текстом сочинения, но и голосом, лицом, интонацией и рукою. Преподаватель говорил со слушателями «языком движения и вида» так, чтобы любая мысль доходила до всех учащихся вместе и до каждого в отдельности, устремляя поочередно на лица присутствовавших взгляд, «дабы казалось, что он именно ему и говорит». Умело составленный план урока или лекции преследовал цель, чтобы и вступление, и «доказательство» (текст, содержание. – *Н.Р.*), и заключение были подчинены одной идее и соответствовали бы заданной теме, как требовал того предмет изучения.

Многогранность познаний, мягкость характера, постоянная доброжелательность, любовь к своему делу и детям – вот те особенности и составляющие необычного педагогического таланта М.М. Сперанского. От совокупности его профессиональной и общегуманитарной компетенции зависели навыки Сперанского-педагога:

- глубокое знание предмета, умение привлечь учащихся своими познаниями и профессиональным совершенством;
- высокий уровень общей культуры и эрудиции;
- умение управлять познавательной деятельностью учащихся, пробуждать в них самостоятельные мыслительные и исследовательские интересы;

– тонкая наблюдательность, позволяющая понимать личность учащегося, способность проникать во внутренний мир молодого человека, адекватно воспринимая и понимая его психологию;

– умение устанавливать доброжелательные взаимоотношения с аудиторией на основе возрастных особенностей;

– умение и способность ясно и четко выражать свои мысли, убеждения: демонстрировать свои умения и профессиональное мастерство;

– наличие педагогического такта: умение находить наиболее сильные способы воздействия на учащихся, отдавая предпочтение «кротким и снисходительным мерам».

В силу загруженности и необыкновенной занятости Михаил Сперанский не писал педагогических трактатов, поучений, каких-либо установок или методических рекомендаций. Воззрения его на педагогику и образование разбросаны в письмах, указах, уставах, наиболее всех проявившиеся в «Жалованной грамоте» Царскосельского Лицея», и в записке «Об усовершенствовании общего народного воспитания (Приложение 2). Берем на себя смелость причислить к «родительской педагогике» те советы, которые он давал родителям (в частности, Н.Г. Масальскому), размышлявшим о воспитании и образовании своих детей.

Михаил Михайлович (которому не довелось «кончать университетов») ратовал за необходимость университетского образования, что во всей Европе в то время считалось «классическим учением». «Это есть очевидное и принятое во всей Европе свидетельство классического учения, без коего и ученым и умным быть можно, но слыть таковым нельзя, а в свете не только должно быть, но и слыть» [Дружеские..., с. 64]. На вопрос, где подготовить юношу к университетскому учению, дома или в училище, поясняет, что учитель на дому, да и то в таком, где все говорят по-французски или по-немецки, может научить лишь болтать, «но чтоб домашним учением мог кто-нибудь достигнуть основательного позна-

ния языков, а особенно латинского», то это очень трудно. В училище же, где двадцать или тридцать детей говорят на языках и учатся вместе, «познания их приобретаются почти неприметно и всегда почти верно» [там же, с. 64]. К этому преимуществу общественного воспитания присоединяется еще одно. В домашнем воспитании никак нельзя дать «той общежительности, той развязности и ловкости, которая приобретается не иначе, как обращением с людьми с ребячества и трением страстей, желаний и мыслей». Молодой человек, получивший публичное воспитание, скорее знакомится с людьми, приспосабливается к делам, в отличие от того, кто в течение двух-трех лет постоянно занимался с одним учителем, и, следовательно, ознакомился с одним образом мыслей, привык к «одному роду вкусов, принял один оборот чувств и движений». Молодые люди, воспитанные в такой обстановке, «обыкновенно долго, а часто и на всю жизнь, остаются застенчивы, связаны, и, зная иногда много, не умеют употребить своего знания ни в пользу себе, ни к выгоде других» [там же, с. 61].

Главенствующее значение в образовании юношества он придавал следующим дисциплинам: языкам, т.е. латинскому, французскому и немецкому. Он советовал следующее: «Поставь ученика, чтоб он разумел читать хорошие книги, читай их с ним и требуй у него отчета в его чтении», поскольку считал такой метод приобретения знаний наиболее действенным, включающий в себя и риторику, и эстетику, и филологию. Затем следовали география, история и математика. Эти дисциплины, усвоенные основательно, «поставят ученика в совершенной возможности со временем, когда разум его с летами образуется, выучится и философии, и дипломатике, и юриспруденции. Учение совершенно зависящее от чтения и собственного упражнения» [там же, с. 64]. Никогда советы Сперанского не пропадали даром, все прислушивались к ним и действовали согласно с ними.

§ 4. Вклад М.М. Сперанского в реформу российского образования

Проблема общественного воспитания является одной из важнейших в понимании особенностей отечественной политической идеологии конца XVIII – начала XIX века. В ней определились особенности просветительской культуры, которая строится на методах социальной педагогики и социальной инженерии. Политика просвещения в трудах как европейских, так и отечественных просветителей во многом связывалась с воспитанием человека, так как нравственное начало предвещает политическое изменение. М.М. Сперанский также считал, что необходимо сначала воспитание соответствующих нравственных принципов и формирование суммы знаний у человека, и лишь затем – политическая реформа. «При этом субъектом социальной педагогики выступает государство, объектом же – народ» [Сперанский, 2002, с. 643].

Еще в начале века в своих первых политических записках и трактатах (1802 – 1804) «О коренных законах государства», «О постепенности усовершенствования общественного», «О силе общего мнения», «Еще нечто о свободе и рабстве», посвященных изменению существующих в России форм правления, М.М. Сперанский прямо увязывал образование и просвещение народа с ликвидацией крепостничества. Публицист и государственный человек, он был уверен, что в стране не основать монархического управления в то время, когда половина населения «находится в совершенном рабстве» и мечтал о новой прослойке воспитанных в новом духе людей, о развитии общественного мнения. Но чтобы учить неграмотных наукам, необходима отмена крепостничества, поскольку просвещать народ и одновременно оставлять его в рабстве означает дать ему возможность живее почувствовать свое горестное положение и вызвать массовый протест с его стороны. «Из человеколюбия, равно как и из доброй политики должно

рабов оставить в невежестве или дать им свободу» [Сперанский, 2002, с. 241].

Сперанский хорошо понимал, что для обеспечения прочности общественных преобразований необходимы прочные законы. Но последние предполагают, в свою очередь, справедливый суд, который невозможен без образованных судей, искусных законовевов, просвещенной публики, грамотной работы тех органов, из которых дела поступают в суд. Народу должно быть дано право участвовать в составлении законов: «Народ должен участвовать в составе законов, ежели не всех, то, по крайней мере, коренных», – писал он в статье «О коренных законах государства» в 1802 году. Но когда в обществе отсутствует в достаточной мере слой людей просвещенных и способных своими знаниями и энергией внести в новую общественно-политическую жизнь свой вклад, то требуются постоянные, долговременные усилия по просвещению народа. И прежде, чем появятся такие люди, с соответствующими умонастроениями и стереотипами поведения, нужно медленное, постепенное совершенствование общественной жизни при содействии государственной власти и времени.

М.М. Сперанский верил, что такие люди обязательно найдутся: «Я не могу без душевного унижения и помыслить, чтоб Российское государство столько было от небес оставлено, чтоб не можно было в нем найти столько просвещенных умов и столько теплых ко благу общему сердец, сколько может быть нужно к составлению такового сословия». Эти замечательные строки написаны в 1802 году в статье «Размышления о государственном устройстве империи [там же, с. 257].

И действительно, первые годы царствования Александра I были отмечены заметным оживлением общественной жизни. Актуальные вопросы внутренней и внешней политики обсуждались в научных и литературных обществах, кружках студентов и преподавателей, в светских салонах и масон-

ских ложах, на страницах газет и журналов. Происходящие изменения в политических, экономических, социальных и культурных условиях страны поставили вопрос о необходимости реформирования системы образования в России, оформившейся в конце XVIII века.

В большинстве случаев реформирование образования рассматривается как механизм для достижения экономического роста, культурных трансформаций и единства нации. Процесс реформирования – это не просто история изменяющихся целей образования, но и история изменяющихся социальных условий, установок, запросов, которые встроены в эту организационную практику; они не являются стабильными и видоизменяются время от времени. Общество постоянно высказывает свое отношение по поводу обновления системы образования, его содержания, повышения качества преподавания. В таких случаях большое внимание уделяется подготовке будущих специалистов, поиску новых путей внедрения образования в народные массы.

Воцарение Александра I сопровождалось заменой устаревшей системы государственного управления – коллегий – министерствами, которые более соответствовали требованиям времени. Реорганизуя государственный аппарат, правительство сохранило, однако, основы самодержавно-крепостнического строя, несмотря на острую необходимость переделки всей системы государственного управления. Среди других министерств, организованных правительством в 1802 году было создано Министерство народного просвещения, которое приступило к реформе образования и просвещения.

Либерально настроенный государь разрешил деятельность частным типографиям, возобновился ввоз книг из-за границы. Был принят новый цензурный устав, в составлении которого принимал участие единомышленник и друг М.М. Сперанского И.И. Мартынов. «Это был самый мягкий

из всех наших цензурных уставов, готовый дать большой простор мысли и печатному слову» [Булич, 1902, с. 65].

Единственной причиной, служащей запретом и преследованию автора, могло служить только «отрицание положительного бытия Божия», когда автор восставал против веры и законов, оскорблял верховную власть и высказывал мысли, «совершенно противные духу общественного порядка и спокойствия». Только возросшая реакция после декабря 1825 года смогла остановить действие этого прогрессивного документа, на смену которому в 1826 году пришел крайне жестокий цензурный устав, получивший у современников прозвище «чугунный».

В замысле и осуществлении создания Министерства народного просвещения деятельное участие принимал Василий Назарович Каразин (1773-1842), человек с обширными познаниями и горячо преданный идеям нового императора. В записке о создании в России особого управления народного образования он изложил свои взгляды на важность деятельности государства в этой области. «Произнося слово “Народное просвещение”, я воображаю себе отрасль государственного отеческого управления, обнимающую все, что только может относиться к образованию добрых граждан, к какому бы сословию они ни принадлежали, какого бы пола и возраста ни были». «Произнося слово “Министр народного просвещения”, я представляю себе просвещенного начальника, вполне распоряжающегося этой отраслью управления, дающего отчет о ней только верховной власти» [Абрамов, с. 225]. В. Каразин принял участие в Комитете для рассмотрения уставов в учебных заведениях, в котором он занимал должность управителя дел (члены Комитета: М.Н. Муравьев, граф Северин Потоцкий, академик Фусс).

После создания Главного управления училищ, под председательством Министра народного просвещения П.В. Завадского, В.Н. Каразин был назначен управляющим делами этого органа. Он много сделал для упорядочения структуры

нового министерства и расширения его деятельности: составил проект преобразования Виленского университета, проект устава Харьковского университета, проект устройства приходских училищ, которые были бы приспособлены к потребностям поселян. Воодушевленный поддержкой императора, Каразин вмешивался во все, где видел неправильное течение дел или злоупотребления, был сторонником права каждого подданного свободно высказывать «свои воззрения на вещи» в представлениях верховной власти и в печати, отвергал заимствования с Запада и выражал желание, чтобы дети духовенства, которым в то время был доступ только в одни духовно-учебные заведения, получили право поступать в училища всех родов, чтобы «государство освободилось от стремления делить людей на служебные касты» и чтобы всякий имел возможность избирать себе то поприще, к какому он склонен по природе, различной всегда в разных индивидуумах рода человеческого» [там же, с. 233]. Император не раз в своих дружеских рескриптах показывал, как высоко он ценил ум и деятельность Каразина.

Уроженец Украины, он мечтал устроить в Харькове «рассадник просвещения» – университет, отнюдь не похожий на обычный тип университета, но такое учреждение, которое давало бы истинное образование, соответствующее нуждам человека и жизни. В результате его агитации и пропаганды о необходимости на Украине такого «центра учения», который должен был представлять собой соединение нескольких высших специальных школ, он добился разрешения властей. Объединение этих школ в одном учреждении было названо В.Н. Каразиным университетом, «чтоб не придумывать другого наименования». Соединение в одном целом нескольких специальных училищ имело бы последствием ту общность чувств, тот дух товарищей, который так упорочивает привязанность к общему месту воспитания и содействует любви к Отечеству» [там же, с. 241]. В мечтах своих он видел Харьковский университет пристанищем тысяч уча-

щихся, собранных здесь не только со всей южной России, но и из христианских стран Балканского полуострова. И он решил употребить все усилия на осуществление своей мечты, заранее заручившись поддержкой горожан и дворянства в финансовом отношении. Только благодаря своей настойчивости, пройдя через все препоны и обиды, делая многое за свой страх и за свой счет, Каразин довел дело до конца. Уже после его отставки Харьковский университет был открыт (17 января 1805 года), и первым почетным членом был избран, разумеется, он.

Помимо всех своих обязанностей, которые В.Н. Каразин исполнял с душевной отдачей, нужно упомянуть еще о журнале «Ежемесячное сочинение об успехах народного просвещения», который он вел во время пребывания в должности управителя дел в управлении училищ. Есть еще одно упоминание о рукописном педагогическом журнале, который составлял Каразин для императрицы Марии Федоровны» [там же, с. 259].

Василий Каразин был в дружеских отношениях с Михаилом Сперанским, о чем свидетельствует переписка их и совместное сотрудничество. В их судьбах есть нечто общее: Каразин и Сперанский были в первые годы правления Александра приближенными к монарху лицами, но затем оба подверглись длительной опале.

Вместе со всеми членами Комитета деятельное участие в реформировании российского просвещения, образования и педагогики первой половины XIX века занял недавний преподаватель Александро-Невской семинарии Михайло Сперанский. Прошедшие годы учения и преподавания в семинарии позволили ему хорошо изучить все недостатки в образовании прошлых лет. Подходя с новых позиций к образованию, разрабатывались новые положения и вносились исправления в старые. Свои соображения М. Сперанский изложил в записке «Предварительные рассуждения о просвещении вообще». «Наука просвещать народ для добрых госуда-

рей всегда была важным предметом размышления, ибо добрые государи всегда находили более славы управлять народом просвещенным посредством законов, нежели повелевать толпою невежд по ограниченной их воле» — так начинает свои «предварительные рассуждения» М. Сперанский по поводу развития просвещения в России. [Рождественский, с. 372]. Но как бы ни стремились к развитию науки в стране, «правила ее доселе были подвержены колебанию и неизвестности». Реформатор приводит в пример разных государей, которые думали, что просвещение к народу «может изливаться от высших степеней государства», другие источники просвещения «открывали в самых нижних классах». Средства, употребляемые к просвещению, были также различными: «одни употребляли к сему религию, другие торговлю, иные установления учебные: академии, университеты и прочее» [там же, с. 372].

Со времени Петра I система просвещения несколько переменялась. Петр думал, что «народ его не иначе просвещен быть может, как введением нравов и обычаев иностранных». М.М. Сперанский осуждает государя за это, говоря — «может быть надлежало бы более обратить внимание на нравы и характер народный, нежели на его одежду; может быть надлежало бы менее пленяться блеском иностранной наружности и более примениться к внутренним способам просвещения, нежели к заимствованию внешних». Но сейчас уже поздним числом тщетно говорить об этом, ибо во времена Петра «вообще в Европе не имели еще точных понятий об истинном просвещении, понятий и в наши времена довольно еще редких» [там же, с. 373]. Учреждение Академии в (почти) безграмотной России имело «более блеску, нежели пользы» — добавляет он. Учреждение же Университета более имело связи с народным просвещением и хотя в 30 миллионах народу «сто человек благовоспитанных юношей не могут составить значущего общества», но тем не менее они несли в народ знания и этим самым делали свое полезное дело.

Другие правители составили о себе память учреждением корпусов для дворянства, «заведение весьма полезное по своему намерению, но весьма недостаточное по своему плану». Учреждение народных школ при Екатерине было последним действием правительства в народном просвещении до времени настоящего правления. М.М. Сперанский, подводя итог сказанному, делает свои выводы:

1. «Просвещение в России, так же как и в других государствах шло доселе “a reburs”, т.е. вопреки здравому смыслу. Ибо здравый смысл требует начинать вещи с их основания и вести к совершенству постепенно, и, следовательно, должно бы было начинать народными школами и кончить академией.

2. Сравнивая основы просвещения, доселе правительством употребленные, с пространством и положением России, можно сказать, что часть сия доселе шла почти без всякого внимания: ибо, приняв в счёт необходимое действие упущений, злоупотреблений и нерадения и отделив то, что устроено было для единого блеску, способы сии в отношении их к истинной пользе найдутся почти ничтожными» [Рождественский, с. 374]. Поэтому необходимость реформирования была очевидна.

Реформа государственной власти шла полным ходом. В число восьми министерств, заменивших петровские коллегии, входило и Министерство народного просвещения. Учреждение Министерства было давно назревшей необходимостью, и первым его министром стал П.В. Завадовский, возглавлявший при Екатерине II «Комиссию по учреждению школ». Впервые в России возникло центральное ведомство для управления делом народного образования с определенным кругом обязанностей и прав.

Из постановления о Министерстве народного просвещения мы узнаем, что «Министр народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук имеет в непосредственном ведении своем Главное училищное правле-

ние со всеми принадлежащими ему частями, Академию наук, Российскую академию, университеты и все другие училища, кроме предоставленных особенному попечению любезнейшей родительницы императрицы Марии Фёдоровны и находящихся по особенному повелению нашему от управления других особ или мест; типографии частные и казённые, исключая из сих последних состоящие также под непосредственным чьим-либо ведомством: цензуру, издание ведомостей и всяких периодических сочинений, народные библиотеки; собрание редкостей, натуральные кабинеты, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук заведены быть могут» [Антология, 1987, с. 27]

Реорганизация российской национальной системы образования началась с «Предварительных правил народного просвещения», написанных М. Сперанским и его единомышленниками (Каразин, Муравьев, Мартынов) в 1803 году, в которых были изложены основы новой учебной системы. Этот документ определил конкретное содержание последующих школьных и университетских уставов 1804 года.

Государь доверял молодому чиновнику составление самых важных документов, и Сперанский с присущей ему точностью и логичностью разрабатывал вышеуказанные документы. «Предварительными правилами» декларировалось общее среднее образование, доступное всем слоям населения, другими словами, бессловная школа. По этим правилам в России была построена четкая структура образования. С тщательной последовательностью разработана вся система: от начальной до университетской, от заведения училищ и распоряжения училищ по учебной части.

Устав от 5 ноября 1804 года исходил из созданной в конце XVIII века школьной системы и предусматривал постепенное преобразование главных и малых народных училищ.

Как и все документы, писавшиеся М.М. Сперанским, «Устав» представлял грамотно и последовательно состав-

ленный текст, в котором были изложены основные педагогические функции, обязанности преподавателя и его роль в деле обучения учащихся. Во главу угла ставилось установление правильных взаимоотношений учителя с отдельными учащимися, со всем классом и учащимися между собой, что в настоящее время, говоря современным языком, определяется в педагогике как коммуникативно-обучающая функция. Особое внимание в «Уставе» отводилось умению преподавателя организовать выполнение намеченного плана на уроке и направить коммуникативно-обучающую деятельность преподавателя в соответствии с учетом индивидуальных особенностей учащихся, что является организаторской функцией преподавания.

Значительную роль в «Уставе» занимала воспитательная функция, которая преследовала осуществление умственного и нравственного воспитания учащихся на материалах предмета в процессе его преподавания.

В «Уставе» предусматривалось и выполнение исследовательской функции, т.е. умение изучить отдельных учащихся в их учебной деятельности, в межличностных отношениях, умение выявлять уровень обученности, условия, влияющие на успешность обучения и воспитания, а также способность анализировать и оценивать учебный материал. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что педагогические идеи М.М. Сперанского, отраженные в тексте «Устава», являются основными положениями русской педагогической мысли вот уже на протяжении двух столетий.

В разделе «Об учителях» он рекомендовал: «Учитель должен стараться всеми силами, дабы ученики преподаваемые им предметы понимали ясно и правильно, и полагаться больше на свою прилежность и порядочные правила, нежели на чрезмерный труд учеников своих». Для малолетних детей он старается «сделать учение свое легким, приятным и более забавным, нежели тягостным».

И продолжает далее: Учитель должен стараться... «приучить детей к трудолюбию, возбудить в них охоту и привязанность к наукам, которым, по выходе из училища, заставило бы их печься о дальнейшем усовершенствовании себя; показать им путь к наукам, дать почувствовать цену оных и употребление и через то сделать их способными ко всякому званию; особливо ж дать уму и сердцу их надлежащее направление, положить в них твердые основания честности и благонравия, исправить и преодолеть в них худые склонности».

М.М. Сперанский говорит и о требованиях к моральным качествам преподавателей: «Учителя занимают у своих учеников место родителей и потому должны принять их чувствования, кротость, ласковость, терпение и внимание к их пользе, сердцу родителей свойственные. Строгость не должна иметь в себе ничего сурового, а благосклонность – ничего мягкосердного, дабы не привлечь на себя ни ненависти, ни презрения. Они не должны быть ни сердиты, ни вспыльчивы; но не должны также пропускать без замечания проступков учеников своих, а в случае нужды взыскания, которое никогда не должно быть производимо в жару и гневе и не прежде, как по надлежащем исследовании вины ученика» [Антология, 1987, с. 8].

Весь текст этого «Устава» – наставления может быть образцом для работы многих учителей, преподавателей, воспитателей, работников образования и в наши дни. Тем более, что сейчас открываются и продолжают открываться новые учебные заведения, колледжи и лицеи, начало которым положено в начале XIX века.

«Предварительные правила» провозгласили создание системы университетов в Российском государстве. К существующим Московскому и старейшему Виленскому добавлялся утвержденный Александром I университет в Дерпте (1802), а также предполагавшиеся к открытию Казанский, Харьковский и Санкт-Петербургский университеты. Выше-

перечисленные учебные заведения в новой системе образования призваны были выполнять функции центров учебных округов, которые контролировали бы и помогали развитию училищ низших степеней. Кроме того, они приобретали право производить в ученые степени (кандидата, магистра, доктора) во всех областях наук.

Первыми подвергались реформированию университеты. Россия пристально изучала жизнь университетов Европы (особенно немецких – Йенского и Геттингентского) и при построении своей системы высшего образования опиралась на особенности их внутреннего и внешнего устройства. В немецких университетах видели образец для подражания, а иногда и заимствования в ходе развития своей высшей школы. Притом немецкие университеты, во-первых, помогали пополнению рядов профессуры, во-вторых, способствовали обучению в Германии будущих русских преподавателей. Особенно интенсивно развивался этот процесс в первой половине XIX века, когда только что образованные или преобразованные университеты пополнились немецкими учеными, а русские студенты отправлялись в немецкие земли «для усовершенствования познаний». В период краткосрочного правления Павла I было запрещено российским подданным обучение за границей, но взамен последовало обещание прибалтийскому дворянству открыть университет в Дерпте. Задачу эту разрешили как раз перед реформой 1803 года. Тем не менее это был самый «правильный» первый университет, устройство которого полностью отвечало содержанию этого понятия в Европе. Именно этот университет первым получил 12 декабря 1802 г. «Утвердительную грамоту» с перечислением привилегий, что было обязательным условием основания университетов в Средневековье и раннем Новом времени. Этому примеру последовали и вновь образованные университеты, получившие свои «Утвердительные грамоты», а вместе с ними и Московский университет (ранее ее не имевший). Достоинством Дерптского университета считается и

тот факт, что он был первым в России учебным высшим заведением, наделенным правом присвоения ученых степеней во всех областях наук. Московский старейший университет был лишен такого права и лишь в 1791 году получил его в области медицины. Вместе с «Утвердительной грамотой», дарованной Московскому университету в 1804 году, ему от высочайшего имени выражалась благодарность за «столь великое участие в образовании людей, способных для государственной службы». Впервые на российском образовательном пространстве выдвигался принцип свободы преподавания и мнения внутри самого заведения: «Мнения в науках не должны служить поводом гонений... Взаимное уважение профессоров друг к другу долженствует облегчить им способ общего советования в рассуждении ученых трудов, почему и может каждый из них при начатии Академического года представить свои образ учения и книги, которым в преподавании намеревается последовать, для сочинения потом общего обозрения лекций» [Андреев, с. 43].

Подобно лучшим немецким университетам, при русской высшей школе предусматривались ученые общества. И действительно, за период попечительства М.Н. Муравьева в Московском университете таких обществ открылось три и среди них «Московское общество истории и древностей российских» (1804). По замыслу Муравьева при университете издавались (1805-1807) «Ученые ведомости, содержащие рассмотрение всех новых книг и откровений в науках как в России, так и в чужих краях», но после смерти попечителя выпуск газеты прекратился.

В проекте Муравьева обращалось серьезное внимание на научную деятельность университета, на то, что ему «должно прилагать к тому свои старания, чтобы быть всегда наравне с состоянием науки в других странах Европы и приобщать к курсу учения все новые откровения, получившие одобрения ученых» [там же, с. 44]. Тем самым впервые в России были намечены научные требования к занятию про-

фессорских должностей, означавшие, что эффективность преподавания в университете оценивалась именно с точки зрения участия профессоров в научном процессе.

С развитием в России университетского образования эти учебные заведения стали центрами науки, в том числе и педагогической.

Отметим также, что именно в это время в Уставах университетов были предусмотрены кафедры восточных языков и литератур. М.М. Сперанский (как и С.С. Уваров) был знатоком и большим поклонником восточной культуры. Он восхищался Китаем, его культурой, с которой познакомился будучи губернатором в Сибири. Он всячески способствовал развитию китайско-русских отношений и приложил немало усилий к открытию в Москве Лазаревского института восточных языков.

Новая система образования предусматривала 4 ступени: высшая – университеты (в каждом округе), средняя – гимназии (в каждом губернском городе), промежуточная – уездные училища (по одному в каждом уезде), низшая – приходские (в городах, селах). Все четыре ступени были преемственно связаны между собой: каждая предшествующая являлась основой для перехода учащихся на новую образовательную ступень (желающие учиться в университете должны пройти курс гимназии; для поступления в гимназию – курс уездного училища, а в уездное училище можно было поступить, окончив курс приходского). В основу всей системы образования были поставлены приходские училища.

Согласно уставу 1804 года собственно народное образование должно было осуществляться приходскими училищами с одногодичным курсом обучения, которые, как отмечалось выше, являлись низшей ступенью общеобразовательной школы. Эти учебные заведения образовывались как в городах, так и в деревнях при церковных приходах. В казенных деревнях ими ведал священник, в помещичьих – сам владелец имения. Учебный год в сельских приходских училищах

был короче, чем в других школах, что объяснялось ранними посевными работами и относительно поздним сбором урожая.

Школы эти по уставу обеспечивались и функционировали на средства местного населения, поэтому неудивительно, что работа в этих училищах находилась весьма в плачевном состоянии: отсутствие средств препятствовало как их возникновению, так и дальнейшей работе школ с малограмотными учителями, нехваткой учебников и наглядных пособий. Целью приходских училищ являлось, во-первых, подготовить учащихся к уездным училищам, во-вторых, дать детям низших слоев населения религиозное воспитание и навыки чтения, письма и счета.

В учебный план приходских училищ входили такие учебные предметы, как закон Божий и нравоучение, чтение, письмо, первые действия арифметики, а также чтение некоторых отделов из книги «О должностях человека и гражданина», которая с 1786 года применялась в народных училищах как официальное пособие, рассчитанное на воспитание у учащихся верноподданнических чувств.

Следующая ступень образования по уставу 1804 года представляла уездные училища с двухгодичным сроком обучения. Создавались они в уездных и губернских городах и предназначались для детей низших городских слоев – канцелярских служащих, мелких чиновников, ремесленников и мелких торговцев. В связи с этим и официальной целью их являлось «сообщить детям свободных непривилегированных сословий необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности» [Яковкина, с. 26].

В учебный план уездных училищ были включены: закон Божий, изучение книги «О должностях человека и гражданина», российская грамматика, а там, где население пользовалось другим языком, сверх этого грамматика местного языка, всеобщая и русская история, арифметика, начальные правила геометрии, физики и естественной истории (т.е. ес-

тествознание), начальные правила технологии, относящиеся к хозяйству края и его промышленности, рисование – всего пятнадцать учебных предметов. Это была непосильная нагрузка для учащихся. Преподавателей было двое и каждый из них обязан был преподавать семь-восемь предметов.

Уездные училища финансировались лучше, чем приходские, малые училища. В то время как малые училища содержались за счет пожертвований, уездные частично содержались за счет государственного бюджета, а также за счет местных сборов, путем обложения населения. Это положительно сказалось на росте числа уездных училищ.

В городских условиях они получали более удобные, чем сельские школы, помещения, более грамотных педагогов и хотя бы минимальное количество учебных пособий. Но и здесь были свои недостатки: «розги были в большом употреблении», процветала зубрежка. Родители были рады поскорее выучить своих детей, чтобы немедленно определить их к местам службы, например, писцами в какую-нибудь канцелярию, с самым ничтожным жалованьем, но с правами службы.

Гимназии открывались в губернских городах и предназначались для подготовки дворянских детей к государственной службе или к поступлению в университет, а также для тех, которые «пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека». Гимназии учреждались на базе главных народных училищ, а там, где их не было, следовало открыть новые средние школы. Курс обучения в гимназии продолжался четыре года. Учебный план гимназии отличался разносторонностью и обширностью. Большое внимание уделялось изучению общественных наук. в то же время среди предметов отсутствовали религиозные дисциплины. Изучение предметов проводилось по циклам, каждый из которых вел один из восьми учителей. В гимназическую программу входили: 1) математический цикл (алгебра, тригонометрия, геометрия, физика); 2) изящные искусства (словесность, теория поэзии, эстетика); 3) естественная история

(минералогия, ботаника, зоология); 4) иностранные языки (латинский, немецкий, французский); 5) цикл наук философских (логика и нравоучение, т.е. этика); 6) экономические науки (теория коммерции, статистика общая и государства Российского); 7) география и история; 8) танцы, музыка, гимнастика. Гимназический устав закрепил и лучшие достижения отечественной педагогики. Учителю вменялось в обязанность возбуждать у учеников «охоту и привязанность к наукам», при изучении предметов не столько «упражнять память» гимназистов или требовать от них «чрезмерный труд», сколько ясно и понятно излагать суть предмета, подкреплять изложение демонстрационными наглядными пособиями. Несмотря на такое обилие предметов и благоприятных условий, дворянство, особенно богатое и родовитое, неохотно отдавало туда своих отпрысков. «Чтобы не смешивать их с грязным людом и не привить им в подобном обществе дурных наклонностей и привычек». Кроме того, тогдашнее городское общество вообще отличалось «равнодушием к делу образования», как ни старалось государство и лучшие его представители вывести россиян из тьмы и невежества. Юноши дворянского происхождения, окончившие гимназии, имели широкие права на занятие различных государственных должностей. Податные же люди могли по окончании гимназии быть утверждены учителями (начальных и средних школ) только по решению Сената.

В учебные заведения вводился «способ учения», разработанный в 80-х годах XVIII века Комиссией народных училищ. Всем учителям предписывалось применять ту организацию и методы обучения, которые были рекомендованы в «Руководстве учителям народных училищ». По-прежнему не разрешалось никаких отступлений от правил официальной дидактики. В Уставе 1804 года, как и в уставе 1786 года, учителя рассматривались как чиновники без права на педагогическое творчество.

Реформаторский устав 1803-1804 годов представлял собой попытку осуществить мечту Петра I о доступности государственной службы представителям всех слоев общества и о распределении должностей не по знатности происхождения, а в соответствии с полученным образованием. Весь Устав был проникнут мыслью о том, что неограниченное распространение различных знаний принесет Российской империи и ее народу большую пользу. В результате работы единомышленников и с благословения Государя школьная система не только была первой в России, но и по замыслу лучше европейских систем отвечала нуждам идущего вперед государства. Устав требовал, чтобы университет сближался с обществом и развивал бы такую учебно-литературную деятельность, в которой могло бы принимать участие и общество. «С этой целью университет мог при себе открывать ученые общества, задавать темы для сочинений и награждать отличившихся премиями» [Булич, с. 45].

Чтобы исправить «нелегкое» положение дел в духовном образовании, был создан Комитет для усовершенствования духовных училищ (1808). Состояние дел в этой области в «Предварительных рассуждениях» М.М. Сперанский охарактеризовал так: «Неблестательное, едва приметное, не всем и ныне известное установление духовных училищ имело также свою пользу; семинарии устроены были на тот конец, чтобы доставить России просвещеннейшее духовенство, но по превращению, довольно обыкновенному в вещах человеческих, духовенство наше осталось почти все в прежнем невежестве, а семинарии доставили лучших людей университету и рассеяли в гражданских правительствах несколько искусных делопроизводителей» [Рождественский, с. 373].

В начале 1808 года М.Сперанского повелением государя Александра I назначили во вновь образованный Комитет, в который вошли известные лица – «как по талантам, так и по добросовестной энергии». Это были: митрополит Новгородский Амвросий Подобедов, калужский епископ Феофи-

лакт, обер-священник Иоанн Державин, духовник государя Сергей Краснопевков, обер-прокурор Св. синода князь А. Голицын и статс-секретарь М.М. Сперанский, «незабвенный для духовенства государственный муж, уроженец духовного звания сам прошедший всю тяжелую школу духовных молодых людей» [Знаменский, с. 11].

Компетентной комиссии предстояла весьма обширная и многосторонняя работа в области российского духовного образования. В ней сосредоточилось высшее управление духовных училищ и составление для них уставов, предусматривающих постепенное преобразование учебных округов, приискание и назначение профессоров в академии, начальников и преподавателей в семинарии и духовные училища, наблюдение за ходом и направлением учебной работы в этих заведениях, составление программ, снабжение училищ учебными руководствами и пособиями, устройство библиотек, ревизии академий, семинарий и училищ, устройство ученических общежитий, ежегодный отбор и отправка воспитанников в медико-хирургическую академию в Петербурге и ее московское отделение, а также на медицинские факультеты других университетов; получение и оборот училищных капиталов, выделение значительных сумм на построение новых церквей и возобновление работы старых, наблюдение за действиями цензурных комитетов и составление правил в руководство духовной цензуры, составление положений о гражданских правах службы и о пенсиях наставников духовных училищ. Состав комиссии не позволял сомневаться, что все задуманное ее членами с общего согласия и с Божией помощью будет выполнено.

В этом комитете, по отзывам современников, Михаил Михайлович стал душой всего коллектива. Прошедший все ступени духовного образования, Сперанский на практике великолепно знал все его недостатки и наболевшие проблемы. В июне 1808 года комитет представил составленный Сперанским обстоятельный доклад о преобразовании духовных

учебных заведений всех ступеней. По определению профессора П.В. Знаменского, автора ряда исследований о духовном образовании в России, «доклад представил собою такое новое и свежее по направлению, такое стройное, изумительное по широте и единству основного взгляда и по силе его логического развития в частностях изложение предначертаний касательно постановки духовных школ, их администрации, содержания и курсов, что подобная работа только и могла выйти из комитета, где работал Сперанский. Все принадлежало его искусному и многотрудному перу». Но больше всего духовенство приветствовало идею Сперанского восстановить право церкви на исключительную привилегию продажи восковых церковных свеч, дарованное Петром I и утраченное во время таможенного Устава 1755 года, дозволявшего и крестьянам торговать церковными свечами. В духовное ведомство начали поступать огромные капиталы, послужившие «к улучшению содержания как училищ, так и причтов, без отягощения казны и народа». [Новаковский, с. 26].

В докладе были глубоко проанализированы недостатки духовного образования и определены пути его реформы. Была создана четкая структура духовных учебных заведений, система управления ими, вводились новые учебные программы. По аналогии с гражданскими школами устанавливались четыре ступени духовных учебных заведений с преемственностью в содержании обучения: церковно-приходская школа, уездное училище, семинария, академия. Также по аналогии со светской школой создавались учебные округа. Был введен принцип выборности при замещении должностей ректоров академий и инспекторов семинарий.

«Устав учебных заведений, подведомых университетам» положил начало организации государственной системы начального, среднего и высшего образования. Он повысил роль университетов в руководстве народным образованием и подготовке учителей, усилил значение общеобразовательной

школы в формировании кадров специалистов для промышленности и сельского хозяйства. «Министерство народного образования, орган, который придал школам стройность и порядок» [Латышина, с. 40]. Главное управление училищ возглавлял Ф.И. Янкович – австрийский педагог на службе в России.

Таким образом, все российские университеты возникли как светские учебные заведения. Православная церковь имела духовные академии: Московскую, Петербургскую, Киевскую, Казанскую.

М.М. Сперанский участвовал в разработке всех уставов – академическом, семинарском, уездных и приходских училищ. Он придавал большое значение преподаванию общеобразовательных дисциплин в духовных училищах, чтобы приблизить выпускников по уровню их знаний к учащимся светских учебных заведений. Вследствие чего были расширены учебные программы по математике, физике, биологии, отечественной и всеобщей истории, филологии, философии; изучение иностранных языков из ряда факультативных стало обязательным.

Разработанные М.М. Сперанским основы реформы духовного образования были утверждены императором в 1808 году. К началу 1809 года Сперанский написал общее введение к уставам, в котором изложил начала духовного образования и первую часть Устава академии – внутреннее управление и содержание ее учебного курса. Остальные части по предначертаниям Сперанского составил сам епископ Феофилакт – из-за крайней занятости и недостатка времени у статс-секретаря.

Подготовленные М.М. Сперанским документы содержали основные принципы нового устройства духовной школы. «При сохранении сословного характера обучения значительно поднималась роль общего образования, особенно на двух низших ступенях, охвативших практически всех мальчиков (с 6 лет) из духовного сословия» [Российская..., с. 367].

«Впервые значительное внимание уделялось педагогическим методам, главным из которых отныне признавался метод поощрения самостоятельной умственной деятельности учащихся» [там же, с. 367].

Для обеспечения академии способными наставниками члены Комитета разделились на разные группы по предметам и назвались «протекторами» классов. М.М. Сперанский вызвался в протекторы философии и древних языков. Профессор Лоди рекомендовал ему профессора Фесслера для преподавания еврейского языка, между прочим, отметив, что тот годится и для философии, поскольку он «человек необыкновенно умный, ученый с блестящим пером и даром слова». Фесслер любезно принял приглашение. При самом его назначении он должен был представить конспекты по обоим классам, с последующим переводом инспектором семинарии с латинского на русский. Комиссия рассмотрела конспект по еврейскому языку и нашла в нем некоторые темы излишними, предложив только «единое грамматическое изъяснение еврейского языка». Что касается конспекта по философии, то «найдя изъяснение профессора Фесслера темным, потребовала у него другой конспект, чтобы изложил в яснейшем виде и именно по методу и терминологии вольфианской». В заключение они посоветовали ему руководствоваться назначением от комиссии Винклером и Бруккером, но «нового ничего самому по себе не вводить».

М.М. Сперанский принялся защищать своего ставленника, утверждая, что «конспект философских наук, профессором Фесслером представленный, разуму статей устава о преподавании философии в духе академии совершенно сообразен». И только некоторая разность в терминологии, «которую без привычки понять трудно, могла дать повод к пререканиям» [Чистович, с. 993].

Яростный защитник настоящей философии, Сперанский еще в «Правилах» изложил свою точку зрения на эту науку. «Я не разумею под нравственной философией сего

ученого собрания безделок, украшенного всею пышностью доказательств, которые тоном догматическим научают нас тому, что мы давно уже знали, и открывают как тайны всему свету известные. Оставим бесплотным и сухим умам с возможностью ребячиться и играть словами. Я называю нравственною философиею науку познавать человека» [Сперанский, 1844, с. 49]

Епископ Феофилакт, особенно не любивший иностранных преподавателей, был противником конспекта Фесслера по философии, на что Сперанский сказал следующее: «Цель нового образования академии не в том состоит, чтобы переменить названия, преобразить учителей в профессоров, учеников назвать студентами, а в прочем оставить все по-прежнему, и, например, в философии ограничить все познания Баумейстера или Винклера коих имена, как и глубоко-мысленные сочинения знаменитые в наших семинариях, никогда в ученом свете не были приметны» [Савваитов, с. 89-96]. И поясняет далее, что цель философского учения по требованиям академии состоит не в том, «чтоб продолжать мрачную систему материализма, на коей все чувственная философия основана, но чтоб отвергнуть все сии суесловные блуждания разума, призвать его и приуготовить к христианской философии». Он оправдывает Фесслера, говоря, что ученый «старался привить пытливость и любознательность философского духа, нежели дать им систему законченных понятий. Законченность может быть только в навсегда установившихся канонах, догматах, религии, но только не в философии, ибо философия – есть движение вперед, один непрерывный процесс. Философия сходится с религией только в истине, но пути их к истине различны» [там же, с. 89-96].

М.М. Сперанский защищал Фесслера и вверял ему класс философии, главным образом, потому, что глубоко понимал значение философии и знал, чем она должна быть в деле образования и как она должна преподаваться в академии. Для него самого философия и ее история не были «уп-

ражнениями памяти», но делом мысли, а дело мысли – делом жизни. В результате всех этих действий профессор Фесслер уволился из академии и поступил в комиссию законов. Заметим, что Игнаций Фесслер помог своими знаниями молодому поклоннику ориенталистики – Сергею Уварову, который понимал значение Востока и в интеллектуальном, и в политическом отношении. Профессор Фесслер руководил чтением С. Уварова и помогал ему при составлении его «Проекта» («Проект Азиатской академии», 1810).

За вклад в реформирование российского просвещения Сперанский был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени при рескрипте: «Статс-секретарю нашему Сперанскому! Отличные труды ваши в комитете об усовершенствовании духовных училищ, в коем вы столь много содействовали к окончанию дела, полезного для духовенства, нас удостоверяют еще более, что всякого рода поручения вы исполняете всегда к удовольствию нашему» [Второе отделение..., с. 122].

После присоединения к России Финляндии был учрежден Финляндский Комитет под председательством М.М. Сперанского. Следует отметить, что в разработке правового статуса вновь присоединенного государства была немалая заслуга реформатора. За эти заслуги, за доброе отношение к финскому народу он был избран попечителем (канцлером) Абосского университета и членом главного правления училищ Финляндии; но от статуса финского дворянина Сперанский скромно отказался.

М.М. Сперанский принял деятельное участие в вверенном ему попечению университете. По его ходатайству выделено было 20 000 рублей серебром на удовлетворение нужд университета и его служителей: он заботился о вдовах и сиротах университетских чинов, увеличил оклады, бедным студентам назначил пособия, выделил средства для «умножения библиотеки и кабинетов», к предметам учения были прибавлены главные европейские языки, в том числе рус-

ский, было увеличено число профессоров и адъюнктов» [Новаковский, с. 28].

В том же 1808 году 11 декабря императору была предложена новая записка Сперанского, посвященная проблеме образования и воспитания. Она называлась «Об усовершенствовании общего народного воспитания». Как и во всех своих документах, указах, положениях, трактатах, текст записки с тщательной последовательностью излагал мысли просветителя. В начале говорилось о двух основных средствах, которыми правительство может действовать на народное воспитание. Первое из них, – писал Сперанский, – состоит «в доставлении способов к просвещению», в устройстве училищ, библиотек и тому подобных публичных заведений. Второе – «в побуждениях и некоторой моральной необходимости общего образования». О первом средстве Сперанский сообщал, что в России оно «давно уже принято и, переходя разные постепенности, в настоящее царствование нарочито усилено».

Что же касается второго, то оно, по его мнению, «не было еще довольно употребляемо. Доселе правительство ограничивало себя частыми поощрениями, отличиями, напоминаниями. Но учение никогда еще не было у нас поставляемо условием необходимым и обязанностью непременною для вступления в службу и занятия гражданских мест». М.М. Сперанский ссылается на другие европейские государства – Францию, Австрию, Англию, в которых никто не может занять должность судьи, адвоката или прокурора без аттестата и соответствующего образования. Иными словами, уже тогда Сперанский указывал на принцип мотивации в обучении как действенный фактор успешности обучения. Реформатор ищет причину малочисленности учащихся в университетах и гимназиях и приходит к выводу, что всему причина заключается в домашнем обучении в богатых семьях с приглашенными гувернерами и небольшой программой обучения; вторая причина – учение в частных пансионах

(удел среднего дворянства) и учение в казенных училищах, где большей частью обучаются «бедные люди свободных состояний».

Первый способ обучения нехорош тем, что в учителя идут люди несведущие, чаще всего иностранцы, и правительство не может наблюдать «за духом воспитания и приводить юношество к некоторому единообразию общественных правил». И второй способ учения в частных пансионах имеет те же неудобства, но уже в меньшей мере. Сперанскому предпочтителен третий метод. «Но все три вместе имеют то главное неудобство, что в них ограничиваются первыми токмо начатками словесности и считают воспитание конечным, как скоро приобретено некоторое познание в иностранном языке, в арифметике и тому подобных стихийных науках, т.е. считают его конечным там именно, где оно действительно начинается» [Сперанский, с. 329].

Как истинный аналитик, Сперанский ищет и находит корень зла в чинах, с которыми «сопрягаются не мнимые только отличия, но и места, и все выгоды». Все успехи гражданской службы определяются чинами, а чины даются по выслуге лет. Отсюда понятно, почему студент, проучившийся в высшем учебном заведении, поступает на службу в более низком чине, нежели вступивший совсем без учения. Между тем пока молодой чиновник с образованием «дойдет до степеней известных», неученый с некоторым навыком работы и при покровительстве свыше выйдет уже в статские советники.

Поэтому в дворянских семьях предпочитали детей определять на службу, а не занимать их науками и всяким основательным учением. «Отсюда предпочтение пансионеров частных и домашнего воспитания, в коих науки пробегаются слегка и поверхностно, и отчуждение от училищ государственных, коих ход основан не на блеске, а на методах правильных». Автор приходит к убеждению, что чины необходимо ликвидировать и пытается это обосновать. Если бы чи-

нов гражданских не было и места в канцеляриях занимались по успехам просвещения, или, по крайней мере, «если бы чины раздаваемы были в точной соразмерности с науками, то каждый по необходимости принужден был бы учиться, чтобы достигнуть или места, или отличий» [там же, с. 331].

Сперанский очень активно убеждал Александра I, ежедневно навещая его, чтобы привести Указ о чинах в действие. В итоге был выработан окончательный текст указа Сенату о новых правилах производства в чины по гражданской службе.

К указу 6 августа 1809 года была приложена и программа предметов испытания для необучавшихся в университетах, по которой требовалось «грамматическое знание русского языка и правильное на нем сочинение, знание, по крайней мере, одного языка иностранного и удобность перелгать с него на русский; основательное знание прав – естественного, римского и частного гражданского, с приложением последнего к русскому законодательству, и сведения в государственной экономике и законах уголовных; основательное знание отечественной истории; история с географией и хронологию; первоначальные основания статистики, особенно русского государства; наконец знание, по крайней мере, начальных оснований математики и общие сведения в главных частях физики» [Корф, с. 179].

Нет сомнения, что оба указа, обязывающие чиновников учиться, не принимая во внимание их родословных и выдвигая преимущество образования на первый план, были справедливы и полезны. Но они создали их составителю целую армию сильных и озлобленных врагов. Их возмущал «безродный попович», который своими указами заставил дворцовых завсегдатаев и многочисленное чиновничество искать новые пути к своей карьере и, конечно, они никогда не могли простить подобных ударов реформатору, которому уже с этих пор начали присваивать определение «опасного уновителя». Даже Н.М. Карамзин не удержался от язвительного

замечания, что «у нас председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойства кислорода и всех газов ..., надзиратель в доме сумасшедших – римское право».

Но критика М.М. Сперанским существующей системы государственных чинов не была голословной. Им были предприняты конкретные действия в этом направлении. Для подготовки и воспитания хорошо образованных людей с обширными познаниями, свободных и любящих свое Отечество, в том же году государю был представлен новый «проект» Сперанского – предварительные правила «Об усовершенствовании общего народного воспитания» для нового учебного заведения – Царскосельского Лицея. Общеизвестно, что знаменитый Царскосельский лицей сыграл выдающуюся роль в истории русского образования и воспитания.

В результате интриг, доносов недоброжелателей и врагов в 1812 году оклеветанный М.М. Сперанский без суда и следствия был отправлен в ссылку (1812-1816). Однако через несколько лет правительство дало ему возможность оправдаться «делами», назначив сначала губернатором в Пензу, а затем генерал-губернатором Сибири.

Во время вынужденного «сидения» в Сибири (как называл Сперанский этот период), деятельность его на ниве просвещения не угасла. В труде «Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год» В. Вагин собрал все сведения, касающиеся этого периода жизнедеятельности ссыльного реформатора (1872). И здесь, вдали от столицы, он не забывал о своей мечте – видеть народ просвещенным, поэтому при всякой возможности посещал учебные заведения, принимая непосредственное участие в школах, находящихся в наиболее «бедном состоянии», «присутствовал на годичных экзаменах в Иркутском и Тобольском отделениях и собрал в Кяхте довольно значительную сумму денег на содержание селенгинского отделения». По личной инициативе М.М. Сперанского в Иркутском

отделении была учреждена первая в Сибири ланкастерская школа. «Ланкастерская метода» явилась совершенно новым образовательным учреждением в России и только что начала вводиться. Эта система взаимного обучения была разработана на рубеже веков как средство преодоления недостатка учителей в Англии Джозефом Ланкастером и Эндрю Беллем. Царь Александр I заинтересовался теориями этих мыслителей, познакомившись с ними во время наполеоновских войн. Еще в 1816 году президент Академии наук С.С. Уваров послал четверых студентов изучать их методы. Суть ее состояла в том, что способные старшие ученики вели у младших простейшие предметы. Для тысячи учеников требовался всего один специально обученный учитель. Этот метод, дешевый, простой и действенный, приобрел популярность сначала в Англии, потом на континенте, а затем и в России.

В Петербурге этими школами занимались декабристы Ф. Глинка, Ф. Толстой, С. Трубецкой, которые объединились в Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения и открывали такие училища с 1818 по 1822 год.

«К счастью, – пишет Сперанский, – со мною была книжка о сей методе, – и все вскипело» [Вагин, с. 139].

По мере ознакомления с Сибирским краем, найдя там бездну нарушений – несправедливость, насилие и поголовную безграмотность, генерал-губернатор прилагал огромные усилия по установлению на сибирской земле любых образовательных заведений, преследуя одну цель – разрушить беспросветную безграмотность и прозябание народа. Его заботы о народном просвещении отражались в созданных им сибирских учреждениях и уставах. «Поставлено было заводить школы не только у казаков и кочевых инородцев, но и в полудикой киргизской степи, только что присоединенной к Сибири» [там же, с. 140]. Хорошо понимая, насколько важны связи России с Востоком, М.М. Сперанский придавал изучению восточных языков первостепенное значение и предлагал восстановить в Иркутске изучение китайского, маньчжурско-

го, монгольского, тибетского и японского языков. В Иркутской гимназии было собрано большое количество книг на этих языках. Благодаря усилиям Сперанского в деле народного образования, Иркутск «пошел наравне со столицами и далеко впереди других городов» [там же, с. 139].

Просветительская деятельность М.М. Сперанского продолжилась и во второй период его жизненного пути, так как жизнь реформатора условно делилась на жизнь до ссылки и после возвращения из нее. Если в первый период своей загруженной государственными делами жизни он находил время для общественно-полезных разработок в области народного образования, то и во второй период, после долгих лет отсутствия, вновь окунулся в работу разных комиссий и комитетов, одновременно сотрудничая с Министерством народного просвещения.

Николай I чрезвычайно заботился о стабильности в стране и понимал, что революции возникают по причинам как политическим, так и социальным, а потому требовал, чтобы российская система просвещения ни в коем случае не подрывала существующего общественного устройства. В связи с этим он возражал против концепции «демократической лестницы» и политики «открытого доступа» в учебные заведения, заложенные в Устав 1803-1804 гг.

Когда «Комитет устройства учебных заведений» взялся за этот вопрос, царь издал рескрипт, где с огорчением говорилось, что крепостные пробились даже в высшие учебные заведения. Противоречие между их высокой образованностью и низким положением должно было создавать у них «неизбежные тягости от их состояния, способные породить и пагубные мечтания или низкие страсти», подразумевая под этими словами революционное сознание. Подобные мысли вполне соответствовали мыслям М.М. Сперанского, высказанным им еще в начале века о том, что прежде чем давать образование крепостному, нужно предварительно освободить его от рабства, ибо ученый человек будет лучше пони-

мать горесть своего угнетенного состояния, о чем еще раньше говорил Дени Дидро: «просвещение дает человеку достоинство, и раб немедленно почувствует, что он не рожден для рабства».

Итак, хотя Николай I видел необходимость в образовании для всех слоев общества, однако, придерживался мнения, что «каждому человеку следовало приобретать лишь познания, наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи, и не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвыситься над тем, в коем по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться» [Виттекер, с. 158].

Опасение революционной крамолы после восстания декабристов определило направление внутреннего развития страны, вызвало озабоченность не только в области политики, но и всей жизни общества. Уже 6 декабря 1826 года Министерство просвещения получило указание кардинально пересмотреть всю систему народного образования. Специально созданный Комитет устройства учебных заведений принялся за дело: «все вредное в преподавании остановить, искоренить и обратить к началам, основанным на чистоте веры, верности и долгу государю и отечеству».

Искоренение революционных идей, насаждение религиозного и верноподданнического мировоззрения, восстановление и укрепление сословного начала в обучении стало первоочередной задачей Министерства просвещения.

Итогом деятельности комитета, просуществовавшего до 1835 года, явились: 1) Устав гимназий и училищ уездных и приходских 1828 года и 2) университетский устав 1835 года. Сохраняя типы учебных заведений, созданных еще в 1804 году, устав 1828 года устанавливал их сословную принадлежность: в приходских училищах предписывалось обучать детей крестьян и мещан, в уездных – детей купцов, в гимназиях – детей дворян. В соответствии с этим определялось содержание и методы обучений, учебные планы. Струк-

тура учебных заведений была разрушена. Учебный курс одноклассных приходских училищ, ориентированный на детей «самых нижних состояний», ограничивался преподаванием закона Божьего, чтения гражданской и церковной печати, письма и четырех правил арифметики. Крепостным было воспрещено поступление в средние и высшие учебные заведения. Уездные училища были определены исключительно для лиц третьего сословия – купцов, зажиточных ремесленников и мещан. Целью обучения в них стала подготовка учащихся к сугубо практической деятельности. По новой программе там преподавали закон Божий, священную историю, русский язык, арифметику, геометрию, географию, историю, чистописание и черчение. Срок обучения стал трехлетним. Теперь уже уездное училище не готовило учащихся к поступлению в гимназию. Преемственность их учебных планов и программ была уничтожена. Основная задача реформ 1828 года разрешалась сословной ориентацией каждой изолированной друг от друга ступени образования.

Гимназии, предназначенные для дворян и чиновников, сохранили преемственную связь с университетами. Они готовили гимназистов к высшему образованию и давали им возможность вступать в жизнь со знаниями, «приличными их состоянию». В гимназии изучались словесность и логика, языки латинский, немецкий и французский, математика, география и статистика, история, физика. В гимназиях, находящихся в университетских городах, вводился греческий язык. Таким образом, гимназии стали классическими. «Классицизм был в это время своеобразной реакцией на идеи, возникшие в период Французской буржуазной революции» [История педагогики, с. 182].

М.М. Сперанский, как зачинатель учебного дела и реформирования образования, был приглашен в новообразованный Комитет устройства учебных заведений по предложению министра народного просвещения А.С. Шишкова (1824-1828). Задача состояла в сличении всех учебных заве-

дений империи, начиная с приходских и кончая университетами для интересов «должного и необходимо единообразия». Два университета – Дерптский и Виленский по языку обучения русскими не считались и определялись другими уставами. Работа этого комитета в силу разных причин продолжалась до 1835 года.

В русских университетах прежние грамоты должны были смениться общим Уставом, строй их жизни – объединиться. Под единообразием понималось однообразие организационной системы и самого процесса преподавания, развитие лишь определенных наук. Предписаны были две меры: кодификация всех распоряжений министерства и на основании ее издание общих уставов для всех учебных заведений. В манифесте от 19 декабря 1825 года говорилось, что образование есть одно из лучших средств против «заразы, извне к нам принесенной, но принесенной не из среды науки». Нужно было общее умиротворение умов, «утишение», науке предстояло стать «хорошим орудием правительства» [Кочубинский, с. 682]. Комитет должен был определить и сочинения, по которым надлежало учить учиться, «воспретить всякие произвольные преподавания учений, по произвольным книгам и тетрадям». Рекомендовалось убрать преподавателей устарелых (с «несвоевременными знаниями»), заменив их новыми, способными, знающими учеными и создать в университетах свежую духовную атмосферу, «притягательная сила которой воздействовала бы на молодые поколения сама собою и воспитывала бы их в уважении перед наукой, перед нравственным авторитетом, имела бы силу над умами, но помимо всякого наказа» [там же, с. 10]. Иначе, по словам С. Уварова, «вся реформа университетов – предприятие тщетное». Нужно было убедить студентов, что правительство делает все возможное по части народного просвещения, что только Россия дает возможность «обогатить ум свой полезными сведениями», безмездно (бесплатно. – *Н.Р.*) и без различия гражданского состояния, и что только в России ус-

пехи в науках, прилежание и добрая нравственность награждаются особыми правами и привилегиями и преимущественно открывают быстрый ход по службе» [там же, с. 24].

Реорганизация университетов страны в интересах серьезного научного преподавания, правильного воздействия науки на общество препоручалась общегосударственным учреждениям. Но была еще одна сторона – это «затхлая жизнь самих русских университетов, которые в своем умственном застое, апатии, дряблости дошли до максимума. Долг правительства был освежить, очистить и поднять развалившиеся храмины науки, влить в них новую духовную атмосферу и утвердить «однообразие» науки, так как наука одна» [там же, с. 683]. Комитет представляли: М. Сперанский, С. Уваров, граф Ламберт, граф Ливен, и другие известные государственные мужи. Время от времени состав комитета менялся.

Сперанский восторженно отзывался о своем «даровитом» ученике Сергее Семеновиче Уварове, называл его «умом первого класса и первым ученым человеком в России из русских». Тем не менее это не мешало Михаилу Михайловичу держать себя в комиссии самостоятельно и быть наставителем «ума первого класса». Он горячо отстаивал свои положения, выдвинутые им против воли С.С. Уварова. Только благодаря его настойчивости, в комитете были утверждены некоторые новшества. Продолжая линию Шишкова после его ухода из комиссии, Сперанский настаивал на открытии кафедры славяноведения – изучения славянства для того, чтобы «вернее проникать в бездну времен минувших». Широкий интерес общественности к славянским народам и деятельности высших учебных заведений в этом вопросе, в частности, обусловили необходимость официального признания славяноведения в качестве университетской дисциплины. Новым уставом в Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском университетах предусматривалось учреждение кафедр истории и литературы славянских наречий. Для подготовки к профессорской деятельности на эти факультеты

привлекали способных молодых ученых, которых направляли в длительные научные командировки. Среди них были профессора-филологи О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, В.И. Григорович, совершившие путешествия по славянским землям. Там они познакомились со многими языками и диалектами, собрали большой фольклорный и этнографический материал, приобрели солидные познания во всех областях славяноведения, упрочили научные и дружественные связи с выдающимися славянскими учеными. «Эти ученые стали основоположниками славяноведения как учебной дисциплины в русских университетах, и своей педагогической и научной деятельностью не только обеспечили подготовку отечественных филологов-славистов, но и внесли существенный вклад в разработку ряда научных проблем филологии и истории славянских народов» [Коломинов, с. 116].

Как известно, все училища в России были подвластны университетам, и против этого решительно выступил М.М. Сперанский. Он убедительно раскритиковал данное положение, утверждая, что «Училищный комитет полагается исключить из Устава. Учебные округа должны быть распределены и зависеть от университетов в одном только отношении – в снабжении их учителями и учебными пособиями». Он перечислил все причины, по которым «распространять действия университетов на училища было бы бесполезно и даже вредно:

«Нигде университеты не управляют училищами. В России они еще менее могут управлять училищами на расстоянии трех, четырех и шести тысяч верст рассеянными.

Известно, в каком положении найдены наши гимназии и университетские училища в 1826 году после долголетнего университетского управления. Опыт сильнее всех умозрений».

Сперанский подчеркивал, что университет – сосредоточие людей, посвятивших себя науке, что они должны непрестанно следовать «за ее движением», они непрестанно долж-

ны углубляться в свои предметы, непрестанно учиться, чтобы учить с пользою. Он вопрошает, какая польза будет обществу, если профессор, оставив свою кафедру, свои лекции и занятия, вдруг превратясь в курьера, поскачет опрометью за тридевять земель для обозрения училищ. «Что он там увидит? Парадный прием, подготовленный экзамен, сытный стол и больше ничего. Что гласят все рапорты сих обозрений? Какие, через сколько лет, принесли они успехи? Что усовершенствовали? Что исправили? Между тем время профессора потеряно, ток мыслей прерван, вместо успокоения, для поддержания мысленных сил его необходимого, он озабочен, истощен, и все сие без малейшей пользы для самого дела» [там же, с. 30]. «Многочисленные заседания в университете, да еще в училищном комитете со всеми его подробностями и мелочами — для чего определяются в наших университетах профессоры? Для науки ли, или для ревизии ведомостей, рапортов и разных канцелярских бумаг? Жалобы на сие суть всеобщие» [там же, с. 30].

Образовать способных учителей — составлять, исправлять, усовершенствовать методы учения, сочинять учебные книги, снабжать ими училища — вот настоящее, единственное дело университета; все прочее, до училищ касающееся, должно быть для него постороннее» [там же, с. 31]. Многоопытный реформатор предлагает: принцип единоличного управления должен быть поставлен на место коллегиального. Надзор должен быть вверен попечителю, прибавить помощников по странству округа.

Президентство сего надзора:

- 1) единство власти и ответственности;
- 2) простота и достоверность управления;
- 3) возможность обозреть большее число училищ, ибо помощники могут обозревать их в разных направлениях, — и летом, и зимою.

Примечания М.М. Сперанского имели решающее влияние на судьбу министерской редакции Устава. С.С. Уваров

был несказанно рад соображениям своего оппонента как редкой находке. Предложение Сперанского освободить университетских профессоров от управления средними и начальными школами и возложить руководство на попечителей округов осуществилось на практике. Это явно пошло на пользу делу, и, как подытожил С.С. Уваров, «Тридцатилетний опыт доказал невыгоду существовавшей прежде системы управления средними и низшими учебными заведениями посредством университетов и невозможность употреблять с пользою наипаче по хозяйственной и административной части гимназий и училищ профессоров. Неудобства такого порядка вещей с давнего времени были ощутительны» [Виттекер, с. 150].

Устав 1835 года передавал все школы в ведение попечителя, отныне пребывавшего в самом округе, позволял ему действовать без посредников и на месте контролировать все дела. Централизация позволила установить единообразие — отличительное качество разработанной комиссией системы. Как одобрительно заметил Т.Н. Грановский, знаменитый профессор Московского университета, «обязанности русского преподавателя, от профессора университета до сельского учителя, были определены со всей возможной отчетливостью». Строгие правила определяли программу и учебники для всех ступеней обучения. Министр просвещения использовал централизацию и инспекцию как для контроля за системой образования, так и для улучшения ее работы. Единственной причиной, не позволяющей должным образом расширить сеть учебных заведений, — была нехватка учителей, они были слишком плохо обучены, чтобы повысить качество преподавания, слишком бедны, чтобы пользоваться хоть каким-то уважением.

Тем не менее на тридцатые годы XIX столетия приходится золотой век университетов, лучший период в истории средней школы, крупные успехи технического образования и естественных наук, рождение востоковедения, изучение ту-

рецкого, арабского, персидского языков, славистики, классической и общей филологии, создание исторических архивов, развитие археологии – поистине общее культурное возрождение.

Возвращаясь на Родину, будущие профессора, образованные «под руководством первых знаменитостей века, напитанные учением основательным, глубоким и современным, знакомые с духом новейшей философии, вносили в русские университеты «совершенно новый элемент» – то представление о цельности знаний, основанной на единой научной методологии, которое и было главным достоинством немецких университетов. И если в первые годы XIX века (в соответствии с реформой) Министерство народного образования ориентировалось на приглашение немецких профессоров для русских высших школ, то преобразования эпохи С.С. Уварова – на воспитание национальных ученых за границей, в той же немецкой университетской среде, которая стала «эталонem представлений о науке XIX века, из которой эти представления перешли на российскую почву». Созданный С.С. Уваровым отечественный тип университета был приспособлен к условиям России и в то же время отвечал определению Гумбольдта быть «вершиной, к которой сходятся все умственные и нравственные усилия нации» [Андреев, с. 53].

Памятным решением Комитета явилось постановление об открытии нового провинциального университета в Киеве – городе, который был «первым свидетелем нашей гражданской самобытности». По воле Николая I решено было назвать новое учебное заведение именем Святого Владимира и тотчас приступить к «начертанию» его Устава. Создание Киевского университета было государственной необходимостью, ибо основанный в 1803 году Виленский учебный округ с центром в Виленском университете (охватывавший все западные губернии) вследствие революционных выступлений в Польше 1830 года был закрыт. Новый университет предпола-

галось сделать центром нравственного и культурного обновления западных губерний. Теперь были образованы новые учебные округа: Киевский, Одесский и Белорусский. Киевский университет Св. Владимира в числе первых своих почетных членов назвал 8 ноября 1835 года М.М. Сперанского и выдал ему диплом почетного члена Киевского университета с сопроводительным письмом попечителя Егора Федоровича фон Бранке.

Факт присвоения этого почетного звания подчеркивал особые заслуги реформатора в открытии факультета права в Киевском университете в 1835 году. Ранее во всех российских высших учебных заведениях было поставлено изучение практического русского права, которое отдавалось в руки русских преподавателей. Единственным представителем европейских ученых в то время на этом факультете числился брат знаменитого поэта – А.Н. Мицкевич. Однако скоро последовал его перевод в Харьков, а Киевскую кафедру значительно усилили, направив туда четверых выпускников школы юриспруденции М.М. Сперанского во главе с талантливым К.А. Неволлиным. В течение пяти лет факультет права в Киевском университете Св. Владимира превратился в один из самых сильных в России, что, естественно, свидетельствовало не только об успехах педагогических усилий Сперанского и торжестве его идей, но и подъеме российского образования еще на одну ступень.

Последний комитет, в котором великий реформатор занимался вопросами образования и председательствовал в нем, был образован 4 февраля 1837 года. В его состав вошли М.М. Сперанский, граф Бенкендорф, министр просвещения С.С. Уваров и министр внутренних дел Д. Блудов «для пересмотра существующих постановлений о приеме в учебные заведения людей несвободного состояния, а также предметов преподавания, как в сих заведениях, так и в принадлежащих партикулярным лицам, в которых воспитываются их крепостные люди» [Рождественский, с. 4].

Существовавшие в России реальные школы были основаны частными людьми и служили для получения знаний в области земледелия, межевания, фабрик, в которых словесные науки составляли не главный, а вспомогательный предмет учения. Частная инициатива проявлялась исключительно в области общего образования. Реальные и технические училища все были казенные и служили практическим ведомственным нуждам. Все эти училища были учтены – данные об училищах и школах были уточнены и подсчитано количество людей, в них обучающихся. По собранным сведениям не нашлось противоречий в том, что «частные учебные заведения должны содействовать видам правительства в распространении просвещения» [там же, с. 9]. В специальных училищах ведомства министерства финансов учились дети самых различных званий и только в Егерском Лисинском училище и Горыгорецкой земледельческой школе некоторая малая часть была из крепостных людей. В горнозаводских школах все 3567 учеников были дети «нижних горных чинов». Как показали подсчеты, крестьян и крепостных людей было мало, так что «ничто не показывало опасности с правительственной точки зрения тенденции выводить образование крепостных из предназначенного ему законом круга элементарного обучения» [там же, с. 13]. Работа эта не внесла ничего нового в улучшение обучения крепостных людей. Многоопытный председатель представил свой «заключительный журнал» об окончании работы от 30 апреля 1837 года.

По-прежнему детям дворянского происхождения были доступны все образовательные учреждения. Дети всех свободных (т.е. не крепостных) могли учиться в училищах низших и средних. Крепостные же могли по закону вступать в одни низшие, в число которых входили приходские, уездные и те частные, в которых степень преподавания словесных наук равнялась низшим. Переход же из нижних в средние и высшие училища вовсе воспрещался (по Указу от 19 августа 1827 года). Что касается училищ реальных, то крепостные

могли учиться в них без всяких ограничений, правда, с дозволения помещика. Заказан был крепостным людям вход в Академию художеств, Технологический институт и в Коммерческие училища. И только тогда, когда отпускались добрым помещиком на волю, крепостные люди имели право свободно переходить из своего сословия в другое.

При подписании журнала Сперанский сообщил комитету о высочайшем повелении «чтобы сверх пансионеров и реальных училищ обращено было внимание на те частные школы, кои, как известно, существуют или вновь учреждаемы быть могут в некоторых помещичьих селениях для обучения собственных крепостных людей и чтоб обучение в сих заведениях проведено и содержимо было в тех же пределах, какие вообще для крепостных людей полагаются. За всем этим должны иметь надзор уездные предводители» [там же, с. 20].

Работа комитета не дала особых законодательных результатов и не внесла каких-либо существенных изменений в дело народного образования и явилась эпизодом охранительной политики Николая I, давшим принципиальное освещение одному из острых вопросов в истории русской школы.

Помимо университетов, лицеев и школ во время правления Александра I и Николая I в стране возникали и более специализированные вузы. Небольшая часть из них носила кастовый характер. Но большинство вузов, особенно технических и естественных, не были ни закрытыми, ни дворянскими, в них допускались разночинцы. Стране нужны были руководящие кадры, и если речь шла о руководящих кадрах, то такие вузы почти полностью укомплектовывались студентами из дворянских семей. Если же требовались практики, то там была большая сословная свобода. Так, открытый в 1809 году в Петербурге Институт корпуса инженеров путей сообщения, военизированный с самого начала, был дворянский. Петербургский технологический институт (1831) вообще состоял из детей мещан и купцов. Из них готовили

практикантов, и в полном названии института так и значилось: практический.

Самая же важная часть школьной реформы начала XIX века – устройство приходских училищ была осуществлена наименее удовлетворительно. Приходские школы содержались за счет благотворительности, в то время как содержание гимназий и университетов обеспечивалось государством.

«Власть прибегала к нравственному влиянию, к убеждениям, к советам, старалась возбудить к поддержанию в молодых людях чувства чести, и студенты первого времени были лучше и чище, чем тогда, когда под влиянием реакции стали вводиться в университеты репрессивные меры магничных, руничей и др.» [Булич, с. 56].

Просвещение в России в начале XIX века было положено в основание всех предполагаемых реформ. Ни одно время в истории государства Российского не было так увлечено идеями Просвещения, как в указанный период. Правительство обратило свои заботы и на другие образовательные учреждения: Российскую академию, Вольное экономическое общество, Хирургическую академию, Академию наук и Академию художеств. Их уставы были расширены, штаты увеличены, наука призывалась к новой жизни с целью «двинуть мысль, чтобы она помогала общественному развитию, а для этого надо было освободить ее от разных произвольных и стеснительных мер».

В конце тридцатых годов наступил долгожданный расцвет культуры и науки. Русские писатели, драматурги, живописцы, театральные деятели, музыканты, математики, литературные критики внесли свой самобытный национальный вклад в русскую и мировую культуру. Расширился круг образованной публики, появились новые научные общества, театры, издательства и учебные заведения всех уровней, читались публичные лекции. К заслуге Сперанского отнесено его участие в образовании Профессорского института при

Дерптском университете. Участники комитета единодушно признали необходимость улучшить качество университетского преподавания и увеличить число отечественной профессуры. Он просуществовал до 1838 года, поскольку министр образования С.С. Уваров не без гордости за державу объявил о том, что российские обновленные и преобразованные университеты уже сами справляются с подготовкой отечественных преподавателей и располагают «самостоятельным ученым сословием» [Виттекер, с. 184].

Деятельность Министерства народного просвещения по созданию новой системы образования встретила горячую поддержку русского общества. Частные лица и дворяне жертвовали значительные деньги на открытие новых школ. В Одессе герцог Ришелье открыл Ришельевский лицей, но особенно «много шуму наделало» пожертвование богача Демидова и деньгами, и именем, и библиотекою, и кабинетами для Московского университета и для основания высшего училища, получившего название Демидовского лицея. «Демидов признавался П.В. Завадовскому, что к пожертвованию его возбудили «Предварительные правила народного просвещения» [Булич, с. 54]. Следует еще раз напомнить, что одним из авторов-составителей этого документа явился просветитель-публицист Михайло Сперанский.

§ 5. Взгляды М.М. Сперанского на законность и юридическое образование как главные задачи в деятельности педагога-правоведа

Как талантливый публицист и одаренный человек, Михаил Михайлович Сперанский имел высокие идеалы и ставил задачей своей государственной деятельности их осуществление. Главнейшим среди них являлся идеал законности. Он был привержен к нему всю жизнь – на всех этапах своей долгой и многогранной деятельности. Сперанский понимал шаткость положения человека в обществе, который зависел ис-

ключительно от воли монарха, поэтому отводил юридическому образованию большую роль и работал над вопросами права и законности не только как чиновник, но и как истинный гражданин Отечества. «Главной целью Сперанского было поставить законность на первом месте, ввести в русскую жизнь то начало, на отсутствие которого так долго и бесполезно жаловалось поголовно все население империи. Для достижения этой цели надлежало дать России свод действующих прав и затем ввести такой порядок, при котором господство закона было не фикцией, но действительностью» [Середонин, с. 198].

Свою профессиональную деятельность как законовед и чиновник Министерства внутренних дел М.М. Сперанский начал с 1802 года. В течение пяти лет он весьма плодотворно и успешно работал в этом министерстве, совмещая свою работу в области права с деятельностью, связанной с реформированием российского образования. Эти годы (1802-1807) в жизни молодого чиновника были началом взлета его необыкновенной карьеры. «Здесь, – как писал В.Е. Якушкин, – Сперанский показал силу своего творческого ума, внес в действия министерства жизнь, одушевление, инициативу» [Якушкин, с. 14]. Он проводил за рабочим столом по 16 часов в сутки, поскольку им выполнялась наиболее сложная и ответственная работа: составлялись указы, положения и правила по министерству, распоряжения и циркуляры для нижестоящих инстанций, годовые отчеты министра, его доклады императору, собирались многочисленные статистические данные о состоянии в стране полиции, местного управления, продовольственного дела и медицинской части, статистика по вопросам государственного хозяйства и благоустройства городов.

При всех превратностях нелегкой судьбы просветителя и правоведа идеи его были неизменны: он требовал ввести в социальную и политическую жизнь России принципы законности и утверждал положение о правовом государстве, при-

званном заменить единоличную власть человека господством закона, гарантирующим права каждой личности, независимо от ее сословного положения. М.М. Сперанский считал, что социальный порядок возникает лишь тогда, когда индивиды добровольно признают свою свободу и моральные права. Отсюда следует, что права и свобода являются важнейшим условием существования любого общества. А пока характеристику современному ему обществу он давал очень резкую: этот строй основан на зависимости крестьян от помещиков, а дворян – от государя. «Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов» – констатировал Сперанский [Сперанский, 1961, с. 43].

В первые же годы государственной деятельности М.М. Сперанского проявилось его понимание необходимости приведения Уложения в надлежащее состояние, потому что так называемый закон неписаный, или закон обычая приемлется во многих случаях единым средством к решению. И то, что называется судом на Руси... «есть уродливое произведение подъяческих умов, сотворенное для питания ябеды и зла, бесконечности всех тяжб» – писал он в 1802 году в «Отрывке о комиссии Уложения». Автор предчувствует, что многие положения, им разработанные, могут быть отвергнуты, как-то: «об отношении крестьян к помещикам, т.е. части империи к горсти людей, захвативших бог знает почему и для чего все права и преимущества. Сии предметы относятся более к Конституции, нежели к Уложению, хотя нельзя будет пропустить их и в Уложение». Размышляя о Комиссии составления законов, М.М. Сперанский видит в числе исполнителей тех людей, которые «основательным» предварительным обучением были бы в состоянии проделать эту работу. Он возмущается, «что в частях простых и малозначащих требуют с большою точностью совершенства, нежели в науке законодательства. Как будто законоведение не составляет

само собой особой и обширной науки – одной из труднейших частей истинной философии». Исполнителями будущих правовых актов он видит «отвязанных от предрассудков, исполненных великих и даже смелых мыслей и теплоты душевной...» русских законодателей.

Подводя итог своим рассуждениям о необходимости участия правительства в обучении достойных юношей за границей, просветитель-публицист предлагает отправить в Англию, Францию и Берлин по одному человеку, «объяснив вместо наставлений – только одно, о предназначении их и чего Отечество от них ожидает» [Сперанский, 1961, с. 17-27].

Размышления, относящиеся к 1802 году, о необходимости юридического образования среди отечественных молодых людей и создании прочной юридической базы в судах, будут развиваться, укрепляться в течение долгих лет, т.е. до тех пор пока не наступит пора триумфа идей и замыслов молодого чиновника Министерства внутренних дел и не станет явью в тридцатые годы XIX столетия.

В записках 1802-1803 годов политик-правовед утверждал, что государственный строй в России должен быть изменен, деспотия должна смениться истинной монархией. Народ начинает сознавать противоположность своих интересов интересам правительства, и это осознание приводит к тому, что народ начинает выходить из пассивного состояния и превращается в активную силу, опасную для государства.

Установление конституционного государства, в котором верховная власть подчинена закону, выработка конституции с участием представителей народа, изменение существующего аграрно-крестьянского законодательства, распространение просвещения и образования – все это, по мнению Сперанского, превратит Россию в истинную монархию. Ссылаясь на то, что «никакое европейское государство, в связи с другими стоящее, не может долгое время быть деспотическим», М.М. Сперанский ставил задачу установления российского престола «на твердых столпах закона и общего по-

рядка». Гарантиями незыблемости законов в монархическом государстве он называл также свободу печати, гласности государственных дел и силу общественного мнения.

Просветитель-реформатор утверждал, что политический строй, как бы он ни подходил для одной эпохи и в одних условиях, становится в позднейшую эпоху и при других условиях ненужным. Вместо пользы он приносит вред, вместо содействия прогрессу углубляет реакцию. Крепостничество больше не соответствовало интересам государства, но сохранялось для выгоды дворянства. Тем не менее М.М. Сперанский отчетливо понимал, «что все царства земные идут к совершенству временем и постепенностью», что переделать всё за год и два невозможно. Как природа постепенно готовит себя к пробуждению после зимы, так никакая человеческая сила не может превратить деспотию в монархию, не призвав в содействие время и «постепенное всех вещей движение к совершенству». Для этого нужно было совершенствовать самосознание народа, прилагать долговременные усилия по развитию просвещения, ввести массы людей в курс юридических знаний и потрудиться немало, чтобы все это осуществить.

Работая над реформой народного просвещения, М.М. Сперанский особое внимание уделял юридическому образованию и моральному воспитанию подрастающего поколения. В записке «Об усовершенствовании общего народного воспитания» реформатор с сожалением говорил о том, что учение в России никогда не являлось необходимым для поступления на службу, в то время как в европейских странах полнотой сохраняется условие, что «никто не может быть ни судьей, ни адвокатом, ни прокурором без аттестата и испытания известных учебных мест» [Сперанский, 2002, с. 329]. Реформатор-аналитик подчеркивал, что в России чины гражданские введены были в те времена, когда «в грубых нравах века не было другого способа дать людям, занимающим гражданские должности, некоторое уважение и отличие от чер-

ни, как сравнив с чинами военными». Чтобы произвести в стране коренные изменения и преобразования, нужны умные, знающие, образованные люди, которые разбирались бы во всех тонкостях производимых преобразований и новых законов. Именно поэтому всегда и везде – в Петербурге, Пензе или Сибири – М.М. Сперанский старался приблизить к себе наиболее подающих надежды молодых людей, свои знания и опыт преподавателя он передавал молодому поколению, и даже, уезжая из Пензы в сибирскую «командировку» в должности генерал-губернатора края, взял с собой несколько одаренных своих помощников, руководствуясь не их чинами, а познаниями и трудолюбием, поскольку предстояла большая юридическая работа.

На нового губернатора возлагались ответственные задачи: покончить с безвластием и злоупотреблениями, создать новую систему управления обширнейшим краем. У него были полномочия самолично отрешать любого начальника от должности, предавать виновных суду. При этом он ничем не ограничивался в проведении необходимых мер и реформ. Ознакомившись с жалобами, увидев на местах полное беззаконие и произвол, Сперанский пришел к убеждению, что это зло можно исправить путем проведения радикальных преобразований, с полной сменой чиновников. Сложность заключалась в том, что ему в короткий срок приходилось одновременно проводить ревизию обширного края и управлять им, собирать материалы для разработки уставов о местном управлении и писать эти уставы. И здесь во всем блеске проявились его аналитические способности и безграничная трудоспособность. Объем сделанного во время его сибирского «служения» потрясает воображение.

Первым делом он создал личную канцелярию из честных и преданных людей. Затем приступил к ревизии местного управления и непосредственному изучению края путем инспекционных поездок по Иркутской и Якутской областям, по Забайкалью, обозрел Нерчинский горный округ, посещал

стоянки кочевых народов, приглашал на беседы вождей племен, интересовался жизнью и бытом населения, проводил своеобразное интервью с целью правильной оценки увиденного и его логического анализа. Новый генерал-губернатор хотел по возможности все видеть, во всем удостовериться лично, постоянно передвигаясь и вникая во все на месте, а не изучать жалобы на основании донесений. А.Н. Фатеев сравнивает Сперанского с английским окружным судьей. «Согласно средневековому обычному праву, приезжая на места, он не уезжал, пока не останется без удовлетворения последняя жалоба». Он должен был изучать край для «его полезнейшего устройства». У кочующего губернатора создавалась привычка уничтожать даже и признак расстояний («мы теперь говорим о тысяче верст, как о прогулке»). Он забирался в такие места, где нога чиновника даже меньшего ранга не ступала ранее. «Я буду первым начальником, который посетил Нерчинск. Хотя первенство сие не возбуждает моего честолюбия, но возбуждает надежду, что путешествие сие будет полезно и утешительно обывателям того края. Кто знает, какой плод принесет со временем семя, брошенное на сию землю? – размышлял М. Сперанский, разъезжая по необъятной территории, в два с половиной раза превышающей всю Европейскую Россию [Фатеев, 1942, с. 331]. Ревизию проводил «без мер особенно крутых, но однако же и без послабления», выявлял казнокрадов и взяточников, которых предавал суду, возвращая взятки. Выявленная им сумма взяток и уворованных денег составила 3 миллиона рублей» [Российские реформаторы ..., с. 62]. Для расследования деяний сибирских чиновников были образованы три следственных комиссии, по которым проходило 680 обвиняемых.

За короткий срок был разработан и проведен ряд мер, направленных на то, чтобы в экономическом и культурном развитии Сибирь приблизилась к уровню европейской России. Эту задачу реформа Сперанского разрешила вполне. Только работая над повышением русского государственного

и гражданского развития и порядка вообще, можно было достигнуть и дальнейшего развития сибирского края и повышения сибирского сознания людей. Реформатор хорошо понимал огромное значение Сибири для экономики России в целом. Он учредил Главное управление торговли в Сибири, создал сибирскую Казенную палату для решения земельных и финансовых вопросов. Личное общение с промышленниками, торговцами, крестьянами-землевладельцами дало ему материал для принятия мер к поощрению своего помощника Батенькова — будущего декабриста. В это время проводились изыскания обширных сибирских пространств для проведения новых дорог. Он даже надеялся на включение Русской Америки (Аляски) в экономическую орбиту Сибири. С этой целью Сперанский активно поддерживал Российско-американскую торговую компанию.

Приверженец просвещения, генерал-губернатор и здесь не отошел от этой темы: просвещение в Сибири находилось в зачаточном состоянии. Как уже говорилось, им были основаны школы «ланкастерского типа» (по методу взаимного обучения); к делу просвещения привлек М. Сперанский давнего своего друга по Петербургу Петра Словцова, сделав его инспектором училищ. Впоследствии дело образования в Сибири продолжили декабристы.

Были введены строгие ограничения на привлечение коренного населения к отбыванию натуральных повинностей (особенно тяжких), учреждены местные ярмарки, чтобы ограждать торговавших от купцов-монополистов. От притеснения чиновников при сборе налогов был введен также новый порядок: старейшины родов налоги и подати вносили непосредственно в ближайшую казенную управу, при этом устанавливалась система контроля за обложением и взиманием налогов.

Итогом явилась серия подготовленных законодательных актов, определивших новое административное устройство и управление Сибирью, судопроизводство и характер от-

бывания повинностей населением, социальный статус различных его категорий (крестьян, казаков, ссыльных, коренных народов). Эти акты составили «Уложение для управления Сибирью», которое действовало с небольшими изменениями вплоть до начала XX века. По этим уставам местное управление должно было действовать гласно, подконтрольно и в строгих рамках закона. Была разработана новая структура всех звеньев администрации с четким разделением их функций. Гарантировалась свобода вероисповедания как для коренного населения, так и для старообрядцев, запрещалась насильственная христианизация населения, провозглашалась свобода торговли и промыслов. Государство обязалось снабжать охотничье-промысловое население по доступным ценам необходимыми товарами. Гарантировались земельные владения коренного населения. Оно по статусу приравнивалось к русским государственным крестьянам, объединялось в общины и волости, которым передавалась земля в «вечное пользование».

После организации административного аппарата Сибири на второе место по важности надо поставить в заслугу Сперанскому его заботы о полном преобразовании ссыльно-поселенческого дела. «Написанные им уставы о ссыльных и об этапных пунктах составляют эру в истории русского уголовного права» — пишет профессор А. Фатеев. До того времени все люди, ссылаемые в Сибирь, при переходе через ее границу становились в административную крепостную зависимость от этапных смотрителей и тюремного начальства. М.М. Сперанский создал этим людям возможность законного человеческого существования, насколько это позволяли постановления судов. Но главное — он вернул гражданские права огромному количеству людей, потерявших их на основании старого обычая о семейной ответственности за преступления. До принятия уставов жены и дети, ссылаемые вместе с осужденными, считались также ссыльными, с вытекающими отсюда юридическими последствиями ограничения их

свободы. Реформатор предоставил им право приписки к свободным сословиям.

Позже, после суда над декабристами, в манифесте от 13 июля 1826 года Сперанский вновь отстаивает невиновность близких и родных мятежников: «Во все продолжение сего дела, сострадав прискорбным их чувствам, мы вменяем себе долгом удостоверять их, что в глазах наших союз родства предаст потомству славу деяний, предками стяжанную, но не омрачает бесчестьем за личные пороки или преступления. Да не дерзнет никто вменять их по родству кому-либо в укоризну: сие запрещает закон гражданский и более еще претит закон христианский» [Восстание..., 1980, с. 253].

Помимо Уложения для управления Сибирью (или Сибирское учреждение 1822 года) в дополнение к ним был составлен и ряд других документов, способствовавших хозяйственно-экономическому развитию Сибири: «О мореходстве вдоль берегов Восточной Сибири и Северной Америки», «Правила для соляного управления в трех сибирских губерниях», «Правила для переселения казенных крестьян по их желанию в Сибирь», «Об устройении переселенцев на местах их поселения». Все эти уставы, положения и правила сопровождались подробными объяснительными записками с приложением статистических таблиц.

Сперанский собрал и систематизировал материал по обычному праву народов Сибири и Казахстана. Для составления свода им созывались родовые и племенные собрания, по его заданию проводился опрос среди почитаемых лиц. Предполагалось, что это может послужить руководством для русских чиновников, отправляемых на работу в Сибирь. Часть собранного материала вошла в изданный после его смерти «Свод степных законов» (1841). Этим документом пользовались вплоть до 1917 года, хотя он формально и не утверждался в качестве юридико-правового документа.

Обычно скромный в оценках содеянного, генерал-губернатор был доволен проделанной работой и склонен

оценивать свою сибирскую деятельность весьма высоко: «Если не много я здесь сделал, по крайней мере, много осушил слез, утишил негодований, пресек вопиющих насилий и, что, может быть, еще и того важнее, открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Один Ермак может спорить со мною в сей части». [Томсинов, с. 261].

Именно здесь, в Сибири, понял он с предельной отчетливостью то, о чем прежде мог из-за отсутствия опыта практической деятельности лишь догадываться, понял тщетность всяких попыток сколь-нибудь быстрого коренного преобразования существующих общественных порядков, ощутил, насколько глубоко прорастают в народную жизнь и быт деспотизм управления и произвол чиновничества.

Русские законы, как отметил проф. С.И. Баршев, в Российской империи «скрывались в архивах и камерах и отчасти в частных сборниках, и они не заслуживали никакого доверия по отсутствию всякой системы и неполноте содержания». Последним универсальным систематизированным сборником, охватывающем почти все отрасли русского права, было Соборное уложение 1649 года. В XVIII веке неоднократно предпринимались попытки создать новое Уложение, однако они не привели к успеху. «К началу XIX века неразбериха в законодательстве дошла до предела. Она была одной из причин беспорядков и злоупотреблений в судах» [История..., с. 323].

Осознав, что сохранение анархии в законодательстве империи не будет способствовать сохранению порядка в управлении страной и укреплению неограниченной власти монарха, император Николай I предпринял энергичные меры по приведению массы разрозненных указов его предшественников на троне в стройную систему. И опять на «арену» вышел Михаил Сперанский, совершивший «главный подвиг жизни» – составление «Свода законов Российской империи». Созданием «Свода» был завершен труд почти полутора веков русской истории, увенчаны многочисленные попытки систе-

матизировать российское законодательство, регулярно принимавшиеся со времени Петра I. К этому моменту объем законодательства в России возрос настолько, что нормальное производство дел в судах сделалось практически невозможным. Крайне трудно было разобраться и с точностью определить, как должно решить дело, какой вынести приговор.

31 января 1826 года было учреждено Второе отделение в составе Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, на которое возлагалась задача «успешного совершения» систематизации российского законодательства. Начальником отделения был назначен М.А. Балугьянский, управление же отделением поручено Михаилу Сперанскому. Управляющему отделением удалось создать в коллективе редкий дух доброжелательности, взаимопонимания, обходительности. Умелый организатор, наделенный педагогическим талантом и большим человеческим обаянием, сочетал в себе все необходимые качества вдохновителя работ. Требовательность к исполнению своих обязанностей к сотрудникам сочеталась в нем и заботой о людях. Никто не умел так искусно испрашивать для своих подчиненных вознаграждения и чинов, как он. Работа в отделении сопровождалась обязательным ростом уровня знаний. Любые инициативы поощрялись. Благодаря умению разбираться в людях и их характерах, организовать работу и распределить все обязанности, последовали весьма ощутимые результаты. В отделении работали выпускники Царскосельского Лицея и Московского университета: А.П. Куницын, К.И. Арсеньев, Д.Н. Замятин, А.Д. Илличевский.

В Канцелярии второго отделения старшим чиновником трудился Модест Корф – также выпускник Царскосельского Лицея. Корф привлек внимание начальника М.М. Сперанского своей наблюдательностью и вниманием, поэтому он пользовался особым расположением патрона. Корф многое перенял от него в деле организации и системы работ. В процессе сотрудничества старший чиновник выработал свой вырази-

тельный язык, впрочем он не мог говорить иначе, имея перед собой образец непревзойденного мастера речи – своего начальника. Превосходное образование и личные качества позволили Корфу быстро овладеть всеми особенностями работы, за что «скупой на похвалы Сперанский говорил о нем как о лучшем работнике» [Руденская, 1976, с. 245].

Только благодаря деятельности Корфа М.А., мы смогли ознакомиться с наиболее полной биографией М. Сперанского. Монография «Жизнь графа Сперанского», изданная в 1861 году, дала возможность лучше узнать жизнь и деятельность этого замечательного человека как его современникам, так и всем последующим поколениям, включая и наше, живущее в XXI веке.

Как всегда, Сперанский в своей работе руководствовался стремлением выполнить исключительно нужное для России дело. На основании подробного плана все работы по кодификации права распадалось на три части. Прежде всего надо было составить «Полное собрание законов» и «Свода законов» и, наконец, Уложение. Характерно, что император, признав необходимым составление «Полного собрания законов» и «Свода законов» действующих, отверг идею Сперанского о составлении Уложения, потому что эта мысль казалась слишком отвлекающей, слишком теоретической, «которую невозможно было осуществить без серьезного потрясения существовавшего тогда правового порядка» [Майков, с. 9]. Государь дал установку ничего не менять в праве, лишь привести в порядок существующие нормы, за чем следил лично. Полное собрание законов (ПСЗ) включало в себя все нормативные акты Соборного уложения до начала царствования Николая I, расположенные в хронологическом порядке. Таких актов собралось свыше 50 тысяч, составивших 45 толстых томов.

После издания Полного собрания законов М.М. Сперанский приступил ко второму этапу работы – созданию Свода законов Российской империи. При его составлении

исключались недействующие нормы, устранялись противоречия, проводилась редакционная обработка текста. Сперанский позволял себе редактировать публикуемые законы. Конечно, существо их не изменялось, но форма в определенной мере менялась. Прежде всего акты давались в орфографии XIX века. Отбрасывались элементы законов, которые правовед считал, видимо, несущественными. Работа была проделана колоссальная, имеющая громадное историческое значение.

При создании Свода законов М.М. Сперанский исходил из того, что «Свод есть верное изображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование» [История..., с. 325]. В Своде законов весь материал был расположен по особой системе, разработанной самим Сперанским. Если ПСЗ строилось по хронологическому принципу, то Свод – уже по отраслевому. В основу структуры Свода было положено деление права на публичное и частное, идущее от западноевропейских буржуазных концепций, восходящих к римскому праву. Он только называл эти две группы законов государственными и гражданскими. Работая над Сводом законов, М. Сперанский изучил лучшие образцы западной кодификации – римский, французский, прусский, австрийский кодексы, но не скопировал их, а создал собственную оригинальную систему.

Свод был издан в XV томах, объединенных в восьми книгах.

Планируя создание Уложения, Сперанский не мог и не собирался колебать устои феодализма. Он руководствовался желанием привести законодательство в соответствие с требованиями жизни. Но идеи автора не нашли поддержки.

Так в первой половине XIX века была оформлена система российского права, дожившая в своей основе до последних дней Российской империи.

Осуществленная М.М. Сперанским систематизация законодательства способствовала еще большему укреплению

власти самодержца-императора, но она содержала в себе и предпосылку свободы; не будь «Свода», немыслима была бы судебная реформа 1864 года, немыслимо было бы дальнейшее развитие юриспруденции и права.

За этот гигантский труд весь коллектив участников получил чины и награды; сам руководитель-кодификатор был отмечен орденом Святого Андрея и денежным вознаграждением. Самым же торжественным и незабываемым моментом в жизни просветителя и реформатора стал день 19 января 1833 года. На специальном заседании Государственного совета лучшим выражением благодарности императора Николая I стал поступок его величества, когда в присутствии всех членов Совета, он снял с себя Андреевскую звезду и надел на М.М. Сперанского, горячо при этом его обняв. Эта сцена воспроизведена барельефом на памятнике императору Николаю I на площади Декабристов в Санкт-Петербурге. В первый день нового 1838 года Николай I пожаловал Михаилу Михайловичу Сперанскому графское достоинство.

При составлении «Полного собрания законов» и «Свода законов», по словам барона Корфа, «у него (Сперанского) была еще и другая, более отдаленная цель, именно через извлечение наших законов из прежнего хаоса и через большую доступность их перевоспитать умы, ввести народ в юридическую среду, расширить его понятия о праве и законности, и, таким образом, усилить его восприимчивость к высшему кругу идей и к большему участию в мерах, для него самого предпринимаемых» [Южаков, с. 403]. Анализируя состояние юридического образования в России и сопоставляя его с положением в Европе, Сперанский указывал, что в Европе в основу юридического образования положено изучение римского права, и это правильно, поскольку действующее законодательство основано там на этом праве. В тех странах, где приняты новые уложения, наряду с изучением римского права студенты учатся и по новым уложениям. В России «усердием ученых неоднократно были составлены опыты начер-

таний так называемого российского права, — усилия, достойные похвал и одобрений, но для успеха самого законоведения малополезные. Как начертить учебную систему законов, не зная с достоверностью самих законов во всей их совокупности? Сему недостатку желали пособить введением в высших училищах наших права римского. Но законы римские всегда будут для нас законы чуждые..., учение их у нас должно быть учением только вспомогательным, а не главным: их система должна быть приспособлена к нашей, а не наша к ним» [Обозрение исторических сведений..., с. 102]. Только после издания Свода «можно будет помышлять об учебных и ученых книгах и твердом образовании нашего юношества в отечественных законах» [там же, с. 102].

Вот почему был так настойчив М.М. Сперанский в своих обращениях к Государю по поводу организации в стране подготовки юристов и ученых, способных обучать правоведению на основе русского права. Поскольку в связи с образованием второго отделения Канцелярии работа по сбору и приведению в порядок многочисленных документов уже развернулась полным ходом. Сперанский особенно настаивал на том, что следует основательно заняться подготовкой квалифицированных специалистов. Это нужно было сделать еще и потому, что в университетах серьезно заниматься изучением русского права было невозможно из-за отсутствия учебников и по «недостатку учителей» [Солодкин, с. 149]. Добиваясь этого, он при всякой удобной возможности напоминал об этом насущном вопросе и принимал всяческое участие в организации юридического образования. Самым сложным вопросом в налаживании юридического образования считалось отсутствие преподавателей. Сперанский предложил «снабдить каждый университет двумя или хотя бы одним русским профессором права, приуготовленным исключительно для сей части» [там же, с. 149]. Для изучения юридических наук важным моментом являлось знание латинского языка, поэтому Сперанский предложил взять из Московской и Петер-

бургской духовных академий по три студента, разумеется, «по дарованиям и поведению лучших», направить их на учебу в университеты за казенный счет. Во-первых, обучение должно было проводиться по особому плану — слушать только два курса: римское право у профессора Шлицера, а латинскую словесность (приспособленную к юридическим наукам) у профессора Грефе, с ежедневными частными лекциями. Во-вторых, ежедневно посещать лекции во II отделении, где следовало проходить специальные занятия по 1) публичному русскому праву у Плисова и 2) гражданскому русскому праву у Куницына. Кроме того, студенты обязывались читать лучшие юридические сочинения и писать подробные отчеты о прочитанном под руководством профессора Балугьянского. Практические занятия состояли в чтении подготовленных в отделении Сводов. Под присмотром Куницына составлялись систематические алфавиты к книгам Полного собрания законов, а под началом Корфа и Клокова изучались старые дела, решенные в Сенате, к которым прилагались подробные записки.

К составлению Свода законов руководитель работ собственноручно написал для каждого чиновника предварительное обозрение и главные подразделения вверенных ему частей. Сохранились законченные «мини-трактаты» М.М. Сперанского «Об охранении», «К праву вообще», «К праву яко способности», «О праве личном», «О системе законов вообще», «О системе законов собственности», «О собственности», «О законах гражданских». После составления «Трактатов» этот поистине неутомимый человек продолжал преподавательскую деятельность во втором отделении Канцелярии, читал лекции и проводил семинары. Так, в 1828-1829 годах у Сперанского, Куницына, Плисова обучался молодой, а в будущем выдающийся правовед К.А. Неволин, автор «Энциклопедии законоведения» — первого в России оригинального труда по философии права и истории философии права. Позднее он с группой товарищей был отправлен в Берлин-

ский университет, где слушал лекции у Гегеля и Савиньи*. М.М. Сперанский специально приезжал в Берлин для бесед с Савиньи об учебе русских юристов и писал в 1831 году во «Всеподданейшем докладе» о необходимости продолжить эту практику. Среди тех, кто прошел эту подготовку, следует назвать выдающихся правоведов – профессоров К.А. Неволина, П.Г. Редкина, Ф.В. Кранихфельда, братьев С.И. и Я.И. Баршевых.

Среди сотрудников трудился «кандидат прав» И.Д. Делянов, будущий министр просвещения в правительстве Александра III. По мере приближения к окончанию работ, Сперанский понял, что перед ним лежит нравственная обязанность дать России не только Свод законов, но и преподавателей, которые могли бы растолковать эти сокровища подрастающему поколению...

Выполнение задуманного плана предполагало возможность за три года подготовить студентов к преподавательской деятельности и тем самым положить «твердое начало юридическому образованию в России» [там же, с. 150]. Естественно, предложения Сперанского были приняты, и министр просвещения адмирал Шишков сообщил, что в Петербургском университете все готово для приема студентов-кандидатов правоведения. По указанию Сперанского главным управляющим II отделением Балугьянский 14 марта 1828 года составил объявление «Об открытии курсов для студентов-кандидатов правоведения», несколько планов преподавания и распределения предметов по годам, а также «сетку учебных часов». Курс был рассчитан на 3 года. Летом 1829 года, после того как группа из шести человек закончила первый курс обучения, специальная комиссия под председательством М.М. Сперанского провела экзамены. Результаты были

* Савиньи Фридрих Карл – немецкий юрист, основоположник исторической школы права, министр юстиции в Пруссии и ректор Берлинского университета.

настолько успешными, что все сдавшие экзамены были отправлены для дальнейшего усовершенствования в Берлин к знаменитому Савиньи с сопроводительным письмом, в котором Михаил Михайлович излагал причины посылки студентов и составленный им план занятий. На место студентов, отправленных на обучение в Германию, прибыли новые, из тех же учебных заведений. После курса наук в Петербургском университете и во II отделении они также были посланы в Берлин. Первая группа студентов возвратилась в Россию в 1832 году, другие вернулись в 1834 году. Балугьянский просил разрешения на организацию для этих лиц экзамена на звание доктора прав при Петербургском университете. Такое разрешение последовало, причем составление правил для испытаний было поручено Сперанскому.

Особого внимания заслуживает деятельность профессора-правоведа Михаила Андреевича Балугьянского (1769-1847) – первого ректора Петербургского университета. Необходимо отдать должное его огромному вкладу в развитие русской политической науки и кодификацию законов. Выходец из Закарпатской Украины, крупный ученый в области политических наук и энциклопедии прав, он во многом способствовал формированию общественно-политических воззрений таких профессоров, как А.П. Куницын, К.И. Арсеньев, М.Г. Плисов, К.А. Неволин и многих других. Ближайший сотрудник М.М. Сперанского, автор многочисленных проектов по крестьянскому вопросу, в области финансов, управления губерний и столичных городов, кодификации законов, М.А. Балугьянский успешно сочетал обширную и разностороннюю практику ученого чиновника с научно-педагогической деятельностью в Главном педагогическом институте и в Университете.

Сотрудничество Сперанского с Балугьянским начавшееся еще в начале века в Комиссии по составлению законов, в которую он был определен редактором государственного хозяйства и финансов, было весьма плодотворным и

тесным. Это были единомышленники во многих вопросах: политических, экономических, финансовых и т.д. Историк В.И. Семевский и биограф Сперанского С.М. Середонин единодушно утверждают, что общность их интересов взаимно дополняли друг друга, и что Балугьянский во многом мог быть полезен Сперанскому «своими научными знаниями и личными наблюдениями» [Косачевская, с. 212]. Сперанский очень ценил Балугьянского как человека и ученого, о чем свидетельствует его письмо графу В.П. Кочубею в 1809 году: «Очень рад, что Вам понравились идеи Балугьянского. Это весьма хорошая голова, которую всегда можно употреблять с пользой для кабинетной работы первообразной» [там же, с. 212].

Особенно велика и значительна была деятельность М.А. Балугьянского в качестве начальника II отделения, где совместно с М.М. Сперанским с апреля 1826 года была началась их кодификационная деятельность. Нет сомнения в том, что Сперанскому в большинстве случаев принадлежит приоритет в выдвижении идей, которые он излагал Балугьянскому, после чего последний, используя свою эрудицию ученого, обосновывал ее с точки зрения экономической, юридической и т.д. Они вместе подбирали штат ученых-исполнителей, распределяли работу между ответственными чиновниками – редакторами. Под непосредственным руководством Балугьянского собирались и подготавливались все материалы; составлялись проекты, планы издания законов; он добивался открытия архивов и доступа к ним редакторов для отыскания подлинников и реестров законов; он хлопотал об оплате писцов, об открытии архива секретной экспедиции, доступ к которой был возможен лишь с высочайшего повеления. «В высшие правительственные инстанции Балугьянский обращался через Сперанского, так как доклады царю по II отделению делал только Сперанский» [Майков, с. 269-270]. Балугьянский был искренне предан работе и самому Сперанскому, который, в свою очередь, очень уважал своего со-

трудника. Балугьянский «ничего не предпринимал, не говорил и не посовещавшись предварительно со Сперанским», в то же время «Сперанский не делал никаких распоряжений, не объяснившись предварительно с Балугьянским». М. Корф, работавший в том же отделении, подтверждает, что «Сперанский очень дорожил Балугьянским, так как он являлся источником познаний действительно энциклопедических, сохранив на службе привычки ученого, чуждого всякого искусства блеснуть своими произведениями» [Косачевская, с. 261].

Деятельность Балугьянского на посту начальника II отделения продолжались и после смерти Сперанского, которого он пережил почти на 8 лет. Под его руководством было подготовлено и опубликовано 2-е «Полное собрание законов» с приложением к нему алфавитного указателя, а также закончена работа по составлению Свода законов по западным Прибалтийским губерниям, Финляндии и др.

Оценивая результаты кодифицированной деятельности II отделения, историограф его Я. Баршев писал: «Совершилось то великое законодательное дело, над которым, начиная с Петра Великого, в продолжении 126 лет трудились безуспешно 17 комиссий». За три года была собрана огромная масса российских законов, накопившихся в течение 180 лет и разбросанных в различных местах, учреждениях и архивах [Баршев, с. 263].

В 1833 году великий князь П.Г. Ольденбургский – главный начальник военно-учебных заведений – писал Сперанскому, что в подведомственных ему учебных заведениях не изучается один из главных предметов образования – воинские законы. Причины – отсутствие русских преподавателей и учебных руководств. Кодификатор объяснил задержку в написании учебников следующими причинами, которые изложил в письме к графу Александру Ивановичу Чернышеву, бывшему в то время военным министром. Из письма от 2 ноября 1833 года следует, что составление учебных книг для

руководства в познании гражданских и военных законов по военно-учебным заведениям возможно только после окончания Свода, потому что «учебная книга должна быть не что иное, как систематический вывод главных правил из законов, приведенных уже в ясный и окончательный порядок». Поэтому Свод гражданских законов, требующий строгой точности и ясности, а также составление учебной книги военных постановлений предполагалось осуществить сразу же после окончания всех работ по Полному собранию законов [Русская старина, 1898, №7, с. 156].

Преподавателей русских законов не было не только в военных учебных заведениях, их не было и в университетах. Юридические факультеты «были очень плохо поставлены». Сперанский настоял на изменении этого «непорядка». По его личному выбору около десятка молодых людей были посланы за границу в лучшие университеты на юридические факультеты для теоретической подготовки по правоведению с тем, чтобы стать основателями и пионерами русского правоведения в России.

В архиве правоведа-публициста и государственного деятеля сохранилось огромное количество недатированных рукописных работ по теории, истории, философии права, по отраслевым дисциплинам. Часть из них относится к «штудиям» для сотрудников второго отделения Канцелярии, часть — к занятиям с наследником престола. В последние годы жизни он переработал тексты «бесед» — лекций с цесаревичем «О законах» в учебник «Руководство к познанию законов», который, по его мнению, должен был стать основным пособием по теории права для юридических факультетов университетов (написано только 8 глав, смерть автора в 1839 году помешала выполнить задуманное). Как замечает И.Д. Осипов, «Руководство к познанию законов» в кратком виде излагало юридические и политические проблемы формирования самодержавного государственного устройства, основанного на праве и законе — истинной монархии». Учебник написан с

теоретических позиций того времени. В нем реализовано методологическое соединение понимания органического права с этикой права, базирующейся на нравственных ценностях. Автор подчеркивает, что «этот курс лекций, длительное время оставался одним из важнейших трудов по государственному праву в России» [Сперанский, 2002, с. 624].

После смерти отца Елизавета Фролова-Багреева (Сперанская) обратилась к государю с просьбой напечатать это руководство. Император высочайше соизволил уведомить г-жу Багрееву, что она может напечатать рукопись отца её графа Сперанского с соблюдением общих правил цензуры 15 марта 1845 года.

В 1852 году в «Журнале Министерства народного просвещения» было помещено благодарственное письмо ученика вологодской гимназии Дмитриева Ф.М. о труде М.М. Сперанского «Руководство к познанию законов». Молодой человек отдает дань уважения труду Сперанского, который «хорошо понимал виды правительственные, нужды государственные и потребности юношества. Зная, что невозможно объять умом и сохранить в памяти все 15 томов Свода, он первый поспешил удовлетворить требованиям науки. Он понял, что нужно извлечь из Свода самое главное, существенное содержание законов, показать значение их и представить их перед умственным взором в ясной системе, и что частности, как необходимое и неизбежное, откроются сами собою». [Дмитриев, 1852].

В дни празднования столетия со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского в 1872 году была учреждена премия его имени «за лучшее юридическое сочинение».

С.М. Середонин так охарактеризовал деятельность Сперанского-правоведа: «Сперанский не только был всегда поклонником идеи законности, но и всю долгую свою карьеру пытался провести ее в жизнь. История и отечество не забудут его заслуги и простят ему его вольные и невольные слабости» [Середонин, 1909, с. 240].

Начало российскому правовому образованию было положено. Мечта Сперанского видеть народ юридически грамотным постепенно воплощалась в жизнь.

§ 6. Царскосельский лицей и Училище правоведения – реализация просветительских идей М.М. Сперанского.

Система государственного образования, основанная на «Предварительных правилах» 1803 года и «Уставе учебных заведений» 1804 года, несмотря на всю стройность и продуманность, не могла удовлетворить современное положение дел, не отвечала требованиям усложнившейся государственной и гражданской жизни, которые вытекали из перемен в администрации и законодательстве. Количество мест государственной службы из года в год увеличивалось, а университеты не давали «потребного числа чиновников, поставляя главною заботою для себя готовить учителей для училищ своего округа, или образовывать профессоров на собственные кафедры, чтобы выйти, наконец, из-под опеки иностранной» [Исторический очерк..., с. 3].

В сознание общества уже проникло недовольство чужеземными гувернерами, и поэтому возникла необходимость нового образовательного учреждения, которое отвечало бы нуждам современного общества. Именно это осознание необходимости иметь в обществе элиту, соответствующую целям и задачам российской политики того времени, привело М.М. Сперанского к благой идее создания специализированного учебно-воспитательного учреждения для одаренных детей дворянства. Идея создания такого образовательного учреждения у Сперанского находилась в непосредственной связи с законом от 6 августа 1809 года, им разработанным. Этим законом, требовавшим определенного образовательного ценза для гражданских чиновников, Сперанский ставил задачу поднять крайне низкий уровень царских чиновников и улучшить работу государственного аппарата.

11 декабря 1808 года М.М. Сперанский читал Александру I свою записку «Об усовершеннии общего народного воспитания», в дополнение к которой в тот же день был представлен еще один документ – «Предварительные правила для специального Лицея». Речь шла о принципах обучения и воспитания в учебном заведении, предназначавшемся для подготовки чиновников-работников государственных центральных ведомств. 12 августа 1810 года Александр I подписал «Постановление о Лицее», давшее жизнь одному из знаменитейших учебных заведений империи.

Название «Лицей» возникло в глубокой древности. В Афинах одна часть города, где стоял храм Аполлона (покровителя поэзии, музыки и искусства) – называлась Ликей. В обширном и прекрасном саду храма находился знаменитый «гимнасий». Здесь учил своих учеников сам основатель «гимнасии» – величайший философ древности Аристотель. Предполагалось, что Царскосельский Лицей станет как бы преемником славных традиций древней греческой школы и будет расположен также в живописной летней резиденции императора в Царском Селе....

В 1815 году Сперанский писал Николаю Григорьевичу Массальскому, своему помощнику и другу: «Училище сие образовано и устав написан мною..., но без самолюбия скажу, что оно соединяет в себе несравненно более видов, нежели все наши университеты» [Дружеские письма..., с. 49].

Проект Лицея в России возник неслучайно, его появление отвечало нуждам времени. В обществе была сильная вера в возможность серьезных социальных преобразований законодательным путем. Прогрессивные общественные деятели – М.М. Сперанский, В.Ф. Малиновский И.И. Мартынов и другие стремились воспитать новое поколение молодых людей образованными и просвещенными, которые могли бы впоследствии осуществить преобразование России. Учреждение Лицея имело целью «образование юношества, особо предназначенного к важным частям службы государствен-

ной», – эта задача ставилась просветителем-реформатором и значительно раньше, в частности, в «Предварительных рассуждениях о просвещении»: «Надобно, чтобы сии 100 человек рассыпаны были в народе, и свет ими приносимый, не терялся в странах отдаленных» [Антология..., 1987, с. 130].

Правительство поддержало эти начинания, так как высокообразованные чиновники для административного, судебного и дипломатического поприща стране были крайне необходимы. В Уставе, составленном М. Сперанским и его единомышленниками, Жозеф де Местр в письмах к Разумовскому (министру просвещения) усмотрел, «что автор проекта Устава принадлежит к тем подозрительным людям, кто, захватив в свои руки воспитание юношества, «грозит России». Он подчеркивал, что система воспитания, основанная на идеях просветительства, уже «произвела менее чем в тридцать лет то ужасное поколение, которое опрокинуло алтари и зарезало короля французского» [Руденская, 1980, с. 6]. Между сторонниками либеральных реформ, яркими представителями которых являлись М. Сперанский и его семинарский друг И.И. Мартынов, а с другой стороны – консерваторами-реакционерами, развернулась настоящая политическая борьба в лице Жозефа де Местра и А.К. Разумовского.

Прогрессивный деятель, «серьезный реформатор» (по характеристике Чернышевского) Сперанский предусмотрел такие разделы в обучении, «как нравственные и исторические», а также «о законодательстве и праве». Именно они, по убеждениям автора, должны были стать научно-теоретическим фундаментом обучения. Примечательно определение целевой установки нравственных наук: «Под именем наук нравственных здесь заключаются все те познания, кои относятся к нравственному положению человека (или гражданина) в обществе и о правах и обязанностях отсюда возникающих» [Латышина, с. 264]. В проекте подчеркивалась необходимость развивать самостоятельную мысль воспитанников, учить их независимости мнений, критическому отношению к

действительности. В нем по-своему отразились глубокие процессы общественного движения преддекабристской эпохи.

Жозеф де Местр распознал политический смысл проекта М.М. Сперанского и предлагал исключить «без пощады эту сумасбродную ерунду наук», сократить учебный план за счет естественной истории, химии, астрономии, эстетики, физики, нравственных дисциплин. И вообще им было высказано сомнение о целесообразности общественного воспитания для русских детей» [Равкин, с. 33].

С незначительными исправлениями (в Устав включили новые параграфы о зависимости директора от министра просвещения и о системе контроля за лицеем) Устав был принят. Все основные идеи проекта «о направлении, методах и содержании воспитания» сохранились, включая и преподавание таких важных для развития умов наук, как политическая и юридическая – «о правах человека и гражданина»; все расходы на содержание Лицея несла государственная казна. Пункт 14 Устава гласил: «Лицей в правах и преимуществах своих совершенно равняется с Российскими университетами...», а пункт 18 разъяснял конечный итог обучения: «Воспитанники, по окончании наук в Лицее, поступают в гражданскую службу с чином, по успехам, от 14 до 9 классов; а военную – на тех же основаниях, как и воспитанники пажеского корпуса». Следует заметить, что при разработке «Положения» Сперанский пользовался уставами французских учреждений подобного типа, но тем не менее в основу Лицея легли русские начала. Это был один из принципов реформатора-просветителя: никогда не переносить на русскую почву и не копировать ни методы обучения, ни законы, ни порядки, ибо, как говорил он сам, «всякое государство имеет свою физиогномию, природою и веками ей данною, что хотеть все переделать и есть не знать человеческой природы, ни свойства привычки, ни местных положений» [Сперанский, 2002, с. 253].

Как отмечает Зиновий Равкин, изучавший педагогику Лицея пушкинской поры, «у его истоков сошлись характерные черты древнерусской педагогики, стремление утвердить школу у домашнего очага и включить ее задачи в число забот и обязанностей семьи» [Равкин, с. 6].

Лицей стал самым передовым учебным заведением своего времени. В основу деятельности его был положен принцип развивающего обучения. «Главное правило способа обучения состоит в том, чтобы не заменять ум детей пространственными изъяснениями, но возбуждать собственное его действие» [там же, с. 6]. Предусматривалось общее образование (без специализации), но с преобладанием гуманитарных наук. Подчеркивалось, что к детям нужен индивидуальный подход в зависимости от способностей. «Хотя по различию способностей трудно всех воспитанников вести по одной линии успехов, однако профессор должен стараться, чтобы ни один из воспитанников не отставал от его уроков, и где менее способностей, там он должен усилить свое внимание» [Руденская, 1980, с. 8]. Изучение предметов разделили на два курса: начальный и окончательный. В начальном предпочтение отдавалось предметам, в которых успех зависит от упреждений раннего возраста. Во втором курсе, окончательном, изучались предметы, требующие разума. В «Правилах особенных для начального курса» предусматривалось обучение грамматике, наукам математическим и физическим, истории, «изящным письменам» — словесности, изящным искусствам и гимнастике. Начальный курс продолжался три года. В этих же правилах курса было предложено профессорам, руководящим занятиями воспитанников по словесности, тщательно избегать «пустых школьных украшений», и, заставляя воспитанников предметами, «возрасту их сообразными», прежде заставлять их мыслить, а потом искать выражение этих мыслей в слове и «никогда не терпеть, чтоб они употребляли слова без ясных идей». В «Правилах особенных в курсе окончательном» отмечалось, что «науки нравствен-

ные, физические и математические должны занимать первое место». Но при этом уделялось большое значение языкам иностранным: «в этом курсе профессора всемерно должны стараться, чтобы воспитанники научились правильно сочинять на немецком и французском, а преимущественно на русском языке».

Что касается юридического образования, то ставилась задача, начиная от самых простых понятий права, довести воспитанников «до коренного и твердого познания различных прав и изъяснить им систему права публичного, права частного и особенно права Российского» [Латышина, с. 264].

Второе место в программе отдавалось наукам физическим и математическим — алгебре, сферической тригонометрии и прикладной математике. Курс окончательный тоже продолжался три года.

В разделе о науках исторических составитель Устава отмечал, что «история должна быть делом разума» и что предмет ее надо представить как «шестствие нравственности... в разных превращениях государств» и показать «успехи и падения его (разума) в разных гражданских постановлениях». Особенное внимание уделялось истории отечественной, отмечалась необходимость серьезного знакомства с деяниями великих людей прошлого, с хронологией и географией.

В классе словесности изучались: художественная литература, лингвистика, стилистика, литературоведение, эстетика и риторика. В этом же классе ставилась обязательная задача научиться писать на всякую заданную тему сочинение «правильное, ясное... изящное, но простое, не высокопарное». Таким образом, в Уставе делался акцент на развитие у детей мышления и творчества.

К изящным искусствам Устав относил чистописание, рисование, «танцевание», гимнастические упражнения, фехтование, верховую езду, плавание.

Задуманный курс обучения, при успешном его усвоении, давал молодому выпускнику возможность обогатить се-

бя всеми необходимыми знаниями, могущими принести пользу Отечеству. М.М. Сперанский всегда был сторонником основательного образования и ратовал за то, чтобы учение было полноценным, ибо: «скороспелое воспитание, ограничиваемое только зачатками словесности, ничтожных людей делает пошлыми и несносными» [Письма..., с. 137].

Лицей был первым в России закрытым учебным заведением, где не предусматривались телесные наказания. Состав учеников был многонациональный, особенного значения религиозным обрядам и убеждениям не придавалось. Воспитанники с детства должны были учиться корректному обхождению, всегда обращаться друг к другу на «вы», уважать и почитать своих преподавателей.

Программа обучения, изложенная в Уставе (достойный изучения документ русской педагогики и в наше время), с успехом осуществлялась в течение первых шести лет существования Лицея. Своих первенцев – 29 воспитанников он выпустил широко образованными людьми, прекрасно подготовленными к гражданской и военной службе. Между тем, М. Сперанский, так много сделавший для открытия и жизнедеятельности Лицея, был обвинен в неблагонадежности, отстранен от важнейших государственных дел и отправлен в ссылку.

В сословном государстве, где дворянство пользовалось особыми привилегиями, такой проект был прогрессивным и смелым. «Именно Лицей в начале XIX века стал тем учреждением, в котором вольнолюбивые антикрепостнические настроения нашли свое выражение в просветительном и воспитательном процессе юности» [Руденская, 1980, с. 48]

19 октября 1811 года в торжественной обстановке Лицей был открыт в присутствии государя и всего сановного Петербурга. Устав Лицея – «Жалованная грамота», пронизанный самыми прогрессивными для своего времени идеями в области образования, зачитал директор Департамента Министерства народного просвещения И.И. Мартынов. Профес-

сор Н.Ф. Кошанский прочел список чиновников Лицея и фамилии первых тридцати лицеистов. Затем с речью выступил профессор нравственно-политических наук А.П. Куницын: «И мы пришли. И встретил нас Куницын / Приветствием меж царственных гостей» (А.С. Пушкин).

Речь, произнесенная Куницыным в день торжественного открытия, запомнилась лицеистам на всю жизнь. Взволнованность и пафос его речи не оставили ни одного слушателя равнодушными: «Здесь сообщены будут вам сведения, нужные для гражданина, необходимые для государственного человека, полезные для воина, – говорил он. Наука общежития есть первый предмет воспитания. Под сим словом разумеется не искусство блистать наружными качествами..., но истинное образование ума и сердца. Вам раскрыт будет состав гражданского общества; разбирая части сего многосложного здания, вы увидите, что ни подданные без повиновения, ни граждане без точного исполнения должностей своих, ни общество без единодушия членов его благоденствовать не могут. Если граждане вознерадеют о должностях своих и общественной пользе подчинять видам своего корыстолюбия, то общественное благо разрушится и в своем падении ниспровергнет частное благосостояние. Многолетняя История разительными примерами докажет Вам сию истину, она оживит пред вами минувшие веки, воскресит погибшие царства, воззовет на суд буйных и беспечных граждан и, указывая на развалины Государств, погибших от их разномыслия, предаст их имена вечному поношению» [Александровский лицей, с. 6].

Главным же основанием познаний лицеистов Куницын провозгласил истинную добродетель. Те же мысли звучали и в «Памятной книге Лицея», написанной директором В.Ф. Малиновским, человеком разносторонне образованным, прогрессивно мыслящим, полным единомышленником М.М. Сперанского. В своей педагогической практике он стремился приучать каждого ученика к самостоятельному

критическому и философскому мышлению, воспитывать у него желание жить и трудиться «для общей пользы». В своей книге Малиновский подчеркивал необходимость в преподавании всех предметов выделять нравственную идею, «приучать к различию добра и зла». Образ мыслей директора Лицея достаточно ярко характеризует запись в его дневнике: «Кто любит добродетель и отечество, должен стараться о прекращении рабства. Оно портит нрав россиянина. Сия заносчивость, запальчивость и купно низость и раболепие – от воспитания, житья и обхождения с рабами» [Бунатян, с. 29].

В.Ф. Малиновский был широко образованным человеком, обладавшим глубокими познаниями в литературе, истории, философии. Он в совершенстве владел не только многими европейскими, но и восточными языками. С большой любовью и вниманием директор лицея относился к своим воспитанникам, подолгу беседовал с ними, читал, гулял по пригородам и окрестностям. Лицейсты гордились своей «лицейской республикой». А.Д. Илличевский писал: «Благодаря Бога, у нас по крайней мере царствует с одной стороны свобода (а свобода дело золотое) ..., с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся» [там же, с. 29].

В лицее всячески поощрялось увлечение литературой: здесь выходили рукописные журналы и сборники, в которых помещались произведения юных авторов. Среди лицейских поэтов на первых порах лидировал А.Д. Илличевский, в честь которого друзья даже сложили гимн, в котором называли его «бессмертным», «истинным поэтом». Но вскоре первенство пришлось уступить Александру Пушкину. Постоянно в лицейских журналах помещались стихи и басни М. Яковлева, над которым подшучивал Пушкин, и любил его, как и все остальные, за веселый нрав, «неисчерпаемую изобретательность на всякие затеи, забавы и шутки», за музыкальные дарования: он пел, играл на скрипке, был композитором, актером и замечательным подражателем, за что получил у товарищей прозвище «паяс».

Следует добавить, что 1814 году в Царском селе был открыт «Благородный пансион Императорского царскосельского лицея», который современники часто называли «младшим братом Лицея». При первом приеме 1811 года обнаружилось неравенство в знаниях воспитанников, и пансион, как гласило Постановление о его учреждении, должен был устранить это неравенство: «Цель сего заведения двоякая: а) устройство в нем рассадника собственно для Царскосельского лицея и б) доставление нового способа дворянству для приличного званию сему воспитания». Бывший воспитанник пансиона князь Н. Голицын вспоминал: «Пансион был в младших классах... рассадником Лицея, а в старших – высших, наравне со старшим курсом Лицея, учебным заведением, на правах университетов, выпуска воспитанников своих, окончивших полный курс наук, на государственную службу, гражданскую и военную – офицерами гвардии и армии» [там же, с. 39]. Пансион существовал до 1829 года.

Лицейсты хорошо знали многих воспитанников этого учебного заведения, постоянно встречались на прогулках, одно время вместе учились верховой езде, ходили, по свидетельству Н. Голицына, слушать музыку, собираясь вокруг хора музыкантов.

Первым директором Царскосельского пансиона был назначен австрийский профессор Фридрих Гауеншильд, хотя по Постановлению о пансионе так же, как и в лицее, директором мог быть только русский или хотя бы российский подданный. Вспоминая о Гауеншильде, М.А. Корф отмечал, что тот «был человек скрытный, хитрый и даже коварный» и что «доказательством общей к нему нерасположенности» служила неприкрытая неприязненность и даже ненависть. Но у Гауеншильда и не было задачи нравиться учащимся, он стремился заручиться стойким расположением нужных ему высокопоставленных особ и преуспел в этом. Он обнаружил необыкновенное умение находить нужных ему людей и заслуживать их симпатии. Поэтому неудивительно, что не

только Уваров, но затем историк Карамзин, А.И. Тургенев, и канцеляр граф Румянцев, а позднее и М.М. Сперанский относились к нему со вниманием. Со Сперанским Гауеншильд был хорошо знаком. Он пользовался его некоторым доверием еще в эпоху расцвета деятельности реформатора. Для него Гауеншильд составил обозрение немецкой философской литературы и перевел другие работы в области законодательства. Обо всем этом Гауеншильд писал в своей записке «Исторический взгляд на Сперанского», в которой изложил свое мнение о русском государственном деятеле, бывшем приближенным к трону, затем оказавшемся в опале и, наконец, вновь возвращенном и с 1826 года возглавлявшем II отделение Собственной его Императорского Величества Канцелярии.

Как директор пансиона немецкий профессор оказался некомпетентным и несостоятельным во всем. Будучи плохим администратором, он запустил все дела и не пользовался никаким авторитетом, вследствие чего был уволен с занимаемой должности в 1822 году.

Учебное заведение, принимавшее учеников десяти – двенадцатилетнего возраста, должно было довести их за короткий срок обучения до того уровня духовного развития и той зрелости, каких стали достигать в последующем молодые люди, прошедшие восемь классов гимназии и 4-летний университетский курс. По поводу энциклопедичности лицейской системы обучения нередко возникали споры, считая это слабой стороной деятельности учебного заведения. Но академик К.С. Веселовский (выпускник лицея 1838 г.) возражал против такого мнения и писал по этому поводу: «если вспомнить, каковы были наши высшие учебные заведения, то придется сказать, что Лицей был лучшим из них». И в доказательство своего возражения отмечает то большое число лиц, «отличившихся в высших родах государственной службы, которые своим образованием обязаны были Лицею». «Конечно, – продолжает Веселовский, – Лицей не имел зада-

чею готовить специальных ученых, но для даваемого им общего образования не бесполезна и та энциклопедичность, в которой так укоряют его учебный план, так как и она способствовала общему умственному развитию питомцев и расширению их понятий» [Руденская, 1984, с. 139]. Свои знания и умения отдавали лицеистам самые прославленные педагоги (Н.Ф. Кошанский, А.С. Куницын, всеми любимый А.И. Галич и др.) – цвет тогдашней образованной России, и их имена навсегда остались в памяти благодарных воспитанников.

Царскосельский лицей, воспринимавшийся реакционными кругами как «безнравственное» учебное заведение, воспетый Пушкиным и восторженно приветствуемый либеральными и демократическими кругами России, завоевал славу наиболее прогрессивного высшего учебного заведения в Европе, славу очага вольнолюбия, откуда вышло немало декабристов. Передовая русская интеллигенция во главе с М.М. Сперанским, глубоко верившая, что путем просвещения можно направить страну на путь прогресса и изменить государственный строй, основала лицей и творчески разработала передовую систему воспитания и образования.

Лицей выполнил свою возвышенную задачу: воспитать человека с юношеских лет в самом благородном смысле этого слова, вследствие чего большинство воспитанников отличалось не только внешней культурой, «но и тем высоким душевным качеством, которое французы называют “politesse de coeur” (отзывчивость сердца, сердечность)».

Вопросы, касающиеся обучения и воспитания, решала так называемая Конференция лицея, состоящая из профессоров и директора. Конференция постоянно имела связь с университетами, получала оттуда книги, учебные планы. В свою очередь, преподаватели лицея посылали свои научные труды в высшие учебные заведения.

Все в жизни лицея – и лекции профессоров, и самостоятельные занятия, и чтения воспитанников, общение их с наставниками и друзьями, и даже развлечения – способствова-

ло развитию индивидуальности каждого. Методы педагогики и воспитания в лицее были направлены на выявление внутренних душевных качеств молодых людей, развитие у них лучших индивидуальных качеств. Любопытно, что каждый, еще будучи подростком, уже имел свою мечту и жизненную цель и, преодолевая все препятствия, настойчиво шел к ней. Вольховский хотел стать военным, Матюшкин – мореплавателем, Горчаков – дипломатом, Кюхельбекер – учителем. Пушкин же весь отдался поэтическому творчеству. Пущин и Вольховский зажглись идеей социального преобразования России.

Пушкин для лицея – певец возвышенной и преданной дружбы. Он явился вдохновителем своеобразного ее культа: идеалы дружбы и товарищества ставились выше собственных интересов. Тем же идеалом для молодого Сперанского являлась святая дружба, и одно из своих семинарских стихотворений он тоже назвал «К дружбе». Пушкин воспел своих друзей на все времена: их имена он произносил и в радости, и в горе, и на смертном одре.

В 1822 году лицей вывели из подчинения Министерства народного просвещения и передали Управлению военно-учебных заведений: 6 ноября 1843 года последовал указ Николая I о переименовании лицея в Императорский Александровский лицей с переводом его из Царского Села в Петербург. Но для всех лицеистов оставались близкими и родными пушкинские строки: «Все те же мы: нам целый мир чужбина / Отечество нам Царское Село».

Пушкинский выпуск 1817 года, особую культуру и широкую образованность которого отмечали современники, называли «блистательным». И, действительно, не только величайший поэт, но и такие яркие личности, как сановный дипломат князь А. Горчаков, чудесный поэт, остроумный А. Дельвиг, отважный исследователь – мореплаватель Ф. Матюшкин, первый друг Пушкина – честнейший И. Пущин, талантливый поэт В. Кюхельбекер, видный сановник М. Корф

были воспитанниками лицея. Все очень разные, но прекрасно образованные, самостоятельно и глубоко мыслящие. Это были поистине «новые люди» с новыми идеями и новым мировоззрением, ушедшие далеко вперед от «новых людей» конца XVIII века. Это выражалось в их гуманности, толерантности, уважении к человеческой личности, в отсутствии канцелярского формализма.

Еще раз повторим, что основы такой системы воспитания и образования заложил в своем «Уставе» создатель и основатель Царскосельского лицея Михаил Михайлович Сперанский.

Через 20 с лишним лет возникла острая необходимость создания еще одного памятного учебного заведения. Поборник законности и порядка, публицист-реформатор М. Сперанский считал, что одной из существующих причин нарушения законности, недостатка хороших законов в России, неумения составлять и кодифицировать законы, являлось отсутствие правильно поставленного юридического образования. Он писал, что если бы в России существовала «система добрых законов», то скоро привести ее в действие нельзя было бы потому, что для соблюдения законности и для того, чтобы суды выносили справедливые решения, кроме хороших законов нужны не только образованные судьи, но и просвещенная публика, искусные законоведы, знающие стряпчие и «методическое сей части учение, без чего самая лучшая система судопроведения произведет только одно вредное действие новости» [Солодкин, с. 147].

Об отсутствии юридического образования в стране и отрицательном влиянии этого на законодательство, работу различных многочисленных комиссий по составлению законов писали прогрессивные мыслители первой трети XIX века – А.Н. Радищев, Н.И. Пестель, Н.И. Тургенев и др. Поэтому еще в начале XIX века была осуществлена попытка учредить при Комиссии законов Высшее училище правоведения, которое находилось под непосредственным ведением мини-

стра юстиции князя Лопухина и сенатора Новосильцева. Секретарем в Комитете училища был назначен А.Н. Тургенев. С 7 сентября 1806 года в училище начались публичные лекции. Курс обучения длился 3 года. В рапорте к Александру I о состоянии дел в работе Комиссии составления законов и Высшего училища правоведения, подписанном Лопухиным, Новосильцевым и Сперанским 29 декабря 1808 года указывалось: «Правоведение в России доселе по большей части было искусством, приобретаемым навыком и единым упражнением в производстве дел. Теоретическая часть сей науки в учебных наших заведениях еще не укоренилась. Отсюда трудность соединить в одном лице теорию с практикою» [там же, с. 147]. Это училище не оправдало ожидаемых надежд и вскоре, после ссылки Сперанского, в 1816 году было закрыто.

И вот, наконец, после многолетнего бездействия, вновь встал вопрос о необходимости обучения опытных и знающих юристов. Нарушение законов, пристрастия в судебных процессах и при вынесении приговоров, взяточничество, лихоимство царили во всех присутственных местах Империи, что не было тайной для высшей власти. Государь император в речи Государственному совету выразил свое мнение по этому поводу: «Я еще смолоду слышал о недостатках у нас по этой части, о несуществовании полных на все законов или о смешении их от чрезвычайного множества указов, нередко между собою противоречивых» [Второе отделение..., с. 282]. Теперь пришла мысль учредить особое учебное заведение, которое давало бы Отечеству просвещенных юристов-практиков.

24 января 1835 года М.М. Сперанский представил Николаю I записку «Специальные училища», в которой аргументированно обосновывалась необходимость организации такого специального образовательного учреждения. Сперанский предполагал, что это будет новый тип учебного заведения, отличный от общих училищ, в котором, с одной сторо-

ны, слушатели не только учатся, но и воспитываются, а с другой – обучение соединяется с практикой и «тем приготавливаются к особому роду службы». В этой записке реформатор сетует на отсутствие у Министерства юстиции своего училища, кроме подведомственной ему школы земледелия.

Необходимость специального учебного заведения для правоведов М.М. Сперанский обосновал еще и тем аргументом, что в юридической и судебной работе большое значение имеет юридическая грамотность работников судебного аппарата. В своей записке он излагал следующие мысли: «Для судей везде нужны способные и благовоспитанные делопроизводители, у нас они нужнее, нежели где-нибудь, ибо у нас нет и долго еще не будет ни ученых судей, ни ученых адвокатов» [Русская старина, прил. V-VIII].

Таким образом, Сперанский, внося предложение о создании Училища правоведения, исходил, во-первых, из стремления повысить юридическую культуру в судах и государственных учреждениях, а во-вторых, дать России юристов высокой квалификации.

Принц П.Г. Ольденбургский был очень заинтересован в учреждении подобного училища и тоже включился в этот процесс, «побуждаемый высокими намерениями и благородными чувствами». Принц пожертвовал «деньгами достаточными» на приобретение дома и первоначальное обустройство училища. Рассмотренные на Государственном совете проект Устава и штат училища 25 февраля 1835 года были одобрены, Государственный совет признал целесообразным сравнить училище по статусу не с Педагогическим институтом, а с лицеем. Курс учения ограничить согласно познаниям воспитанников, разрешая по результатам экзаменов поступать в любой класс, минуя младший. Государственный совет передал свое заключение на Высочайшее одобрение. 29 мая 1835 года Устав и временный штат училища на первое трехлетие были утверждены. Принц П.Г. Ольденбургский был назначен попечителем училища и являлся им в продолжение

многих лет. Торжественное открытие Училища правоведения состоялось 5 декабря 1835 года.

Вновь созданное Училище правоведения во многом повторяло Устав и задачи Царскосельского лицея, но, естественно, юридическим наукам отдавалось большее предпочтение и внимание. Брат П.И. Чайковского – М.И. Чайковский, учившийся в нем, в своих воспоминаниях писал, что цель основания училища состояла в том, чтобы подготовить юристов из представителей высших классов русского общества, привлечь дворянство к деятельности, которая считалась «загрязненной» разночинцами и подьячими. Эта цель была ясно выражена и в учредительном акте, в котором указывалось, что «училище имеет целью образование благородного юношества на службу по части судебной». Для осуществления этой цели документ предусматривал строгие сословные ограничения для поступающих. Поэтому в училище принимались лица из сословия потомственных дворян, внесенных в 5-6-е части родословной книги, сыновья военных чиновников в звании не ниже полковника, а также сыновья гражданских чиновников – не ниже 5-го класса». [Чайковский, с. 85-86].

Не только Царскосельский лицей, но и Училище правоведения имело свои традиции. Торжественно отмечалось соболаетие (1875) и пятидесятилетие (1785) со дня его основани. У студентов-правоведов был свой гимн, написанный П.И. Чайковским, который исполнял хор: «...Будь врагом ты всякой лжи / И стремясь ко благу смело / Помни школьных дней завет, / Что стоять за правды дело / Твердо должен правовед».

В первые годы своего существования режим в стенах училища в условиях николаевской России был достаточно мягким. Хотя училище было закрытым учебным заведением, воспитание носило полудомашний характер. В большом почете была музыка. Сам попечитель заведения принц Ольденбургский устраивал в училище и у себя дома концерты, спе-

циально приглашая правоведов «на музыку». Здесь выступали приезжие знаменитости, играл училищный оркестр, отличались музыканты-правоведы А. Серов, Платон Вакар и др. Лучших учеников возили в оперу. Принц всячески поощрял занятия музыкой. В 1838 году правоведы своими средствами ставили пьесу Н. Гоголя «Ревизор». Как и в Царскосельском лицее, у Училища правоведения были свои знаменитые питомцы. Училище видело и слышало немало знаменитых выпускников: здесь учились братья Чайковские – Петр и Модест. Одним из первых его окончил В.В. Стасов, знаменитый музыкальный критик и деятель искусства и литературы. Известный поэт Алексей Апухтин, с которым Петра Ильича связывала долголетняя дружба. Эта дружба способствовала проявлению у юного музыканта интереса к русской литературе. Апухтин, с его литературными связями, с его радикально-демократическими настроениями, резко выделялся на общем фоне. Вспоминая о дружбе в стенах училища, он писал: «Мы увертюру жизни бурной / Сыграли вместе до конца / Грядущей славы марш бравурый / Нам рано волновал сердца» [Кунин, с. 49].

Петр Чайковский, в свою очередь, приобщил Апухтина к музыке. Окончившие курс обучения Апухтин, Чайковский и Герард были зачислены в Канцелярию Министерства юстиции. Но, как нам известно, чиновника из Петра Чайковского не получилось, с другой стороны, из стен училища вышел известный обер-прокурор Святейшего синода – К.П. Победоносцев, в будущем профессор права Московского университета. Он был приглашен преподавателем юридических наук к Александру III и стал впоследствии его ближайшим советником и фактическим идеологом всего правления. Среди близких друзей Чайковского осталось немало известных впоследствии правоведов. Став адвокатом, В. Герард в свое время защищал на процессе известную революционерку В. Засулич. Тесные дружеские отношения Петр Ильич поддерживал с Ф. Масловым – передовым юристом того времени,

с В. Танеевым, имя которого было широко известно и в революционно-демократических кругах Западной Европы. Юношеский девиз «Честно жить, никого не обижать, каждому воздавать свое» — был у выпускников училища руководством к действию в их последующей жизни.

Подводя итоги педагогической, просветительской и реформаторской деятельности М.М. Сперанского в области народного образования и распространения наук, можно с достоверностью убедиться в том бесценном вкладе, который он внес в это благое дело за весь период его государственной деятельности. Говоря собственными словами М.М. Сперанского-просветителя, не «вклад вдовицы», а большая и непрерывная работа была проделана им по укреплению и развитию общественного образования в Российской империи.

В деятельности просветителя-реформатора можно проследить три стадии. Во-первых, постоянная пропаганда необходимости просвещения, начиная с семинарских проповедей; устные убеждения в важности грамотности; его политические трактаты, манифесты, указы, призывающие к усовершенствованию народного образования на оздоровление нации и государства.

Во-вторых, титаническая работа М.М. Сперанского по организации и реализации этих замыслов, выработка новых путей преодоления неграмотности и отсталости русского народа на фоне передовых держав Европы в области промышленности и науки; реформирование системы образования, особенно пристальное внимание к изучению необходимых юридических дисциплин. И, наконец, в-третьих — это огромный личный вклад просветителя-публициста и педагога во все задуманное, неустанные старания М.М. Сперанского по открытию в России новых учебных заведений, чтение лекций, блестящие уроки, мудрые наставления, неоценимые рекомендации и консультации ученого. Сперанский принимал участие в составлении уставов, учебных заведений, предлагал учебные планы и программы, писал билеты для испыта-

ний, председательствовал во многих комиссиях, участвовал в экзаменах и лично готовил юристов, написал учебники по риторике, физике и «Руководство к познанию законов» и, конечно, своим лидерством и духовным воздействием на сотрудников способствовал успехам общего дела. По замыслу М.М. Сперанского, просвещение и образование должны были стать определяющими факторами социальной политики экономического и правового роста граждан империи и формировать будущие общественные возможности.

Это относится и к реформированию отечественного образования нашего столетия. В политике современного государства преобладающее значение образования выходит за пределы социальной политики, и приобретает главенствующее положение в экономической политике современного государства. На практике этот приоритет означает целенаправленное развитие образования в интересах роста «человеческого капитала» и на этой основе, в интересах управления будущим, разрешения существующих и предотвращения возникновения новых социальных и экономических проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ряду славных имен российских мужей историк М.П. Погодин поставил М.М. Сперанского рядом с Н.М. Карамзиным, Филаретом, М.И. Кутузовым, Ф.И. Растопчиним, А.П. Ермоловым и Н.С. Мордвиновым. Они каждый в своей области сумели принести Отечеству великие услуги, и наш гражданский долг не забывать их славных дел и их имена в суматохе настоящего дня.

Весь творческий путь «великого реформатора» М.М. Сперанского являет яркий пример упорной борьбы личности с неблагоприятными условиями жизни как общественной, так и личной. Представляет интерес не только его государственная и политическая деятельность, интересна его судьба, как великого реформатора и истинно русского человека. М.П. Погодин пишет: «Удивительное зрелище представляет нам жизнь графа Сперанского, удивительная даже в русской истории, богатой примерами быстрого возвышения и падения. Примечательно, что в общественное сознание россиян он вошел именно своей судьбой. Реформаторская деятельность его в настоящем своем содержании оставалась на протяжении XIX века неизвестной русскому обществу, но судьба его у всех была перед умственным взором» [Погодин, СПб., 1247-1250]. Сперанский прожил большую часть времени в переломную эпоху, когда постепенно усиливалось движение дворянской интеллигенции, направленное против крепостного права и чиновничьего произвола в защиту законности и справедливости. Наблюдая и аналитически оценивая ситуацию, он своей деятельностью и трудами стремился доказать, что государственный строй в России должен

быть усовершенствован, что закон должен стать обязательным для всех, что рабство и неграмотность пагубно влияют на человеческую личность. Необходимость всеобщего образования, по его мнению, может привести Россию в ряды успешных государств Европы и делал для этого все, что от него требовалось.

Сперанский отзывался на самые животрепещущие вопросы страны, в частности, в области образования и культуры. Именно ему мы обязаны рождением нового типа государственного человека и служащего – грамотного, трудолюбивого, «просвещенного патриота», обладающего развитым правосознанием и думающего не только о своей пользе, но и о благе Отечества и всего народа. Чиновник XIX века, благодаря его усилиям, заговорил на новом языке, свободном от архаизмов и старинных терминов, научился любить и беречь русский язык и русскую культуру.

Рожденный в бедности, в незнатной поповской семье, он достиг небывалых государственных высот, приобрел доверие правящих монархов, сотрудничал с ними и, благодаря своим неоценимым качествам человека и педагога, вырастил целую плеяду настоящих российских законоведов и правоведов, достойных сынов России. Он ворвался в невежественное и сонное общество с новыми планами и идеями, считая своим земным долгом привести в исполнение обширные замыслы и планы, не жалея ни времени, ни сил. Творческое начало, проявленное Сперанским в разных сферах, общение с людьми и искреннее стремление помочь им стали действенным способом преодоления как общественных пороков, так и своих слабостей. Универсализм его замыслов и планов нашел свое выражение в многочисленных практических начинаниях.

Философское понимание текущей жизни Сперанского произрастало из идей эволюционизма Френсиса Бэкона: «Величайшим новатором является время» – говорил английский ученый, и русский философ начала XIX века вторит ему:

«Итак, время есть первое начало и источник всех политических обновлений. Никакое правительство с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может». Уже в самом начале XIX века реформатор-просветитель ясно изложил свои политические идеи, суть которых заключалась в призыве установления взаимосвязи между народом и властью, силой правительства и коренными законами государства. Поэтому для того, чтобы управлять государством на основе коренных законов, нужна тщательная, основательная подготовка широкого круга образованных людей, могущих со временем подготовить почву для серьезных перемен в жизни полуграмотной России. Вот почему первым и основным делом своей многотрудной жизни он считал воспитание и образование «нового» человека, новой личности, презиравшей деспотизм и рабство и сознающей свою миссию преобразователя Отечества с помощью разумного законодательства и нравственного просвещения власти.

Основу политической этики М.М. Сперанского составляла идея служения государству. Человек, его духовное преобразование в социальном действии стояли во главе угла его мировоззрения. Обрести такую гармонию можно в постоянном самоусовершенствовании, духовном очищении, а главное – в радостном труде, так как благодать не терпит праздности. Человек, духовная личность находит нравственное успокоение в государственном строительстве, в политических, экономических, образовательных реформах, направленных на благо Отчизны.

Как прирожденный педагог, он учил людей, исходя из собственного опыта, прививал своим ученикам изящный вкус, грамотную речь, деликатность и терпимость в общении, любовь к труду, всей своей деятельностью подтвердив правдивость изречения «*Omnia vincit labor improbus*» («Все побеждает упорный труд»). Он учил людей воспитывать свой характер, изучать и осмысливать культурное наследие предков, ибо без знания истории и мировой культуры невозможно

понять настоящее и будущее. Его усилия были направлены на гармоничное развитие личности и непрерывное ее «усовершенствование». Среди огромного количества людей, окружавших его в разные периоды жизни, ему не было равных по талантам и энциклопедичности знаний. Эти знания должны были служить людям, обществу, подрастающему поколению и он щедро делился со всеми, не взирая на лица и чины, никогда не ставил личные интересы выше общественных. Сперанский требовал предоставления возможности учиться и трудиться на благо Отчизны всем, могущим принести пользу Родине, старался привлечь на свою сторону наиболее талантливых и работоспособных юношей, вкладывал в них необходимые для творчества и деятельности знания в духе толерантности для формирования у молодежи «навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях» [Балыхина, 2005, с. 10].

Цель и задача данной работы – показать личность М.М. Сперанского не совсем в обычном понимании его как сугубо государственного человека и чиновника, а расширить понятия о нем как об одном из первых русских просветителей-интеллигентов, замысливших переделать тот деспотический мир, воспитать в русской среде поистине образованных и целеустремленных людей, использовать весь свой жизненный опыт в процессе реформирования светского и духовного образования России в первой трети XIX столетия.

Как наставник и педагог, он вошел в плеяду лучших просветителей и учителей России. Его педагогические и воспитательные методы были настолько гуманны и общечеловечны, а знания так обширны, что иметь такого наставника было полезно даже царствующим фамилиям. Личностные качества профессионального характера – такие, как способность свободного общения, умение проявлять индивидуальность, восприимчивость ко всему новому, творческий подход к своей деятельности (на любом поприще), гибкость мышле-

ния, талант адаптироваться к определенной социально-психологической обстановке, способность понять другого человека, мотивы его поведения, интересы и стремления – все эти свойства педагога, воспитателя, наставника привлекали к нему сердца его талантливых учеников. Сперанский был уверен, что только «непрерывное» образование станет формой жизни личности в будущем (образование не «на всю жизнь», а «через всю жизнь»). Он последовательно проводил в жизнь все свои замыслы в сфере образования.

Новые учебные заведения, давшие миру незабываемые имена, обязаны своим возникновением его ищущему и пытливному уму. Новая Россия, новые взгляды, новые писатели и общественные деятели были предметом его интересов и все, нуждающиеся в его поддержке и участии, находили сочувствие и понимание в своих начинаниях. Русский язык, на котором он говорил и писал манифесты, указы, многочисленные отчеты, доклады и т.п. представлял новую эпоху в развитии литературной и канцелярской речи, ибо «слово» Сперанского, не боясь этого признания, противостоит даже речи Карамзина, слащавой и весьма сентиментальной. Филологический дар, умение поддержать разговор, внимание к собеседнику, или оппоненту, талант общения и культура речи – все подчеркивало его духовность, выделяло из великосветского круга и чиновничьего мира. Читая и перечитывая восторженные отзывы современников и последующих исследователей творчества Сперанского о его замечательном владении многими языками, невольно приходишь в замешательство при знакомстве с романом «Война и мир» Л.Н. Толстого, где автор, желая подчеркнуть безродность черкутинского «поповича» «наделяет его топорными манерами, плохим французским языком и напыщенностью, свидетельствующими о низком происхождении» [Тодд, 1994, с. 247].

Народное образование, культура, духовность и сейчас, через два столетия, являются главенствующими вопросами в общественной и политической жизни России. В изменив-

шихся условиях бытия и управления обществом они представляют собой ценности, которые движут народ, нацию, государство вперед, никогда не устаревают, ибо они не зависят от времени, не имеют срока действия. Возможности развития образования всегда будут обусловлены тем, что в центре находится человек во множестве его взаимодействий с другими людьми. Те постулаты Сперанского, которые он высказал еще в 1796 году, о назначении человека, и его связи с обществом («быть другом общества, нести тяготу оною»), необходимо довести до сознания каждого учащегося, вступающего во взрослый мир. Социальный потенциал образования как системы будет всегда состоять в ее фактическом воздействии на образ жизни граждан, который выражается в подготовке их к освоению нового для них содержания различных форм жизнедеятельности, в развитии духовных потребностей.

В настоящее время нужно серьезно осмыслить гуманистические идеи прошлого, взглянуть на ученика-учителя, как на личность, «очеловечить» и образование, которое должно быть нацелено на уважение к личности, формирование у нее самостоятельности, установление гуманных отношений между теми, кто учится, и теми, кто учит. Гуманизацию образования нужно построить на основе смены стиля педагогического общения – от авторитарного к демократическому, при этом соблюдать главный принцип – уважение к личности, приобщение ее к культуре своего народа и ко всему богатству общечеловеческой культуры. Чтобы обрести себя, человеку (индивидууму) нужно выбрать и построить собственный мир ценностей, войти в мир знаний, овладеть творческими способами решения научных, личных, житейских проблем, и научиться управлять собой. Для того чтобы человек не потерял себя, создал себе механизмы самореализации, самозащиты и самовоспитания, нам нужны сегодня такие педагоги, как М.М. Сперанский.

Наглядный пример самоотверженного служения русского реформатора народу, несмотря на обиды, тяготы жизни и преследования властей, поможет правильно оценить вклад, который внес Сперанский в научную, культурную и духовную жизнь России, и значительно расширит представление об этом выдающемся деятеле, педагоге, воспитателе, просто человеке и любящем отце.

Многочисленные неразобранные и неопубликованные труды М.М. Сперанского еще ждут своих исследователей.

Список использованной литературы

Абрамов Я.В. В.Н. Каразин // Песталоцци. Новиков. Каразин. Ушинский. Корф. ЖЗЛ. – Челябинск, 1997.

Александровский лицей. Речи, произнесенные при открытии Царскосельского лицея. – СПб., 1811.

Андреев А.Ю. Гумбольдт в России // Отечественная история. – 2004, № 2.

Антология педагогической мысли России XVIII века. – М., 1985.

Антология педагогической мысли России первой половины XIX века. – М., 1987.

Балыхина Т.М., Ельникова С.И., Маркина Т.В., Харитонов О.В. Уроки толерантности. – М., 2005.

Баршев Я.И. Историческая записка о содействии второму отделению с.е.и.в. канцелярии развитию юридических наук в России. – СПб., 1876.

Булгарин Ф. Воспоминания. – М., 2001.

Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. – СПб., 1902.

Бунатян Г.Г. Город муз. – Л., 1987.

Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. – М., 1872.

Великие государственные деятели России / Под ред. А.Ф. Киселева. – М., 1996.

Виттекер Ц. Граф С.С. Уваров и его время. – СПб., 1999.

Восстание декабристов. Документы. Т. XVII. – М., 1980.

Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии. 1826-1882. Исторический очерк П.М. Майкова. – СПб., 1906.

Джуринский А.Н. История педагогики. – М., 1999.

Дмитриев В.М. О заслугах графа Сперанского русскому законоведению // Журнал Мин-ва нар. просв. – 1852.

Дружеские письма М.М. Сперанского к Н.Г. Масальскому. – СПб., 1863.

Знаменский П.В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование Александра I. – Казань, 1878.

Зябловский Е. Историческая повесть об учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования сего в Санкт-Петербургский университет с присоединением некоторых из предшествовавших учреждений по части Народного просвещения. – СПб., 1833.

Иванова И.М. Петр Великий. – СПб., 1898.

Исторический очерк императорского бывшего Царско-сельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 г. / Сост. И. Селезнев. – СПб., 1861.

История отечественного государства и права. – М., 2001.

История политических и правовых учений. – М., 2001.

История педагогики с XVIII века до середины XX века. – М., 1998.

Катетов И.В. Граф М.М. Сперанский как религиозный мыслитель. – Казань, 1889.

Ключевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990.

Колбасин Е.Я. Литературные деятели прошлого времени. – СПб., 1905.

Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш. Храм муз словесных. – Л., 1986.

Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой половины четверти XIX века. – Л., 1971.

Кочубинский А.А. Граф М.М. Сперанский и университетский устав 1835 года // Вестн. Европы. – 1894. – № 4-5.

Кунин Н.В. Петр Ильич Чайковский. – М., 1959.

Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX века). – М., 1998.

Левин В.Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX века. – М., 1964.

Ломоносов М.В. Избранная проза. – М., 1980.

Майков П.М. О Своде Законов. – СПб., 1905.

Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Отечеству на пользу, а россиянам на славу. – Л., 1988.

«Муза». Ежемесячный журнал за 1796 год. – № 1-12.

Новоковский В.А. Михаил Михайлович Сперанский. – СПб., 1893.

Обозрение исторических сведений о Своде законов. – СПб., 1833.

Огаркова В.В. Е.Р. Дашкова. Биографический очерк. – СПб., 1893.

Очерки русской культуры XVIII века. Ч. II. – М., 1987.

Письма М.М. Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. – М., 1869.

Погодин М.П. Сперанский (посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив. – 1871. – Стлб. 1247-1250.

Равкин З.И. Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры. – М., 1993.

Родчанин Е.Г., Зязюн И.А. Гуманист. Мыслитель. Педагог. Об идеалах В.А. Сухомлинского. – М., 1991.

Рождественский С.В. Сперанский и комитет 1837 года о степени обучения крепостных людей. – СПб., 1910.

Рождественский С.В. Материалы к истории училищной реформы в России в XVIII – XIX веках. – СПб., 1910.

Романович-Словатинский А.В. Государственная деятельность графа Михаила Михайловича Сперанского. – Киев, 1873.

Российская педагогическая энциклопедия. – М., 1993.

Российские реформаторы XIX – начала XX века. – М., 1995.

Руденская С.Д. Царскосельский – Александровский лицей. – М., 1999.

- Руденская М.И., Руденская С.Д.* Пушкинский лицей. – Л., 1980.
- Руденская М.И., Руденская С.Д.* Они учились с Пушкиным. – Л., 1976.
- Руденская М.И., Руденская С.Д.* С Лицейского порога. – Л., 1984.
- Русские университеты.* – СПб., 1914.
- Савваитов П.* Материалы для биографии графа М.М. Сперанского // Москвитянин. – 1855. – Кн. 1. – № 3.
- Середонин С.М.* Русский биографический словарь. Том «Смеловский-Суворина».
- Середонин С.М.* Сперанский М.М. – СПб., 1909.
- Словарь иностранных слов.* – М., 1964.
- Солодкин И.И.* Роль М.М. Сперанского в развитии юридического образования в России // «Правоведение». – 1962. – № 3.
- Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. – СПб., 1844.
- Сперанский М.М.* Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная Невской семинарии философии и физики учителем М. Сперанским. – СПб., 1797.
- Сперанский М.М.* Проекты и записки. – М., Л., 1961.
- Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. – СПб., 2002.
- Талалова Л.Н.* Интеграционные процессы в образовании: контекст противоречий. – М., 2003.
- Технико-ботанический словарь.* – СПб., 1820.
- Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии. – М., 1991.
- Тургенев Н.И.* Россия и русские / Пер. с фр. – Париж, 1847.
- Уваров С.С.* Десятилетие Министерства народного просвещения 1833-1843. – СПб., 1864.
- Фатеев А.Н.* Сперанский. Влияние среды на составителя Свода законов в первый период его жизни. – М., 1915.

- Фатеев А.Н.* Сперанский – генерал-губернатор Сибири. – Прага, 1942.
- Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев.* – М., 1997.
- Федорченко В.И.* Императорский дом: выдающиеся савовники. – Красноярск, 2000. – Т. I, II.
- Флоринский Н.И.* Некоторые черты из жизни графа М.М. Сперанского. – М., 1874.
- Чайковский М.И.* Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Т. I. – М., Лейпциг, 1903.
- Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор. – М., 1976.
- Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. – СПб., 1857.
- Чистович И.А.* В память графа М.М. Сперанского // Христианское чтение. – 1871. – № 12.
- Южаков С.Н.* Сперанский. Его жизнь и государственная деятельность. – СПб., 1882.
- Яковкина Н.И.* История русской культуры XIX века. – СПб., 2000.
- Якушкин В.Е.* Сперанский и Аракчеев. – СПб., 1905.

*Отрывок из проповеди, говоренной М.М. Сперанским
в неделю осьмую на десять октября 1791 года в Александ-
роневской лавре: «Не бойся отселе будешь человека лова»
(Русская старина, 1902, январь. С. 286-291)*

...Отдаление времени и различие обстоятельств сколько ни закрывает от нас начала обществ, между тем, однакож, сие остается неоспоримо, что какого бы рода ни предполагаемы были побуждения собраться людям воедино, первая их выгода основа всегда должна лежать на взаимных выгодах; но сии выгоды без доверия, а доверие без доброты сердца существовать не могут. Разум даст наилучший чертеж для образования общества, напишет наилучшие законы, предусмотрит неудобства, ограничит силу властей, проведет черту порядка и подчинения и наперед разрешит могущие встретиться затруднения; но, имея развращенное сердце, он первый в жизни своей покажет пример расстройства, первый введет замешательство и безначалие, первый разорвет те священные узы, коими связуются выгоды сочленов, и словом, первый готов будет разрушить собственное свое произведение. Пружина, дающая ход системе общества, очень проста: люби твоих собратий, помогай им – вот все таинство ее действий! Множество законов, соплетение прав, трудность сообразить преимущества каждого с выгодами всех доказывают только развращение нашего сердца, разнообразие наших страстей, недостаток единства в желаниях, нисколько не вводя их в существенное общества состояние.

Они возникли уже в поздние времена устройства общества и едва ли не тогда, как расширение круга наук отверзло новые пути нашим желаниям, умножило наши нужды, уточнив наши страсти, и, удалив от простоты естества, заставило искать удовольствия далеко от себя, в подделанном искусстве. Это правда, что сообщать блеск наружной славы, дать обществу вид величия одно только может просвещение. Но будь премудрый Государь, поставь престол свой на столбах твердейшей политики, призови к поддержанию его превосходные дарования, блистай с нею умом твоим в концы вселенной, заставь славу возглашать немолчную трубою твое знание, твои высокие таланты – тебе будет удивляться свет, но если ты не будешь на троне человек, если сердце твое не познает обязательств человека, если не сделаешь ему любезными милость и мир, не низойдешь с престола для отречения слез последнего из твоих подданных, если твои знания будут только к тому, чтобы искуснее позлатить цепи рабства, чтоб неприметнее положить их на человек и чтоб уметь казнить любовь к народу и, из-под завесы великодушия, искуснее похищать его стяжение на прихоти твоего сластолюбия и твоих любимцев, чтоб поддержать всеобщее заблуждение, чтоб изгладить совершенно понятие свободы, чтоб сокровеннейшими путями провести к себе все собственности твоих подданных, дать почувствовать им тяжесть твоея десницы и страхом уверить их, что более, нежели человек: тогда, со всеми твоими дарованиями, со всем сим блеском, ты будешь только – счастливый злодей; твои ласкатели внесут имя твое золотыми буквами в список умов величайших, но поздняя история черной кистью прибавит, что ты был тиран твоего отечества. Будь судья и наилучший правоведец, открой истинный разум законов, выведи из существа дела их употребление, умеи развязать узел дел, наиболее соплетенных; найди самое тончайшее различие между пороком и пороком, между казнию и казнию; упражняйся через всю твою жизнь в истории человеческих заблуждений и пронырств.

...И когда Бог со славою и ангелами своими придет судить человеков он спросит: Известны ли сердцу вашему сии чистые излияния любви и приверженности к вашему создателю и Отцу? Раздирались ли жалостию при виде несчастного, коему вы не могли помочь? Сострадали ли вы бедным? Они были в темнице, посетили ли вы их? Они терпели наготу, одели ли? Они несли жажду, напоили ли? Теперь здесь предо мною явятся плоды вашей жизни. Вы мне кажете ваше просвещение, но это есть только свидетельство на ваше самолюбие. Я требую добродетели, не представляйте мне сих бесплотных изобретений, сих сухих правил, сих знаний, что вы называете глубокими; они капля перед мудростью моею, они прах предо мною. Это суть мелкие забавы, коими доселе дозволял я вашему мелкому уму заниматься. Теперь покажите веру от дел ваших; не ум, раскройте сердце предо Мною. Мы, которые, при толиком рвении к просвещению, толико нерадим о нравственном своем характере, что тогда отвечать будем? Неблагодарные, речет Бог я дал вам малое количество разума, но довольное к тому, чтоб вы были счастливы; его тесным пределам давал вам разуметь, чтоб вы не терялись с ним в бесполезных изысканиях. Я напутствовал вас сим светильником для того, чтобы вы освещали им путь своей жизни, чтоб сердце ваше следовало за ним неотступно. Я связал их тесным между собой союзом; но вы разорвали сей священный узел, вы положили преграду между сердцем и умом, вы предписали каждому свои законы; ваш ум свет, дела ваши тьма. Вы назвали просвещением буйство; простотою мудрость. Сокройтесь от взора моего, рабы неверные; не дети вы Мои — сынове гнева. Молния и гром скончают словеса сии. Гнев трясущего вселенную из ее оснований неужели не подействует над вами? Еще ли продолжится сей сон, сие обаяние нашего самолюбия. Всегда, всегда ли душа наша будет жить среди сих лестных мечтаний, или никогда не сойдем мы с сей мнимой высоты нашего сердца? Всегда ли мы будем усовершенствовать состав наших знаний и расстраивать наши

дела? Всегда ли мы будем мыслить превосходно и жить развращенно? О человек! Если вы не хотите согласить в себе противоречия, отжените себя от общества, идите с вашим просвещением скитаться по горам, откажитесь от вашего счастья, презрите глас Бога, дерзайте на все, когда смели забыть, что верх всего — добродетель!

Аминь.

лия и
возвр
роды
«дабь
они ч
физич
провс
закал

ни и
ретты
душу
Д.Г. :
ток»,
граци
редел

та от
для д
воспи
водев
же, к
тексту

ния, «
трудо
женн
гонап
ления
торог
и цер
школ
школ
ный
далье

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОБ УСОВЕРШЕНИИ ОБЩЕГО НАРОДНОГО ВОСПИТАНИЯ (Русская старина, 1907, № 12, с. 730-735)

I. Причины настоящих неудобств

Главные средства, которыми правительство может действовать на воспитание народное, состоят:

1. В доставлении способов к просвещению. Сюда принадлежит устройство училищ, библиотек и тому подобных публичных заведений.

2. В побуждениях и некоторой моральной необходимости общего образования.

В России первое из сих средств давно уже было принято и, переходя разные постепенности, в настоящее царствование нарочито усилено. Можно с достоверностью сказать, что никакое правительство не употребляло в сей части ни более щедрости, ни усилий.

Но второе средство доселе не было еще довольно употребляемо. Доселе правительство ограничивало себя частными поощрениями, отличиями, напоминаниями. Но учение никогда еще не было у нас поставляемо условием необходимым и обязанностию непрямого для вступления в службу и занятия гражданских мест.

Между тем известно, что условие сие в других государствах существует. Не говоря уже о Франции, ни в Австрии, ни в Англии, ни в немецких землях никто не может быть ни судьей, ни адвокатом, ни прокурором без аттестата и испытания известных учебных мест.

И в России условие сие предварительно уже принято; в правилах народного просвещения (статья 24) постановлено: «чтоб ни в какие губернии спустя 5 лет по устройении в округе, к которому она принадлежит на основании общих правил училищной части, не определять к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, людей, не окончивших учения в общественном или частном училище».

Положенные сим правилом лета истекают, но каким образом привести меру сию в действие, когда во всех университетах и гимназиях количество учащихся столь мало-численно?

Нужно, прежде всего, рассмотреть причины сей мало-численности.

Из опытов известно, что у нас существуют три рода гражданского учения: 1) учение домашнее, 2) учение в частных пансионах, 3) учение в казенных училищах.

Учение домашнее обыкновенно употребляется в домах дворян богатых, имеющих способы нанять учителей и гувернера. Учение в пансионах есть удел дворян средних. Учение в училищах большею частию оставляется людям бедным свободных состояний.

Первый способ учения очевидно для государства удобен 1) потому, что для великого числа людей нельзя найти довольно хороших учителей. Отсюда все те странности и укорины, коим выбор иностранных учителей издавна и не без основания у нас толико оглашен; 2) способ сей удобен и потому, что он оставляет правительству средств наблюдать за духом воспитания и приводить юношество к некоторому единообразию общественных правил.

Второй способ (учение в частных пансионах) в меньшей степени, но те же представляет неудобства. Третий всех был предпочтительнее. Но все три вместе имеют то главное неудобство, что в них ограничиваются первыми токмо начатками словесности и считают воспитание конченным, как скоро приобретено некоторое познание в иностранных язы-

ках, в арифметике и тому подобных стихийных науках, т.е. считают его поконченным там именно, где оно действительно начинается.

Нужно рассмотреть причины сего странного расчета, чтобы обнаружить самой корень зла.

Все успехи гражданской службы измеряются у нас чинами, ибо с чинами сопрягаются не мнимые только отличия, но и места и все выгоды. Чины же даются большею частию по летам службы. Отсюда сие всеобщее странное, но весьма естественное влечение к чинам и отсюда раннее вступление в службу*, и следовательно, совершенная преграда всякому учению основательному, требующему времени и некоторой в уме зрелости.

Отсюда предпочтение пенсионеров частных и домашнего воспитания, в коих все науки пробегаются слегка и поверхностно, и отчуждение от училищ государственных, коих ход основан не на блеске, но на методах правильных.

По сему если бы чинов гражданских не было, а места занимались бы по успехам просвещения, или по крайней мере если бы чины раздаваемы были в точной соразмерности с науками, то каждый по необходимости принужден был бы учиться, чтоб достигнуть или мест, или отличий.

* Отсюда сей общий и ясный расчет отца, желающего пристроить обыкновенным порядком судьбу детей своих. он состоит в следующем: порядочное гражданское воспитание не может совершаться, как по крайней мере в 21-й год возраста. Студент, окончивший в сие время учение, получает по закону чин коллежского регистратора, между тем как другой, вступивший в службу прежде окончания наук или и совсем без учения, в то же самое время выходит уже по летам службы в титулярные советники. Здесь начинается разность, весьма уже приметная: между тем как ученый достигает чина коллежского асессора, неученый с некоторым навыком и с небольшим покровительством выйдет уже в статские советники; следовательно, лучше кажется отцу скорее ввести детей в службу, нежели продолжать их науки.

Итак, в чинах и неудобном их распределении состоит первое и главное начало настоящего заблуждения.

II. Способ

Из предыдущего явствует, что в лучшем распорядке гражданских должно искать той моральной необходимости, кою правительство может действовать на успех воспитания.

Два средства здесь представиться могут: один, можно сказать, коренной, а другой — приговорительный.

Первое средство

Чины гражданские введены в России в те времена, когда в грубых нравах века не было другого способа дать людям, занимающим гражданские должности, некоторое уважение и отличие от черни, как сравнив их места с чинами военными; отсюда произошла пресловутая *табель о рангах*.

Чины гражданские в начале своем имели постоянное знаменование. Коллежский советник был действительно советником Коллегии, но впоследствии мало-помалу знаменование сие переменилось, чины умножились без меры, отделились от мест, и остались даже такие чины, коих и должности соответствующие в Империи уже не существуют.

Две причины содействовали сему размножению чинов: 1) правительство находило в них мелкий и неубыточный способ поощрять и награждать исполнителей; 2) чины представляют удобный способ перехода из других состояний в дворянское и, следовательно, по-видимому, поправляют неравновесие.

Первая причина не может быть уважительна. Давая чин, правительство дает не мнимое только и сравнительное титуло, оно дает право на место чину, сему соответствующее, но к коему чиновник сей никогда не готовится, и следова-

тельно, готовит себе неспособного исполнителя*. Оно дает ему право и на следующие чины, коих он одними летами службы, без сомнения, достигнет, и следовательно, давая чин, например, коллежского асессора чиновнику в полицейском деле расторопному, оно вместе с тем законом ручается ему и в чине тайного советника, коему он и природою и воспитанием не призван. Оно дает ему еще более, давая право покупать деревни и владеть людьми в крепость. Итак, награда чинами, по первому взгляду так легкая и почти мнимая, в самом деле есть монета самая неудобная и для государства обременительная.

Вторая причина более имеет основательности. В самом деле, посредством чинов отворяется всем свободным состоянием переход в дворянство; отсюда соревнование, поощрение дарованиям и проч. Но все сии выгоды были бы тогда только уважительны, когда бы дворянство наше не было бы основано на крепостном владении людей; в настоящем же положении, приобщая новых чиновников к сему сословию, правительство не умножает ли массу, народ тяготящую, и, желая постановить равновесие с одной стороны, не разрушает ли его с другой? Не доказывают ли, впрочем, примеры, что новые дворяне, чинами происшедшие, бывают горше и алчнее старых?

Итак, ни в виде легких наград, ни в виде перехода к равновесию чины не могут быть признаны установлением для государства ни нужным, ни полезным.

Но вредных их последствий исчислить трудно. Они делят народ на два несоразмерных класса, на дворянство и чернь; не оставляют почти места среднему столь полезному состоянию; ввергают в презрение все, что ими не украшено, дают ложную цену местам и достоинствам, смешивают и ставят наравне людей просвещенных с невеждами, наполняют должности чиновниками неспособными и даже из писцов,

* Сие неудобство особенно в высших чинах ощутительно.

науками не приуготовленных; одним порядком службы приводят людей к высшим званиям государственным; искательствами и множеством мелких злоупотреблений они развращают дух народный и, что всего горше, заражают самые источники народного воспитания.

Из сего видно, что средство самое коренное к успехам народного образования было бы уничтожение на будущее время всех чинов титулярных, или, лучше сказать, обращение их к тому первоначальному правилу, чтоб чины не что иное были, как означение мест, действительно занимаемых.

Но предположение сие требует мер предварительных. Оно должно быть соображено с теми основаниями, на коих права дворянства должны быть постановлены. Ввести его ныне без общего плана было бы неудобно.

Но ныне же можно ввести некоторые правила, к нему принадлежащие и успехам общего образования способствующие.

Второе средство

Сии приговорительные правила могут состоять в следующем:

I. Чин коллежского асессора, яко первый чин, дающий право на потомственное дворянство, открыть для тех только, кои будут обучаться или будут испытаны в университетах. Сие представит первую необходимость публичного воспитания.

II. Для канцелярских чинов довольно оставить первые три офицерских чина, кои со временем при общем плане могут быть преобразованы в одно личное дворянство с правом владеть землею в крепость, а людей селить по условиям.

III. Последующие восьмиклассные чины затруднить для неучившихся и облегчить, сколь можно, для тех, кои предъявят свидетельства в их учении. Второе побуждение к наукам.

лия и
возвр
роды
«даб
они с
физи
прово
закал

ни и
ретте
душу
Д.Г.
ток»,
граци
редел

та от
для д
воспи
водег
же, к
текту

ния,
трудн
женн
гонап
ления
торог
и цер
школ
школ
ный и
дальн

IV. Чин статского советника, яко к государственной уже службе принадлежащий, сколь можно более уважить и открыть его единственно для людей, в учении испытанных и в службе довольно уже упражнявшихся. Сие составит третье побуждение к учению и, сверх того, преградит вход в государственную службу лицам, кои ввергают ее в некоторое неуважение.

На сем основании составлен прилагаемый при сем проект указа.

1808 г.

Наталья Михайловна Румянцева

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.М. СПЕРАНСКОГО

Монография

Технический редактор *Е.В. Коврижных*

Корректор *О. Бельтран-Легас*

Компьютерная верстка *М.Н. Заикина*

Дизайн обложки *М.В. Шатихина*

Дополнение к тематическому плану 2005 г.

лия и
возвр
роды
«даби
они ч
физи
прово
закал

ни и
ретть
душу
Д.Г. .
ток»,
граци
редел

та от
для д
воспи
водее
же, к
текту

ния,
трудо
женно
гонац
ления
торог
и цер
школ
школ
ный и
дальн

Для заметок

Лицензия серия ЛР № 020458 от 4 марта 1997 г.

Подписано в печать 16.12.05 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 11,00. Усл. кр.-отт. 11,87.
Тираж 500 экз. Заказ 1259

Издательство Российского университета дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д.3.

Типография ИПК РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

лия и
возвр
роды
«даб
они ч
физи
прово
закал

ни и
ретть
душу
Д.Г. .
ток»,
граци
редел

та от
для д
воспи
водеи
же, к
текту

ния,
трудн
женн
гонап
ления
торог
и цер
школ
школ
ный и
дальн

Для заметок